Лидія Чарская.

НАВАЗДЧИЦА

ИЗДАНІЕ
В. И. ГУБИНСКАГО

З. 37
Ш. 72
П. 6
№ 25.

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Старая книжка. 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. Соч. Фр. Гофъ-Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскраш. рис. 237 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ рис. и заставк. Н. Андреева, Зубрилова и др. 260 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера. Переводъ Куренко, съ рис. 288 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Серебряные коньки. Исторія одной Голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь. 324 стр., съ 50-ю рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Красный морской разбойникъ. Соч. Фр. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы Н. И. Познякова, съ рис., художн. Зубрилова, Андреева и др. 240 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Библейская Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, прот. Базарова, 285 стр. съ 110 рис. въ текстѣ и 16 отдѣльными картинами художника Дорэ, въ красивой хромолитогр. папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста. М. А. Лялиной. 100 разсказ. Съ 80 рис. и заст.; въ папкѣ ц. 1 руб.

Чудо-Сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева. 317 стр., съ 70 рис.; въ красивой папкѣ, цѣна 1 р.

Среди звѣрей. Русскія сказки собр. М. Шевляковымъ Спб. 274 стр., съ 50 рисунк. художн. Животовскаго и др.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Бабушкины сказки. Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Табурина. Спб., 250 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Книга чудесъ. Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Составилъ Н. Готорнъ, съ рисунками. Спб. 4-е изданіе, 320 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой, съ 30 рисунками, художн. Н. М. Андреева и др., въ папкѣ, 1 руб.

Въ деревнѣ. Разсказы С. Макаровой, съ 40 рис. художн. Захарова и др. 242 стр.; въ папкѣ, ц. 1 руб.

Маленькіе проказники. Веселые разсказы. Въ пересказкахъ Черскаго съ рисунк. художн. Андреева; въ папкѣ, 128 стр., ц. 60 коп.

Сказки бабушки про чужія странушки. Собрала и пересказала Е. Чистякова-Вэръ. Съ 122 рисун. и заставками; въ папкѣ, ц. 1. р. 50 к.

*Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія. Переводъ Эльвенгрейнъ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, 278 стр., цѣна 1 р.

*Хижина дяди Тома или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ С.-Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Переводъ Ландини. Съ 112 рисунками 383 стр., цѣна 90 коп.

*Донъ-Кихотъ Ламанчскій. Соч. Мигуэля Сервантеса Сааверды. Переводъ съ испанскаго В. Карелина, 6-е изданіе, съ 700 иллюстр. Ц. 3 р.

*Улыбки и слезы. Разсказы для дѣтей. Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ рисунк. художника М. А. Андреева, въ папкѣ, 280 стр., ц. 1 р. 20 к.

*Дитя Лѣсовъ. Приключенія мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ. Сочин. Эли Бертэ. Пер. Ратомскаго. Съ 42 рис. 240 стр., ц. 1 р.

Синія тучки. Разсказы для дѣтей, сочин. Л. Чарской, съ рисунк. художника А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Свѣтлый воинъ—Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованій: Бориса Годунова, Лже-Димитрія и Василія Шуйскаго. Сочин. Л. Чарской, съ рисунк. художника М. А. Андреева и друг. 360 стр. въ папкѣ, Спб., ц. 2 р.

*Солнышко. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Л. А. Чарской, съ рисунками художника М. Андреева, въ папкѣ, цѣна 1 р. 35 коп.

*Струйка за струйкой—волна за волной. Сборникъ разсказовъ по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ Л. А. Чарской. Съ рис., ц. 1 р. 25 к.

Смѣлые, Сильные, Храбрые. Историч. разсказы Л. А. Чарской. Съ рисунк., художн. Андреева въ папкѣ, ц. 1 р. 50 коп.

Гимназисты. Сирена. Въ глуши. Три разсказа Л. А. Чарской, съ рисунк художника М. А. Андреева; въ 227 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

Гимназистки: Разск. Л. А. Чарской. Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Огоньки. Сборн. разск. Л. А. Чарской. Съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*Яркія звѣздочки. (Разсказы для дѣтей младшаго возраста). Л. Чарской, съ рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др. Ц. 1 р. 20 к.

Бѣлыя пелеринки. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: Южаночка и Некрасивая. Л. А. Чарской. Съ рис. худ. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

Особенная. Повѣсть Л. Чарской, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Семья Лоранскихъ. Соч. Л. Чарской, съ рис., ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Вокругъ Свѣта. Соч. Дарвина, съ рис., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Міръ сказокъ. Собраніе самыхъ знаменитыхъ интересныхъ сказокъ Ю. Гофмана и Гримма. Перев. Владимірова. Съ 25 рисунк. 286 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Приключенія молодого натуралиста. Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія. С. Бриліанта, съ 130 рис.; 400 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Юмористическая сказка въ стихахъ. Ратомскаго, съ 58 рис. С. Эрбера; въ папкѣ, ц. 50 к.

Въ родномъ гнѣздышкѣ. Двадцать разсказовъ для дѣтей Б. Дубровской, съ рисунк.; худ. М. Андреева, въ папкѣ, 100 стр., ц. 60 к.

*Въ добрый часъ. Разсказы для дѣтей изъ Американской жизни, Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 72 рис.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Другъ дѣтей. Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ. А. Н. Нефловой, съ 100 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Сказки доброй Феи. Соч. Ж. Массе, съ 48 рис., художн. Берталя. Перев. съ французскаго А. Н. Нефловой; въ папкѣ, 214 стр., ц. 1 р.

*Любимыя сказки Эд. Лабулэ. Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко; въ хромолитографической папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Тысяча одна ночь, арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Перев. въ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. 25.

*Маленькія школьницы (пяти частей свѣта). Соч. Эл. Бертэ. Перев. Н. Мазуренко. Съ 65 рисунк. 256 стр.; въ хромолитогр. папкѣ, ц. 1 р.

*Дѣтство и юность знаменитыхъ людей. Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис. Перев. съ французскаго С. Майковой. Спб. 2-ое изд. Ц. 1 руб.

*Юность знаменитыхъ людей. Сочиненіе Е. Мюллеръ. Переводъ съ французск. В. Владимірова. 2-е изданіе съ 39 портретами и рисунками, ц. 1 руб.

Картины растительности. (Жизнь и Нравы Птицъ и Животныхъ). Сочиненіе Мазіуса. Переводъ Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова, съ рисунками въ папкѣ, ц. 1 руб. 50 коп.

*Дѣвочка Робинзонъ. Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи Мюллеръ. Маленькій дикарь, разсказъ Штейна. Перевелъ съ французскаго В. Д. Владимірова. Съ 22 рисунками; 2 изд. 246 стр. въ папкѣ, 1 р.

*Жучка. Разсказы изъ деревенской жизни—Милордъ и Горгона; Человѣкъ и Попугай, очеркъ М. О. Ростовской. 4-е изд. Съ 35 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Крестьянская школа. Исторія открытія сельской школы. М. Ѳ. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 к. (Большой томъ), въ папкѣ 2 руб.

*Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. М. Ѳ. Ростовской. 4-е изданіе. Съ 25 карт. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Пони. Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей и др. Ростовской. 4 изд., съ 27 рисунками; въ папкѣ, 221 стр. Спб. ц. 1 р.

*Дѣтскія забавы. 24 разсказа для дѣтей. М. Ѳ. Ростовской. Съ 50 рис. худ. Захарова Шлипера и др. 240 стр; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Разсказы изъ Путешествій по Швейцаріи и др. Соч. М. Ѳ. Ростовской. 2-е изданіе, съ рисунками; въ папкѣ 274 стр. ц. 1 руб. 20 к.

*Звѣздочка. Повѣсти и разсказы для дѣтей. М. Ѳ. Ростовской. Съ картинами; въ папкѣ, 3-е изд., 259 стр., ц. 1 р.

Четыре времени года. Зима, Весна, Лѣто и Осень. Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Разсказы изъ деревенскаго быта. Ростовскій, ц. 1 р.

*Сказки бр. Гриммъ, пересказанныя дядею Павіомъ. Съ раскрашенными картинами художника Крюкова, 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 75 к.

*Чешскія сказки, собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевой. Переводъ М. А. Лялиной, съ 36 рис., 286 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

*Ноевъ Ковчегъ. Повѣсть. Соч. де-Питраиль, урожденной граф. де-Сегюръ. Перев. В. Карпинской, съ 33 рис. художн. Робиди. Спб. въ папкѣ, ц. 1 р.

Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста. Воспоминанія Н. Ратомскаго. Съ рис. художн. М. Андреева; въ папкѣ 116 стр., цѣна 50 коп.

*Итальянскія сказки, собранныя и обработанныя Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 62 рис. итальянск. художн. 318 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

На отдыхѣ. 27 разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ 77 рис. и заставками. Соч. Е. М. Чистяковой Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 коп.

*Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена. Сочиненіе Фр. Гофмана. Переводъ А. Нефловой, съ 50 рис., нѣкоторые изъ нихъ хромолитографированные; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Заклинатель змѣй. Соч. Русселэ. Съ рисунками; въ папкѣ, 1 р. 25 к.

Лидія Чарская.

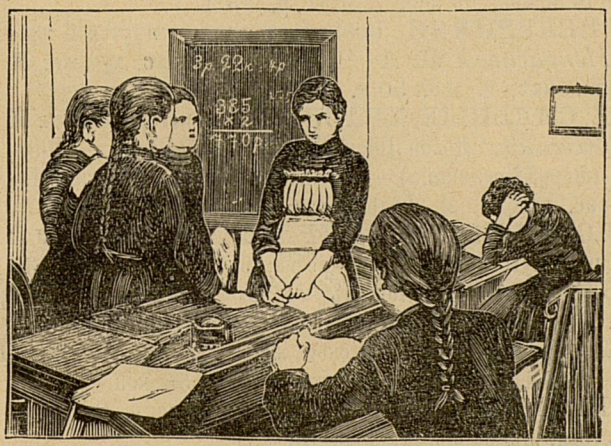
НА РАЗСВѢТѢ.

РАЗСКАЗЫ.

СЪ РИСУНКАМИ

ХУДОЖНИЦЫ **Е. Лебедевой-Анохиной.**

ГРАВИРОВАЛЪ **Ю. ШЮБЛЕРЪ.**



Съ картины Шенксъ.

1914 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1914.

*СВѢТЛЫЙ ВОИНЪ. Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій. Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. **Л. А. Чарской**, съ рисун. художника М. Андреева и др. 365 стр. Спб., ц. 2 руб.

СИНІЯ ТУЧКИ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста **Л. А. Чарской**, съ 49 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*СТРУЙКА ЗА СТРУЙКОЙ—ВОЛНА ЗА ВОЛНОЙ. Пересказы нѣмецкихъ дѣтскихъ писателей **Л. А. Чарской**. Съ 40 рис., художника М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*СОЛНЫШКО. Сборникъ разсказовъ для дѣтей **Л. А. Чарской**. Съ рисунками, художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*ЯРКІЯ ЗВѢЗДОЧКИ. Разсказы для дѣтей младш. возраста **Л. А. Чарской**, съ 60 рис. и заставк. худ. И. Зубрилова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

ГИМНАЗИСТКИ. 10 разсказовъ. Съ рисунками художн. М. Андреева. гравир. Ю. Шюблеръ, А. Смирновъ и М. Морозовъ; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ГИМНАЗИСТЫ.—*Сирена.—Въ глуши*. Три разсказа **Л. А. Чарской**. Съ рисун. художн. М. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

СКАЗКИ. Соч. Фр. Гофмана въ пересказѣ **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. А. Сизова. Спб., ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЬКИ. Разсказы для юношества **Л. А. Чарской**. Съ рисунками художн. А. Шлипера; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

БѢЛЫЯ ПЕЛЕРИНКИ. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: *Южаночка и Некрасивая* **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. Андреева; 296 стр. въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

СМѢЛЫЕ, СИЛЬНЫЕ, ХРАБРЫЕ. Три истор. повѣсти **Л. А. Чарской** *Содержаніе:* Долой Перуна! (Крещеніе Руси). — Подъ вѣчевымъ колоколомъ. (Марѳа Посадница).—Сююнбека, царица Казанская. (Покореніе Казани). Съ рис. художн. М. Андреева и Б. Чорикова; ц. 1 р. 50 к.

СЕМЬЯ ЛОРАНСКИХЪ.—ДУРНУШКА. Двѣ повѣсти **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

ЛАРА БЕЗСОНОВА. Повѣсть **Л. А Чарской**. Съ рисунками; художн. М. Андреева. 256 стран. въ папкѣ. Ц. 1 р. 35 к.

ПРІЮТКИ. Повѣсть изъ пріютской жизни **Л. А. Чарской**. Съ рис. художн. М. А. Андреева. Ц. въ папкѣ 1 руб. 50 коп.

ОСОБЕННАЯ. Повѣсть для молодыхъ дѣвушекъ. Съ рис. художника М. А. Андреева; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

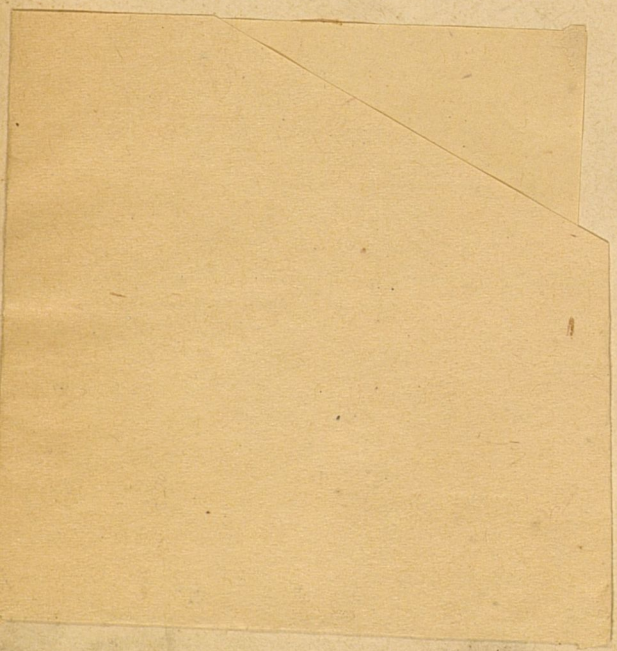
„**ОГОНЕКЪ**“. Повѣсть **Лидіи Чарской**. Съ рисунками; цѣна 35 к.

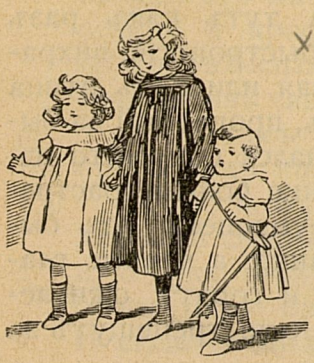
ВЕЧЕРНІЕ РАЗСКАЗЫ. 10 разсказовъ **Лидіи Чарской**. Волька.—Корректорша Варкунина.—Мать.—Первый день.—Два сочельника.—Золотая свирѣль.—Репетиторъ.—Маля.—Мастерская мадамъ Пике.—Подъ чужимъ небомъ. Съ рис. художн. М. А. Андреева; въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб., Ярославская ул. 1—9.

Снѣгурочка-царевна.

Гос. Публичная Библ. Ленинград





Снѣгурочка-царевна.

(Рождественская сказка).

Проснулся дѣдушка-Морозъ, потянулся и протяжно зѣвнулъ въ своемъ бѣломъ теремѣ. Прибѣжалъ, прилетѣлъ краснощекій вихрастый мальчикъ Вѣтерокъ на своихъ легкихъ и быстрыхъ крыльяхъ. Выглянула изъ зеленой хвойной горенки, изъ-подъ снѣжнаго полога бѣлой лебяжьей кроватки ясноглазая дѣвочка-Снѣгурочка и звонкимъ голоскомъ крикнула на всю чащу:

— Здравствуй, дѣдушка-Морозъ! Здравствуй, вѣтерокъ-братецъ! Мохнатые лѣсовики и русалочки-подружки зеленокудрыя,—всѣ здравствуйте!

— Здравствуй, дѣвочка-Снѣгурочка, лѣсная царевна наша!—закричали на разные голоса обитатели лѣсного царства.

Тутъ синеглазая шалунья выбѣжала изъ своего хрустальнаго теремка и повисла на шеѣ у дѣдушки-Мороза.

— Любишь-ли свою внучку, старенькій? Крѣпко-ли любишь?—допытывается проказница, заглядывая дѣду въ глаза.

Тотъ только посмѣивается, цѣлуетъ да обнимаетъ внучку, гладитъ льняныя кудряшки, вслушивается въ веселую болтовню да въ серебристый смѣхъ дѣвочки, любуется ея синими глазками... Люба ему, старому дѣду, ясноглазая Снѣгурочка, его един-

ственная внучка-красавица, лучшее сокровище лѣсного царства. И думаетъ-подумываетъ дѣдъ, какъ-бы потѣшить-повеселить ее. А тутъ какъ разъ мальчикъ-вѣтерокъ подбѣгаетъ, быстроногій, вихрастый да ловкій какъ лань лѣсная или какъ птица крылатая. Всюду онъ поспѣваетъ, проворный да быстрый. И сейчасъ, видно, примчался откуда-то издалека... Волосенки вихрастые еще больше растрепались, распустились, залито румянцемъ отъ быстраго бѣга-полета смуглое личико, а черные глазенки такъ и сверкаютъ, такъ и горятъ оживленіемъ, да темныя крылышки все еще трепещутъ за спиною.

— Дѣдушка, дѣдушка,—разсказываетъ, захлебываясь отъ восторга, мальчикъ,—былъ я въ большомъ городѣ сегодня, леталъ, носился вокругъ домовъ людскихъ. Всюду, въ каждомъ домѣ, ждутъ праздника нынче. Сочельникъ у людей празднуется—канунъ Рождества. Всюду зеленыя елки закупаютъ, украшаютъ ихъ пышно, наряжаютъ какъ царевенъ въ богатые уборы... Вечеромъ свѣчи на нихъ зажгутъ, хороводы дѣти вокругъ нихъ водить станутъ. Нечего и говорить, умѣютъ веселиться люди, знаютъ какъ ребятокъ своихъ потѣшить. А у насъ въ лѣсномъ царствѣ и помину обо всемъ этомъ нѣтъ.

Замолчалъ Вѣтерокъ... А Снѣгурочка насупилась, надулась. Смотритъ на дѣда уже не прежними ласковыми глазенками, сжимаетъ, хмуритъ темныя бровки.

Глянулъ на внучку дѣдушка-Морозъ и расхохотался. Догадался сразу, чего пожелало сердце шалуньи. Ударилъ въ ладоши старый и крикнулъ на весь лѣсъ зычнымъ, громовымъ голосомъ:

— Эй, лѣсовики-лѣшіе! Русалочки-лѣсовички, ко мнѣ спѣшите! Зоветъ васъ всѣхъ, кличетъ старый царь вашъ Морозъ!

Едва прозвучало послѣднее слово старика, какъ ахнула вся лѣсная чаща: козлоногіе, мохнатые лѣсовики и красивыя зеленокудрыя русалочки-лѣсовички, въ бѣлыхъ теплыхъ лебяжьихъ шубкахъ, повыскакали изъ чащи и предстали передъ своимъ царемъ.

— Зачѣмъ звалъ насъ, батюшка-повелитель?— преклонивъ колѣна, спросили всѣ они хоромъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, дѣтки мои: обѣгите весь лѣсъ, да сыщите мнѣ самую красивую, самую стройную елку, такую красивую, чтобы у самого людского царя подобной ей въ теремѣ не оказалось. И сюда ее мнѣ доставьте. Мое ужъ дѣло будетъ ту елку украсить хрустальнымъ нарядомъ, да серебряными блестками. А мѣсяцъ и звѣзды ее къ ночи разноцвѣтными огнями зажгутъ.

Сказалъ и замолкъ дѣдушка-Морозъ.

Тучей разлетѣлись лѣсовики и лѣсовички по всему лѣсному царству. Помчался за ними и смуглый мальчикъ-Вѣтерокъ. Не больше какъ черезъ часъ доставили они заказанную имъ царемъ Морозомъ елку.

Какъ увидала лѣсную красавицу дѣвочка-Снѣгурочка, такъ и запрыгала, такъ и забила въ ладоши отъ восторга. Дѣйствительно, дивно хороша была елочка! Стройная, гибкая, зеленая, пушистая и ровненькая, словно на картинкѣ нарисована она. Конечно, ни у одного царя людского такой въ теремѣ не найдется.

Въ одинъ мигъ украсилъ ее баловникъ дѣдушка-Морозъ для своей внучки любимой. Прицѣпилъ хрустальныя сосульки къ ея вѣтвямъ, иглами инея опушилъ ея хвою, серебряными снѣжинками всю забросалъ, запудрилъ пушистой блестящей пудрой снѣжной пыли. А какъ взошелъ мѣсяцъ надъ лѣсомъ, да загорѣлись милліарды огней въ разноцвѣт-

ныхъ хрустальныхъ подвѣскахъ, такъ вся и засверкала и засіяла елочка дивной сказочной красотой!

Къ полночи приказалъ царь-Морозъ собираться всѣмъ своимъ подданнымъ на большой полянѣ. Обѣщалъ имъ праздникъ устроить, обильное угощеніе и веселыя пляски вокругъ елки, а пока распустилъ всю свою свиту на вечерній покой. И самъ ушелъ отдохнуть до полночи въ свой хрустальный теремъ.

Умчался мальчикъ-Вѣтерокъ, любопытный, снова по людямъ, поглядѣть—послушать какъ проводятъ они сочельникъ Рождества. А дѣвочка-Снѣгурочка осталась любоваться чудесной елкой и никто не могъ уговорить ее пойти отдохнуть передъ праздникомъ въ ея теремкѣ. Сидитъ-посиживаетъ на снѣговомъ сугробѣ царевна лѣсная, поджавши ножки, и глазъ не сводитъ съ дивной елочки, не можетъ оторвать отъ нея взоровъ ни на одинъ мигъ. А та вся такъ и сверкаетъ, такъ и горитъ и дивнымъ волшебнымъ видѣніемъ чудится она среди лѣса.

— Ахъ!—вдругъ слышитъ дѣвочка-Снѣгурочка позади себя.

Быстро оглядывается назадъ и видитъ бѣдныхъ-бѣдныхъ ребятокъ въ дырявыхъ шубенкахъ и старыхъ валенкахъ, которыя замерли на мѣстѣ, стоятъ какъ вкопанные и глазъ не отрываютъ отъ чудесной елки. Прилегла, пригнулась Снѣгурочка-царевна къ сугробу и, въ свою очередь, наблюдаетъ внимательнымъ взоромъ за дѣтьми.

— Вотъ такъ елочка чудесная! шепчетъ въ восторгѣ мальчикъ.—Вотъ-бы эту елочку самую да намъ домой отнести. Больного Шурку брата потѣшить! Чай и помирать то ему подлѣ такой елки страшно не будетъ!

А дѣвочка, его спутница, утирая слезинки, вторитъ брату:

— Возьмемъ ее домой, Ванюшка! Порадуемъ Шурку. Небось думаетъ, что мы ему какую-нибудь простенькую елочку изъ лѣсу приволокемъ. А мы-то, энъ какую отыскали! И то сказать, хоть этимъ порадуемъ братишку! Не доживетъ онъ до утра, бѣдняга, хоть послѣдніе часочки порадуется его душенька на землѣ. Сказала и заплакала горько.

Впервые увидала дѣвочка Снѣгурочка людское горе, людскія слезы.

Въ лѣсной чащѣ не плачутъ. Тамъ только пляшутъ да смѣются. И не знаетъ тамъ никто о большомъ горѣ, сопровождаемомъ слезами.

Задумалась Снѣгурочка, поняла, что гдѣ-то тамъ, далеко за роднымъ лѣсомъ, у людей, въ ихъ царствѣ, для нея чужомъ и незнакомомъ, есть горе, есть страданіе... Гдѣ то умираетъ больной ребенокъ, а братишка и сестренка его, чтобы хотя немного порадовать больного, хотятъ унести отъ нея, Снѣгурочки, эту чудесную очаровательную игрушку—елку.

Вотъ смѣло взялись они вдвоемъ за вѣтви деревца, повалили его на землю и поволокли за собою.

— Ахъ! Не смѣйте! Оставьте! Сейчасъ же оставьте елочку, моя она! Не то лѣсниковъ нашихъ кликну, зададутъ они вамъ за это. Узнаете какъ обижать Снѣгурочку - царевну, обворовывать лѣсную дѣвочку!—захотѣлось крикнуть Снѣгурочкѣ.

Приподнялась она съ сугроба, дрожащія губки раскрыла. Да вдругъ такъ и остановилась сразу. Что-то словно отдернуло ее назадъ. Что-то отдалось тамъ глубоко, гдѣ у людей находится сердце, а у внучки дѣдушки-Мороза положенъ холодный-прехолодный кусочекъ хрусталя. Представился лѣсной царевнѣ больной умирающій ребенокъ, представилось ей, какъ будетъ стоять ея красавица елка у него въ избушкѣ, въ убогомъ уголку и какъ во-

сторженно-радостные глазки ребенка, устремленные на чудесное деревцо съ такимъ счастливымъ выраженіемъ. И дрогнуло вдругъ хрустальное Снѣгурочкино сердце.

Опустила она маленькую головку.. Съ досадой закусила губку, а когда подняла снова голову и посмотрѣла туда, гдѣ была ея милая елочка, она уже ни елочки, ни дѣтей не увидала на прежнемъ мѣстѣ. Они исчезли всѣ трое—и дѣти, и елочка. Они были уже далеко.

Снова проснулся дѣдушка-Морозъ; снова прилетѣлъ издалека Вѣтерокъ-мальчикъ; снова собрались лѣшіе и лѣсовики въ зимнихъ хвойныхъ вѣнкахъ на головахъ, осыпанныхъ снѣжной пудрой, и надѣтыхъ ради праздника,—плясать и прыгать вокругъ елки на снѣжной полянкѣ, но самой елки не было больше.

Хватились ее... Искали всюду... Долго и упорно искали ее всѣ обитатели лѣсного царства... Нигдѣ не находили. Изчезла елка. Бросились тогда къ Снѣгурочкѣ-царевнѣ. Вѣдь она же оставалась поблизости на полянѣ любоваться елочкой, такъ куда же она дѣвала чудесную игрушку? Неужели не знаетъ и она? Но молчала Снѣгурочка. Упрямо молчала... Только бровки хмурила, да кусала досадливо губки. Тогда выскочилъ впередъ Вѣтерокъ-мальчикъ и сталъ говорить:

— Леталъ я по деревнѣ сосѣдней съ лѣсомъ, въ окна заглядывалъ, подслушивалъ у дверей. Толкнулся въ одно оконце бѣдной, самой бѣдной лачуги. И вижу больной мальчикъ въ кровати лежитъ, самъ то желтый-желтый да худой какъ щепка, а глаза такъ и сыпятъ искры, такъ счастьемъ и горятъ. Вижу, не отрываетъ онъ ихъ отъ елки—красавицы, что около его кровати стоитъ. А ужъ и елка та! Точь въ точь какъ та, что мы для Снѣгурочки

нашей раздобыли. Ужъ такъ похожа, такъ похожа, что твоя родная сестра... А двое ребятокъ—братъ да сестра больного, тутъ же стоятъ и шушукаются: „Ну, говорятъ, раздобыли елку Шуркѣ, теперь онъ отъ радости ожилъ совсѣмъ и болѣзнь его пропала... Мать говоритъ, что много полегчало ему и что, пожалуй даже и поправится братишка!“—закончилъ свой разсказъ Вѣтерокъ-мальчикъ...

Внимательно выслушали его и царь-Морозъ и подчиненные стараго царя. Слушали и удивлялись: какъ могла попасть ихъ елка-красавица въ бѣдную крестьянскую лачугу?... Ужели могла Снѣгурочка позволить унести изъ лѣса свою игрушку? Что то была ихъ елка, о томъ не сомнѣвался уже никто. Другой такой красавицы нигдѣ не сыщешь; хоть весь лѣсъ вдоль и поперекъ обойди — не найдешь. Бросились къ Снѣгурочкѣ снова. Забросали ее вопросами. Какъ могла она отдать людямъ свою чудесную игрушку? Какъ рѣшилась на это?

А Снѣгурочка-царевна молчала, все молчала и улыбалась только. И отъ этой улыбки ярче заиграли лучи мѣсяца въ далекомъ небѣ, горячѣе засверкали золотыя звѣзды и свѣтлая—свѣтлая праздничная радость наполнила словно розовымъ облакомъ лѣсъ.

Сочельникъ Кати Луниной.

(Изъ институтской жизни).

I.

СЕ это такъ дико и нелѣпо вышло. Собственно говоря, виноватъ былъ въ этой исторіи одинъ старый Михеичъ; но ужъ какъ это водится испоконъ вѣковъ, главными виновницами, все-таки, оказались институтки! И не всѣ, конечно, а одинъ только пятый классъ; а изъ всего класса только трое: Люлюша Кокорева, Лизочка Домнина и Катя Лунина,—три самыя «отчаянныя» шалуньи пятаго класса. А больше всѣхъ, понятно, Катя, русоволосая, веселая, со вздернутымъ задорно носикомъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, причинявшая не мало заботъ и печалей всему институтскому начальству.

Попалась Катя въ ея «солидные» двѣнадцать лѣтъ какъ какая-нибудь маленькая дѣвочка—седьмушка! Ужъ этотъ Михеичъ! Удивительно, что институтскіе сторожа-солдаты такъ плохо разбираютъ почеркъ институтокъ. Вѣдь, кажется, яснѣе яснаго значилось въ запискѣ, переданной Михеичу для его похода въ «лавку»: мармеладу на десять копѣекъ, колбасы чайной на восемь копѣекъ (и непремѣнно, чтобы отрѣзать отъ горбушки), пеклеванный хлѣбецъ въ три копѣйки, пирожковъ на шесть копѣекъ.

О, эти несчастные пирожки! Кто-же зналъ, что Михеичъ все перепутаетъ и вмѣсто пирожковъ принесетъ папиросокъ! А разъ были принесены по ошибкѣ папироски, то неужели надо было ихъ выбросить за окно? Выбросить эти душистыя тонкія палочки, за которыя старый Михеичъ заплатилъ ровно шесть копѣекъ? Ни за что!

Прежде всего папироски были предложены самому виновнику происшествія — Михеичу, но онъ отказался отъ подарка, какъ некурящій. Тогда Катя Лунина, осѣненная мгновенно новой мыслью, предложила устроить вечеромъ представленіе въ видѣ говорящихъ живыхъ картинъ у нихъ въ дортуарѣ, а въ одной изъ картинъ изобразить Пиѳію, про которую они недавно учили къ уроку изъ Древней Исторіи.

Пиѳія была женщиною-оракуломъ въ древнія времена, жрицею Аполлонова храма. Она садилась близь храма на треножникѣ надъ расщелиной скалы, изъ которой выдѣлялись одуряющія испаренія, и въ облакахъ этихъ испареній, точно въ клубахъ дыма, отуманенная ими, произносила свои предсказанія.

Въ одинъ мигъ Катѣ Луниной пришла въ голову мысль изобразить эту Пиѳію, при чемъ «одуряющія испаренія» должны были быть замѣнены принесенными Михеичемъ папиросками.

Весь планъ въ тотъ-же вечеръ былъ блестяще и самымъ подробнымъ образомъ приведенъ въ исполненіе.

Была суббота, канунъ того большого радостнаго дня, когда институтокъ распускали по домамъ на рождественскіе праздники. И надо-же было случиться этому горю такъ несвоевременно и некстати! Весь классъ собрался въ умывальной комнаткѣ послѣ «спуска газа», т. е. послѣ того, какъ классная дама,

пожелавъ институткамъ доброй ночи, уменьшила свѣтъ въ лампѣ-ночникѣ, и пошла, неслышно шагая, въ свою комнату. Но едва только ея высокая фигура скрылась за дверью дортуара, четыре десятка воспитанницъ, въ самыхъ легкихъ ночныхъ туалетахъ, повскакали со своихъ жесткихъ казенныхъ кроватокъ и одна за другою бросились въ «клубъ», какъ прозвали умывальную комнату институтки. Тутъ-то и началась потѣха!

Первое отдѣленіе живыхъ картинъ, нужно сознаться, прошло блестяще. Люлюша Кокорева изображала бой быковъ въ Испаніи, причемъ ей пришлось перевоплотиться въ торреадора, а для этой цѣли совершенно игнорировать одною принадлежностью дамскаго костюма, то есть юбкой, и надѣть вмѣсто всего прочаго бумажную шляпу на голову. Лизочка Домнина изобразила кочующую средневѣковую цыганку, уличенную въ колдовствѣ и за то приговоренную къ сожженію. Катя Лунина—Пиѳію.

Эта «дѣйствующая» живая картина оказалась наиболѣе оживленною. Миловидная Пиѳія усиленно раскуривала папироску за папироской и, дѣйствительно, утопала самымъ настоящимъ образомъ въ клубахъ табачнаго дыма. Сквозь этотъ дымъ и совсѣмъ некстати поднявшійся кашель, она предсказывала самыя удивительныя вещи, которыя способно изобрѣсти развѣ только одно институтское воображеніе.

Такъ, Софочкѣ Родимовой она предсказала двѣнадцать балловъ за исторію (хотя, между нами будь сказано, у этой достойной дѣвицы не было ни одной отмѣтки выше 7!). Инспектрисѣ (заочно) возобновленіе только-что исчезнувшей инфлюэнціи за ея черезъчуръ усердное наблюденіе за бѣдненькими институтками. Манѣ Прѣсняковой—дюжину пирожныхъ въ бу-

дущее воскресенье. А фрейлейнъ Таненбрандъ (тоже заочно), ихъ классной дамѣ, жесточайшій насморкъ за то, что...

Ахъ, не надо было вовсе произносить не въ добрый часъ этого имени!

Дверь «клуба» распахнулась настежъ какъ разъ въ ту минуту, когда произносилось это предсказаніе, и сама фрейлейнъ Таненбрандъ, классная дама пятого класса N—скаго института, появилась на порогѣ...

— Ага! Ночное сборище! Sehr gut! Отшенъ похвально! — затянула она исполненнымъ негодованія голосомъ. —Такъ и будемъ сказать госпожѣ нашальницѣ... Такъ и будемъ порадовать ее поведеніемъ ея милѣйшихъ дѣвицъ!

Произнося эту коротенькую тираду, фрейлейнъ потянула носомъ и сразу почувствовала предательскій запахъ папиросъ.

О, это было потрясающее мгновеніе!

— Man hat hier geraucht! (Здѣсь курили!) — пронесся по умывальной и по сосѣднему съ нею дортуару ея торжествующій голосъ.

— Wer hat geraucht? (Кто курилъ?) Сейчасъ-же сознавать мнѣ въ одинъ моментъ! — заключила она уже съ потрясающимъ негодованіемъ.

Всѣ сорокъ дѣвочекъ мгновенно превратились въ сорокъ статуй молчанія. Ужасъ сковалъ ихъ члены. Испуганно расширились глаза, задрожали губы. Одна Пиѳія—Катя Лунина продолжала, какъ ни въ чемъ ни бывало, преважно возсѣдать на своемъ табуретѣ-треножникѣ, пряча за спиной злополучную папироску. Люлюша безсознательно мяла отъ волненія шляпу «торреадора», а Лизочка пыталась стащить съ себя пеструю шаль и рукавомъ ночной кофты незамѣтно стереть слѣды угля съ бровей и

рѣсницъ, при помощи котораго она постаралась придать себѣ видъ цыганки.

Фрейлейнъ Таненбрандъ обвела испытующимъ взоромъ толпившихся въ смятеніи своихъ юныхъ воспитанницъ и, мгновенно остановивъ глаза на виновато растерянной мордочкѣ Люлюши, обрушила первый свой порывъ гнѣва на нее.

— Подойди ко мнѣ, скверная дѣвшенка, и изволь мнѣ вздохнуть! Я дольшна знай, кто куриль наконецъ!—крикнула она по адресу бѣдняжки Кокоревой разгнѣваннымъ голосомъ.

Съ выпученными отъ страха глазами Люлюша повиновалась и вплотную подошла къ наставницѣ.

— Вдыхивай на менѣ!—тономъ, не допускающимъ возраженій, приказала нѣмка.

— Вдохни въ себя! Вдохни въ себя!—зашепталъ у самаго уха Люлюши чей-то доброжелательный голосокъ.

— Дохни-же менѣ, наконецъ, скверный дѣвошка!—еще разъ выйдя изъ себя, прикрикнула фрейлейнъ.

Люлюша исполнила требуемое.

— Nicht du! (Не ты)! Eine andere! (Другая)!—продолжала сердитымъ голосомъ классная дама, тыча пальцемъ въ стоящую подлѣ Кокоревой воспитанницу. Вышла другая мученица къ отвѣту.

Раскрывъ дрожащія губки, дохнула хорошенькая Липочка Баумъ въ самое лицо классной дамы.

— Не ты!—получился прежній отвѣтъ.

Одна за другой послѣдовали ея примѣру и другія воспитанницы. «Дышали» по первому требованію наставницы и отходили отъ нея съ облегченнымъ сердцемъ.

— Jetzt du! (Теперь ты)—приказала классная дама, направляя свой палецъ по адресу Кати Луниной.

Послѣдняя поднялась съ табурета, шагнула впе-

редъ, подошла близко, совсѣмъ близко къ почтенной воспитательницѣ и открыла свой хорошенькій ротикъ.

— Ушась! Ушась! Это Богъ знаетъ што такой! — неожиданно пришла въ полное негодованіе фрейлейнъ Таненбрандъ.—Отъ тебя несетъ табакомъ какъ отъ зольдатъ! Совсѣмъ какъ отъ зольдатъ изъ казарми... O, Schande! Schande! (Какой стыдъ! Какой стыдъ)!

Фрейлейнъ даже задохнулась на этотъ разъ отъ волненія и на мгновенье потеряла способность говорить.

На недолгое время въ умывальной воцарилось гробовое молчаніе. Вдругъ лицо классной дамы приняло багровый цвѣтъ, глаза округлились, губы запрыгали и изъ нихъ вылетѣли сплошнымъ крикомъ слѣдующія грозныя слова:

— Отъ тебя пахнетъ табакъ! Это ти куриль! Куриль какъ зольдатъ изъ казарми. И за это ти будишь отвѣшать госпошѣ нашальницъ,—и ти Кокорева тоше... Пойдешь тоше къ ея сіятельству графинѣ, потому что... позабываль одѣвайтъ своя юбка... Фуй! Schande! Дѣвошка большая, а ходиль безъ юбка! Стыдись! И Домнина тоже... Зашѣмъ вимазала себѣ лицо и одѣла какой-то дрянь на плеши!

Тутъ почтенная фрейлейнъ такъ рѣзко схватилась за цыганскую шаль Лизочки, что злополучная шаль затрещала, грозя расползтись въ разныя стороны.

— А вы всѣ прошія schlafen! (спать)! — неожиданно обратилась она къ остальнымъ тридцати семи воспитанницамъ. — И завтра сбавлено будетъ всей кляссу по два балла за поведеніе. Такъ и знавайте, ви всѣ!—заключила она уже совсѣмъ грозно и, приказавъ тремъ провинившимся шалуньямъ слѣдовать за собою, энергично зашагала по направленію квар-

тиры директрисы, едва давъ время маленькимъ преступницамъ привести себя болѣе или менѣе въ порядокъ.

Результатъ всей этой исторіи получился очень плачевный. Судъ скорый и праведный въ лицѣ институтскаго начальства мигомъ разобралъ дѣло и рѣшилъ трехъ «преступницъ» лишить столь желанныхъ институтками рождественскихъ каникулъ.

II.

Вечеръ сочельника какъ нарочно выдался какой-то особенно скучный и тоскливый для институтокъ въ этомъ году. Въ виду смерти одной изъ Высочайшихъ Особъ царскаго дома, елка для институтокъ, почему-либо не разъѣхавшихся по домамъ на праздникъ, была отмѣнена.

Въ темной залѣ слоняются три одинокія фигуры: Лизочка, Люлюша и Катя Лунина. Всѣ остальныя воспитанницы ихъ класса еще съ утра разъѣхались по домамъ, а съ институтками другихъ классовъ, съ «чужестранками», на языкѣ воспитанницъ, у нихъ было мало общаго.

Катя Лунина прекрасно знаетъ, что еще вчера была дана телеграмма ея отцу въ далекую Ладогу, дабы онъ не трудился пріѣзжать за своей проказницей дочкой. Точно также предусмотрительное институтское начальство оповѣстило и родителей Лизочки и Люлюши.

Было отчего затосковать и впасть въ меланхолію тремъ бѣдненькимъ провинившимся дѣвочкамъ.

Противныя папироски! Не подвернись онѣ намъ,— не пришлось-бы такъ мучиться и терзаться! мысленно въ сотый разъ повторяютъ онѣ. А пылкое воображеніе такъ и настраиваетъ, такъ и дразнитъ,

Сочельникъ Кати Луни́ной.

Публ. Б-ка Ленинград

какъ на зло, каждую минуту! Особенно горячее Катино воображеніе!

Тамъ, дома, въ далекой, милой Ладогѣ, куда установился теперь зимой такой чудесный троечный путь, уже должно быть давно приготовляютъ елку. Маленькіе братишки и сестренки, то и дѣло, спрашиваютъ родителей, почему съ ними нынче нѣтъ ихъ шалуньи Кати. А отецъ на всѣ ихъ приставанія и разспросы только хмурится и молчитъ. Молчитъ и мама, опуская свои добрые, ясные глазки. Бѣдная мамуля! Ей стыдно, должно быть, за свою гадкую шалунью дѣвочку. Ахъ, какъ тяжело, тяжело! Никогда уже не захочетъ она, бѣдная Катя, изображать древнюю Пиѳію на треножникѣ съ помощью папиросокъ!

— Пойдемъ отдирать сосульки отъ оконъ въ корридорѣ! Онѣ совсѣмъ похожи на ячменные леденцы,— предлагаетъ Люлюша Катѣ, желая ее хоть сколько-нибудь утѣшить и развлечь. А у самой въ глазахъ стоятъ крупныя слезы.

— Отстань! внезапно раздражается Лизочка Домнина, которой не легче Катинаго, такъ какъ и ея старенькая мамуся съ такимъ нетерпѣніемъ ждала сегодняшняго дня, чтобы увезти домой на праздники свою милую дочурку.

И настроеніе всѣхъ троихъ снова понижается до послѣдней степени. Влѣзаютъ на подоконникъ и долго-долго смотрятъ на улицу, въ окна чужой квартиры, расположенной какъ разъ напротивъ институтской залы. Тамъ тоже украшаютъ елку и готовятся къ празднику... Нѣтъ, не стоитъ смотрѣть, только даромъ раздражать себя и мучить!

Съ общаго согласія принимаются пѣть тріо: — «Нелюдимо наше море. День и ночь шумитъ оно»...

Люлюшка поетъ козлитономъ и фальшивитъ на каждой нотѣ, чѣмъ приводитъ въ бѣшенство музы-

кальную, обладающую тонкимъ слухомъ, Катю. Люлюшу изгоняютъ изъ тріо. Но и это не облегчаетъ настроенія. Наконецъ, степень тоски достигаетъ послѣдняго предѣла. Катя не выдерживаетъ и первая, соскочивъ съ подоконника, убѣгаетъ въ далекій и пустынный дортуаръ. Здѣсь тихо, совсѣмъ тихо, и пусто. Лампада теплится у большого образа Вознесенія Христова. Стройными рядами бѣлѣютъ кровати воспитанницъ, раздѣленныя между собою ночнымъ столикомъ и табуретомъ. Дѣвочка съ размаха бросается на свою узенькую жесткую постельку. Слезы душатъ ее, сжимаютъ ей горло и медленно-медленно выкатываются изъ глазъ, орошая поблѣднѣвшія щечки. Она кажется самой себѣ такой маленькой и несчастной, такой одинокой и затерянной среди цѣлаго большого міра! И никто, никто не вспомнитъ ее! Никто не пожалѣетъ! Ни одна душа не любитъ ее, бѣдную маленькую, забытую всѣми! Даже отецъ, любимицей котораго всѣ ее справедливо считаютъ, и тотъ повидимому и думать о ней забылъ. Весело встрѣчаетъ онъ праздники съ мамой и младшими дѣтьми, а до бѣдненькой Кати ему и дѣла мало...

О, это уже слишкомъ! Измѣны драгоцѣннаго папули Катя не въ силахъ перенести! Она такъ вѣрила до сихъ поръ въ его любовь, въ его дружбу!.. Гнетущая тяжесть давитъ сердечко дѣвочки. Слезы чаще струятся по ея лицу. — «Вотъ-бы такъ уснуть-умереть сейчасъ, чтобъ не просыпаться больше»,— мгновенно приходитъ ей въ голову дикая мысль. «Да, хорошо было бы это! Была Катя Лунина и нѣтъ Кати Луниной. Уснула на вѣки и не проснулась бѣдная Катя! И всѣ будутъ жалѣть ее. Вѣдь она такая юная, бѣдненькая и хорошая, въ сущности; только что изрядная шалунья... А тамъ, въ далекой

Ладогѣ, снова налетаетъ прежняя мысль, веселятся теперь, встрѣчаютъ праздникъ... Все какъ всегда! И не замѣчаютъ, можетъ быть, что нѣтъ съ ними Кати... А Катя здѣсь одна-одинешенька, разбитая, тоскующая, несчастная! О, противныя папироски! И надо-же было Михеичу ихъ покупать и приносить...»

Тихо, невозможно тихо ползутъ минуты... Сколько времени уже прошло, Катя не помнитъ, не различаетъ. Ея мысль о смерти дѣлается все настойчивѣе, все ярче и опредѣленнѣе съ каждымъ мгновеніемъ. Какой желанной и радостной кажется сейчасъ дѣвочкѣ минута перехода изъ этой жизни въ тихій міръ вѣчнаго молчанія, небытія. Смерть кажется ей такой доступной, такой понятной и обыденной! И такой легкой и желанной. Ужасно желанной въ этотъ мигъ!

Погруженная въ свои мысли, Катя закрываетъ глаза... Воображеніе ея разыгрывается снова... Пріятная слабость сковываетъ все существо.

И снова черезъ нѣкоторое время разжимаетъ она рѣсницы...

Кто это стоитъ у ея кроватки? Высокая, тонкая, очень тонкая фигура приблизилась къ ней подъ темнымъ вуалемъ, низко опущеннымъ на лицо. Въ первую минуту Катѣ кажется, что это кто-либо изъ подругъ подшучиваетъ надъ нею. Кажется, фигура напоминаетъ Леночку Фирсову—старшеклассницу. Такая же высокая и худенькая какъ она.

— Леночка! Полно же вамъ дурачить меня. Все равно не испугаете! Я васъ узнала!—хочетъ крикнуть Катя и засмѣяться во весь голосъ, громко-громко, на весь дортуаръ...

Хочетъ и не можетъ. Внезапнымъ холодомъ повѣяло отъ фигуры незнакомки... Медленнымъ движеніемъ высокая женщина подняла вуаль.

Крикъ ужаса замеръ на губахъ Кати. Вмѣсто

хорошенькаго личика Леночки ея глазамъ предсталъ голый черепъ съ дикимъ фосфорическимъ огнемъ въ сверкающихъ глазахъ. Слышно, какъ щелкали во рту зубы, какъ постукивали одна о другую обнаженныя кости скелета подъ окутывавшемъ всю его фигуру плащемъ.

— Ты звала меня, дѣвочка? Я пришла къ тебѣ и за тобою! — услышала Катя глухой, точно изъ-подъ земли доходящій до нея голосъ. И худыя руки, вѣрнѣе— однѣ обнаженныя кости рукъ протянулись къ ней.

— Или ты не узнала меня, малютка? продолжалъ гудѣть замогильный глухой голосъ привидѣнія: я— смерть, та смерть, которой ты такъ стремишься сейчасъ отдать твою молодую жизнь. Я услышала твое желаніе, твой зовъ и пришла за тобой. Торопись же, вставай, и слѣдуй за мной. Мнѣ некогда ждать!

Вся дрожа, Катя, чуть живая отъ ужаса, приподнялась съ постели.

— Смерть,—проронила она стуча, зубами отъ страха:—какой ужасъ—смерть!

И взоръ ея впился какъ заколдованный въ лицо страшнаго видѣнія. Она уже, казалось, не могла оторвать глазъ отъ него. И все сильнѣе и сильнѣе дрожала она всѣмъ тѣломъ. Ей было до боли мучительно страшно умереть сейчасъ.

О, лишь-бы помедлилъ страшный призракъ, лишьбы на нѣсколько минутъ отложилъ свое ужасное рѣшеніе. О томъ, чтобы смерть оставила совсѣмъ въ покоѣ ее, Катю, дѣвочка не смѣла и подумать даже. Слишкомъ ужъ энергиченъ и страшенъ былъ призывъ жуткаго призрака.

И все же она отважилась произнести свою робкую мольбу дрожащимъ, трепетнымъ голосомъ съ отчаяніемъ и тоскою:

— Пощади меня! Не бери съ собою! Не отни-

май, умоляю тебя, отъ земли! Я еще такъ молода! Я еще не знаю жизни... Неужели же ты не пощадишь меня, не пожалѣешь, смерть?

— Я исполняю только твое желаніе, дитя мое! Вѣдь ты же сама этого хотѣла! Ты хотѣла идти ко мнѣ. А я пришла сама къ тебѣ на встрѣчу. И беру тебя съ собой. Готовься же! Твой часъ насталъ...

— Подожди... Одну минутку... Вотъ одну единственную минутку подожди только! прошептала въ ужасѣ Катя, вся холодѣя отъ волненія.

— Ни минуты, ни секунды больше. Я и такъ запоздала съ моимъ возвращеніемъ нынче. Пора!— рѣшительнымъ, не допускающимъ возраженія голосомъ произнесло чудовище. И худые, костлявые остовы рукъ снова протянулись къ Катѣ. Страшный скелетъ склонился надъ нею... Безобразный черепъ смѣется ей въ лицо торжествующимъ смѣхомъ... Вотъ-вотъ онъ ближе къ ней, еще ближе... Совсѣмъ у ея глазъ и губъ...

— А — а! — протяжно отчаянно вскрикиваетъ Катя и... просыпается въ тотъ-же мигъ...

III.

— Господи, Царь Небесный! Что ты кричишь какъ сумасшедшая! Какъ ты меня испугала!—лепечетъ Люлюша, стоя у постели Кати,—я тебѣ радость принесла, а ты вопишь!

— Какую радость? Развѣ смерть исчезла! растерянно срываются съ губъ Кати безсвязныя слова.

— Какая смерть? Богъ съ тобою! Твой отецъ сейчасъ пріѣхалъ и прошелъ къ начальницѣ. И нашу нѣмчуру туда сейчасъ потребовали, а потомъ и за тобой прислали. Бѣги скорѣе, Катя! Чуетъ мое сердце радость! Ей Богу же, радость большую! Вставай скорѣе и бѣги!

— Радость? Папа, ты говоришь, пріѣхалъ? Не можетъ этого быть. Ты все врешь, Люлюшка! Папа у себя въ Ладогѣ сейчасъ съ мамулей и дѣтьми сочельникъ встрѣчаютъ. Все ты сочиняешь или во снѣ увидѣла это?—роняла трепетно Катя.

— Я сочиняю? Я во снѣ увидала?—возмутилась въ свою очередь Кокорева.—А это что?—захлебнувшись, съ нескрываемымъ торжествомъ заключила она, указывая по направленію двери.

— Барышня Лунина, къ начальницѣ—ея сіятельству пожалуйте!—появляясь самымъ неожиданнымъ образомъ на порогѣ дортуара, возвѣстила горничная графини, черненькая Маша.

— Ахъ!

Вѣтеръ не могъ-бы, казалось, нестись быстрѣе, нежели неслась Катя изъ третьяго въ первый этажъ, въ квартиру графини директрисы. Не помня себя, миновала она лѣстницу, корридоръ, пріемную и только на порогѣ гостиной начальницы увидѣла того, кто, по ея мнѣнію, и думать о ней забылъ въ этотъ вечеръ. Ея отецъ, ея ненаглядный папа, стоялъ передъ нею и улыбался, протягивая руки своей баловницѣ. Онъ оставилъ семью, уютъ, радостную встрѣчу праздника дома и ради нея, своей любимицы, старшей дочки, пріѣхалъ сюда въ самый сочельникъ, на вѣстить ее. А она-то! Она что думала, скверная дѣвченка! И Катя бросилась въ объятія отца, задохнувшись отъ волненія и слезъ.

Точно читая въ душѣ своей дочурки, тотъ шепнулъ ей на ушко:

— Не могъ, видишь, тебя одну оставить подъ праздникъ. Наши-то тамъ всѣ вмѣстѣ, всей семьею, а ты—одна. Ну вотъ и выѣхалъ утромъ въ дорогу, навѣстить дочку. А въ дорогѣ-то и мысль счастливая пришла: попросить за васъ прощенія за всѣхъ тро-

ихъ „опальныхъ“ у высшаго начальства. Добра и великодушна ваша графиня. И тебя и подругъ твоихъ простила и отпускаетъ на рождественскіе праздники домой! Поблагодари-же ее хорошенько, моя дѣвчурка!

Словно небесною музыкою прозвучали слова эти въ ушахъ Кати. Не помня себя отъ радости, кинулась она къ начальницѣ, лепеча слова извиненій и благодарности. Потомъ снова бросилась въ объятія отца.

Въ тотъ же вечеръ Владиміръ Павловичъ Лунинъ увозилъ въ маленькомъ тепломъ возкѣ закутанную въ теплые мѣха дочку. Въ то время, къ которому относится разсказъ, не было еще проложено по Шлиссельбургскому и Ладожскому трактамъ болѣе удобнаго пути, въ зимнее время туда ѣздили на саняхъ, затрачивая на это едва-ли не цѣлые сутки.

Лизочка и Люлюшка, родителей которыхъ тоже оповѣстили въ тотъ-же вечеръ, оказались счастливѣе Кати. Обѣ дѣвочки успѣли встрѣтить Рождественскій сочельникъ дома. Катю же съ отцомъ наступившій праздникъ засталъ въ дорогѣ.

Но дѣвочка не унывала ни на минуту. Около нея былъ ея ненаглядный папуля, въ крѣпкой, самоотверженной привязанности котораго она не могла сомнѣваться больше никогда, никогда...

Маленькій молочникъ.

Коля и Зина Корницкіе проводили лѣто на дачѣ. Пріѣхали рано, когда еще зелень чуть нарядила деревья и весна только что вступила въ свои права. Дача ихъ стояла въ сторонѣ отъ прочихъ. Кругомъ лѣса, горы, большое поле и ни жилья, ни построекъ поблизости. Хорошо, только скучно какъ будто. Не съ кѣмъ поиграть и побѣгать. Дѣтей знакомыхъ не будетъ. А все же хорошо! Воздухъ, ширь, просторъ. Какая благодать!

Едва успѣли устроиться, какъ на слѣдующее же утро слышатъ—кричитъ за калиткой звонкій-презвонкій дѣтскій голосокъ:

— Молоко! Молоко хорошее! Сливки! Творогъ свѣжій! Сметана! Сметана!

И видятъ Коля и Зина—ѣдетъ телѣжка, запряженная гнѣдой лошадкой. Въ телѣжкѣ — кувшины огромныхъ размѣровъ. На облучкѣ сидитъ мальчикъ,

хорошенькій, черноглазый, умненькій, повидимому, и шустрый. Ой-ой, какой шустрый—бѣда!

— Мамочка, маленькій молочникъ пріѣхалъ! Будемъ брать у него молоко! Непремѣнно у него покупать будемъ! Правда, мамочка? И творогъ, и сливки, и сметану!—въ одинъ голосъ просятъ Коля и Зина, бросаясь къ своей баловницѣ мамѣ.

Та, разумѣется, сразу соглашается на ихъ просьбу. Рѣшено было забирать у маленькаго продавца всѣ молочные продукты.

Въ первый же день познакомились и подружились съ маленькимъ молочникомъ дѣти. Узнали тотчасъ, что зовутъ его Мишей; что дома у него больная мать и убогая сестренка; что есть у нихъ три коровы, двѣ черныя съ бѣлыми пятнами и одна рыжая-прерыжая. Черныхъ зовутъ Узька и Кузька, а рыжую—Буренкой. Коровы кормили маленькую семью, такъ какъ отъ продажи молока получалась небольшая сумма денегъ. Была еще на крошечной фермѣ и работница Лукерья; она помогала доить коровъ, розливала молоко по кувшинамъ, а Миша каждое утро объѣзжалъ дачную мѣстность и продавалъ это молоко.

Съ самаго утра звучалъ его дѣтскій голосокъ, точно серебряный колокольчикъ, на всю окрестность:

— Молоко, молоко хорошее! Творогъ свѣжій! Сметана! Сметана!

Полюбили дѣти Мишу. Да и нельзя было не полюбить его. Умный онъ былъ, расторопный, веселый. Все у него шутки да прибаутки на языкѣ. А начнетъ о дѣлѣ, о торговлѣ своей говорить молочной, вдругъ сразу такой серьезный да степенный сдѣлается, ну, совсѣмъ, какъ взрослый торговецъ.

— Миша, а ты читать умѣешь?—спросилъ его какъ-то Коля.

— А вотъ то-то и бѣда, что нѣтъ! Незнайка я... изъ неграмотныхъ. Въ томъ и горе мое!—печально отвѣчалъ мальчикъ,—а учиться смерть мнѣ охота! Да нѣшто можно? Времени нѣту. Какъ есть нѣтути. Мать-то безъ ногъ лежитъ, а сестренка, тоже нездоровенькая, убогая. За ней уходъ нуженъ, а не то что работать ей! Такъ кому же и торговать-то тогда, коли я въ ученье пущусь?—заключилъ онъ съ невольнымъ тяжелымъ вздохомъ.

И грустнымъ-грустнымъ стало личико Миши. Глаза его, обыкновенно веселые и быстрые, теперь затуманились тоскою. Дрогнули губы. Очень ужъ ему хотѣлось учиться.

Стали думать дѣти, какъ бы помочь ихъ маленькому пріятелю. Думалъ Коля, думала Зина. И придумали, наконецъ.

Ахъ, какая радость была! Запрыгали, заскакали, въ ладоши захлопали даже. Вотъ что придумали дѣти.

Зина должна Мишу учить азбукѣ, читать и писать, тутъ же на ходу въ телѣжкѣ, а Коля будетъ на облучкѣ сидѣть, править Гнѣдкой и кричать:—молоко, сливки, творогъ сметана! Зина съ Мишей будутъ заниматься, а Коля за Мишу торговать.

Быстро закипѣло дѣло. Добыли азбуку, склады. Все прошли и выучили усердно. Миша оказался ученикъ шустрый и смышленый. Коля торговецъ надиво. Молодецъ-молодцомъ.

Научился читать Миша. И дѣло молочной торговли отъ того не пострадало нисколько.

Быстро пролетѣло лѣто. Къ началу августа Миша читалъ прекрасно, не хуже своей юной учительницы. Просто любо-дорого слушать какъ читалъ. Чудо да и только.

1-го Сентября Коля и Зина уѣзжали съ дачи.

Надо было приступать къ занятіямъ въ гимназіяхъ. Уроки уже начинались.

Миша пріунылъ. Жалко было мальчику разставаться со своими друзьями, до слезъ жалко... А тутъ еще первые дни дождливой мокрой осени подоспѣли. Деревья частью осыпались, частью пожелтѣли. И трава пожелтѣла и высохла въ лѣсу и въ полѣ. Наканунѣ отъѣзда Корницкихъ съ дачи Миша пріѣхалъ на своей телѣжкѣ проститься.

— Одолжили вы меня... Такъ ужъ одолжили, что по гробъ жизни не забыть мнѣ этого,—говорилъ онъ, а у самого глазенки налились слезами — вотъ-вотъ, того и гляди заплачетъ.

Простились, перецѣловались словно родные. Зиночка всплакнула. Коля тоже что-то ужъ очень подозрительно долго теръ глаза, увѣряя всѣхъ, что въ нихъ попало по соринкѣ. Такъ въ оба глаза и попало сразу. Удивительная случайность, право!

Жаль было съ Мишей разлучаться обоимъ дѣткамъ: и Зиночкѣ и Колѣ. Обѣщали маленькому молочнику будущее лѣто снова на эту же дачу пріѣхать и съ нимъ дальше занятія продолжать.

— Я тебя на тотъ годъ и ариѳметикѣ выучу и географіи, всему, что только сама знаю! воскликнула съ жаромъ Зиночка.

— Только ты грамоту, смотри, не забудь. Я тебѣ свои старыя книжки оставлю. Каждый вечеръ, какъ управишься съ дѣлами, такъ хоть по десяти строкъ читай. И то ладно будетъ!—наставлялъ Коля.

— Ладно, буду читать... Ничего не забуду. Ужъ постараюсь. Вамъ спасибо. А теперь прощенья просимъ до будущаго лѣта! произнесъ растроганный Миша и поклонился въ поясъ, по крестьянски.

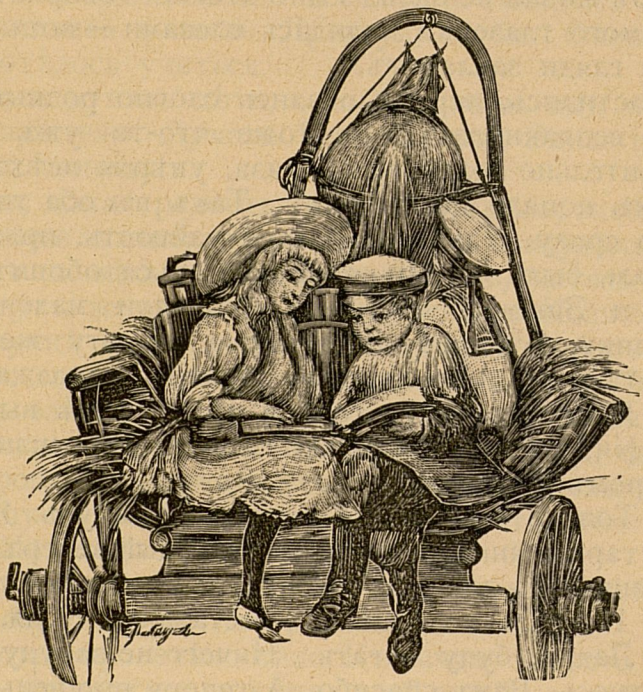
Укатила телѣжка, уѣхалъ Миша. Дѣти долго стояли у забора, махали шляпами, кричали ему что-то

въ слѣдъ... А что кричали—не разобрать. Далеко ужъ былъ Миша. Звонкимъ голосомъ онъ выкрикивалъ на всю мѣстность:

— Молоко! Сливки! Творогъ свѣжій! Сметана! Сметана!

А у самого сердечко сжималось тоской:

— Ахъ, зачѣмъ ты такъ скоро минуло лѣто!



Жоржикъ и его мама.

Ты уже уходишь, Мулинька?

— Да, мой дорогой!

— Такъ иди съ Богомъ и не безпокойся. Липка будетъ сыта, Чингисханъ тоже,—я, твой Жоржинька, уберетъ квартиру.

Блѣдное личико улыбается при этомъ доброй улыбкой,—такое худенькое, такое жалкое личико маленькаго старичка! У восьмилѣтняго Жоржика большой горбъ за плечами и тяжелая непропорціонально крупная какъ у всѣхъ уродцевъ голова. А на старообразномъ, болѣзненномъ личикѣ сіяетъ пара такихъ свѣтлыхъ, такихъ лучисто-ясныхъ синихъ глазенокъ, что, глядя въ нихъ, кажется—видишь двѣ синія небесныя звѣздочки, готовыя обласкать всѣхъ и каждаго своимъ лучистымъ свѣтомъ. Молодая женщина, очень худенькая и просто одѣтая дома смотритъ въ эти милыя звѣздочки, прежде чѣмъ выйти за дверь; потомъ, нѣжно, нѣжно прижимаетъ къ своей впалой груди маленькаго горбуна.

— Ну, до вечера, мой Жоржикъ; смотри, будь умница и поосторожнѣе обращайся съ огнемъ, когда будешь разогрѣвать себѣ котлетку.

— Будь спокойна, Мулинька, все будетъ хорошо!

Эти послѣднія слова Жоржикъ произнесъ съ неподражаемымъ достоинствомъ и серьезностью взрослаго человѣка. А синія звѣздочки такъ и сіяютъ въ слѣдъ матери.

Такое прощанье происходитъ ежедневно на порогѣ крошечной кухни, примыкающей къ единственной комнатѣ болѣе чѣмъ бѣднаго жилища кассирши Куницыной.

Ежедневно Марья Петровна Куницына, вдова три года тому назадъ умершаго чиновника, уходитъ на службу въ магазинъ верхняго платья и тамъ за кассой въ душной каморкѣ просиживаетъ полъ-сутокъ, съ девяти утра до восьми вечера, чтобы сколотить тѣ жалкіе сорокъ рублей, на которые живутъ они съ Жоржикомъ. А восьмилѣтній Жоржикъ въ это время хозяйничаетъ одинъ одинешенекъ въ крошечной квартиркѣ. Бѣдный маленькій Жоржикъ! Сердце матери обливается кровью каждый разъ, какъ она представляетъ себѣ, сидя за выручкой, маленькаго большеголоваго калѣку, который проводитъ въ полномъ одиночествѣ долгіе, скучные часы. Вѣдь дѣти восьми лѣтъ еще нуждаются въ уходѣ нянекъ, боннъ, гувернантокъ, а онъ, ея бѣдный, маленькій сынишка, самъ разогрѣваетъ себѣ обѣдъ, самъ убираетъ крошечную квартирку и, въ добавокъ еще, заботится съ трогательной нѣжностью о двухъ другихъ обитателяхъ ихъ скромнаго маленькаго уголка. А тутъ еще страхъ ежечасно гложетъ сердце несчастной матери. Богъ знаетъ, что можетъ въ ея отсутствіе случиться съ ея ненаглядным Жоржикомъ! Кто гарантируетъ ей, что въ домѣ не произойдетъ пожаръ или наконецъ что-нибудь напугаетъ до полусмерти ея бѣднаго мальчика. Онъ у нея такой хрупкій, воспріимчивый, нервный! И когда, послѣ долгаго трудового дня, бѣдная женщина выходитъ наконецъ за дверь, по закрытіи магазина, то летитъ какъ на крыльяхъ домой, несмотря на усталость, лишь бы скорѣе увидѣть свое дитя. О, съ какой радостью, съ какимъ восторгомъ, покры-

ваетъ она поцѣлуями милое, блѣдненькое личико! Какъ пытливо заглядываетъ въ синія звѣздочки Жоржикиныхъ глазъ.

А Жоржикъ, въ это время, обстоятельно и толково разсказываетъ о проведенномъ днѣ своей мамулѣ. И отвѣчаетъ поцѣлуями на ея горячія ласки. Это самыя счастливыя мгновенія въ жизни бѣдной труженицы, эти—и воскресные, а также и праздничные дни, когда она принадлежитъ своему ребенку, проводя съ нимъ праздникъ съ утра до вечера и доставляя ему хотя маленькое, самое маленькое развлеченіе, доступное ихъ болѣе чѣмъ скромнымъ средствамъ.

Мамулина, худенькая фигурка, въ ветхомъ осеннемъ пальтишкѣ, изчезла за угломъ сосѣдняго дома, а Жоржикъ все еще сидитъ на широкомъ подоконникѣ и смотритъ на улицу, по тому направленію, куда исчезла милая, дорогая фигурка. Больше всѣхъ и всего въ мірѣ Жоржикъ любитъ свою мамулю. Безъ мамули ему даже и не представляется какъ то жизнь. Цѣлый день онъ думаетъ о ней среди своихъ маленькихъ заботъ и занятій, думаетъ о томъ, какъ ровно въ четверть девятаго раздастся легкій стукъ у входной двери, какъ онъ, Жоржикъ, своими слабенькими рученками отодвинетъ засовъ и какъ на порогѣ ихъ квартиры предстанетъ милая улыбающаяся мамуля. Даже при одномъ воспоминаніи объ этой минутѣ счастливая улыбка растягиваетъ блѣдныя губки маленькаго горбуна и синія звѣздочки лучатся сильнѣе.

Теперь Жоржикъ осторожно сползаетъ съ подоконника и озабоченнымъ взглядомъ окидываетъ комнату.

— Да, прежде всего надо вымести полъ и сте-

рѣть пыль съ мебели,—соображаетъ онъ и съ дѣловымъ видомъ берется за щетку.

— Мяу-мяу!—слышится въ это время жалобное мяуканье подлѣ.

У ногъ Жоржика трется рыжій котикъ Чингисханъ. Чингисханомъ прозвалъ кота Ваську покойный папа, объяснивъ самымъ подробнымъ образомъ Жоржику, что Чингисханъ былъ татарскимъ могучимъ ханомъ, т. е. царемъ, и управлялъ своими огромными ордами, которыя вторгались въ Россію и въ другія земли, раззоряя ихъ.

Котъ Васька вторгался тоже нѣкоторымъ образомъ всюду, куда его не просили и всюду совалъ свой кошачій носъ. Уже нѣсколько разъ сосѣдніе жильцы обѣщали Чингисхану отрубить его игривый хвостикъ за всякаго рода „художества“, на которыя былъ способенъ этотъ многоизобрѣтательный котъ. Стащить мясо, приготовленное для котлетъ, залѣзть усатой мордашкой въ молочную кринку, похозяничать въ чужой кухнѣ, куда иногда проникалъ онъ черезъ гостепріимно открытую дверь,—все это является для рыжаго Чингисхана самымъ заурядным дѣломъ. Жоржикъ превосходно знаетъ всѣ отличительныя качества своего четвероногаго пріятеля и держитъ съ нимъ, какъ говорится, „ухо востро“. Всѣ „продукты“ Жоржикъ прячетъ отъ Чингисхана куда-нибудь подальше, чтобы не соблазнить всевидящій кошачій глазъ неисправимаго обжоры.

— Мяу! мяу! — жалобно мяучитъ Чингисханъ, умильно заглядывая въ глаза Жоржика и почесываясь головой о худенькія колѣни мальчика.

— Что проголодался? Погоди немного... Не время еще ѣсть. Дай комнату убрать сначала. И у меня, братъ, у самого еще маковой росинки во рту не было. Вѣдь только что мамулю проводили!—очень резон-

Жоржикъ и его мама.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

нымъ и дѣловымъ тономъ внушаетъ Чингисхану Жоржикъ.

Но тотъ, очевидно, не признаетъ никакихъ доводовъ и полуобиженно, полуискательно выводитъ черезъ минуту:—мяу! мяу! мяу!

Жоржикъ пріостанавливаетъ на мгновенье работу по уборкѣ комнаты и произноситъ по адресу Чингисхана краткую, но внушительную рѣчь. Онъ упрекаетъ рыжаго коташку въ самыхъ нежелательныхъ недостаткахъ: Чингисханъ-де и нетерпѣливъ, и жаденъ, и лѣнивъ, и эгоистиченъ. Развѣ можно мѣшать хозяину, когда онъ занятъ дѣломъ? Развѣ можно приставать съ глупостями въ то время, когда хозяйская голова трещитъ отъ всякаго рода заботъ?

Жоржикъ говоритъ очень серьезно, очень дѣловито, но тѣмъ не менѣе слова его почти не доходятъ до ушей рыжаго Чингисхана. Тотъ продолжаетъ умильно заглядывать въ лицо своему маленькому хозяину, вилять хвостикомъ и выводить свою просьбу на примитивномъ кошачьемъ языкѣ: мяу, мяу, мяу. Поневолѣ Жоржику приходится уступить: „бросить дѣло“ и пойти въ кухню. Здѣсь онъ съ тѣмъ же дѣловитымъ видомъ вынимаетъ изъ-за окна кринку съ молокомъ, отливаетъ изъ нея на блюдце, крошитъ туда же булку и, поставивъ въ углу у печки угощенье для Чингисхана, приглашаетъ своего баловня кота:

— Ѣшь и не разливай!—внушительно добавляетъ онъ, указывая краснорѣчиво пальцемъ на блюдце.

— Піу! Піу! Типъ! Типъ!—раздаются въ ту же минуту изъ комнаты веселые звуки серебристаго птичьяго голоска.

— Сейчасъ, сейчасъ, Липка!—кричитъ мальчикъ и бросается туда, откуда несется этотъ милый пѣвучій голосокъ.

Липка—желтая безхвостая канареечка, подаренная Жоржику въ годъ смерти папы. Это добрая мамуля, чтобы какъ-нибудь отчасти утѣшить своего горько плакавшаго мальчугана (Жоржикъ очень любилъ своего отца), принесла ему съ рынка въ одно изъ воскресеній забавную, безхвостую желтенькую канареечку. Въ первые дни желтая канареечка, которую самъ Жоржикъ назвалъ почему-то Липкой, очень смущала кошачье сердце Чингисхана. Но, во-первыхъ, Липка находилась въ клѣткѣ, а клѣтка представляла изъ себя вѣрное и твердое убѣжище изъ желѣзныхъ прутьевъ, до которой было ужъ никакъ не добраться предпріимчивому Чингисхану, а во-вторыхъ, Жоржикъ внушительно заявилъ рыжему котишкѣ:

— Ты только посмѣй Липку тронуть, я тебя тотчасъ же изъ дома выгоню! — и при этомъ такъ краснорѣчиво погрозилъ пальчикомъ, что у предпріимчиваго Чингисхана даже хвостикъ опустился къ полу и онъ принялъ самый жалкій, самый многострадательный видъ.

И съ тѣхъ поръ лукавые кошачьи глаза старались избѣгать окошка, на которомъ висѣла клѣтка съ желтой пѣвуньей.

Чистить эту клѣтку лежало также на обязанности Жоржика.

Покончивъ съ «кормленіемъ» Чингисхана, маленькій горбунъ перешелъ къ Липкѣ.

Надо было натолочь ей конопляного сѣмени, приготовить студеной водички въ хрустальную ванночку, засунуть кусокъ сахара между прутьями клѣтки и насыпать свѣжаго песку, хранившагося между входными дверьми. Все это Жоржикъ продѣлалъ съ поразительной для его юнаго возраста ловкостью и успѣхомъ. Удовлетворивъ, такимъ образомъ, перна-

тую пѣвунью и положивъ мимоходомъ на блюдечко Чингисхану кусокъ свѣжей печенки, которую мама до службы вмѣстѣ съ провизіей для Жоржика приносила домой, мальчикъ снова принялся за прерванную уборку. Черезъ часъ все было готово. Крошечная квартирка, бывшая чистой и до этого, теперь блестѣла какъ зеркало. Липка весело трещала въ своей клѣткѣ, разливаясь трелью не хуже любого соловушки. Чингисханъ, насытившійся вдоволь, прикурнулъ въ уголкѣ стараго клеенчатаго дивана и, зажмуривая то одинъ, то другой глазъ, тихо мурлыкалъ пѣсенку.

Жоржикъ вынулъ изъ комода небольшую потертую книжку и открылъ ее на первой страницѣ. Здѣсь былъ напечатанъ разсказъ о бѣдномъ мальчикѣ, который ходилъ по дворамъ съ шарманкой и маленькой обезьянкой Жано. Разсказъ этотъ, собственно говоря, Жоржикъ зналъ наизусть, но читалъ его очень часто, потому что и маленькій шарманщикъ и обезьянка Жано очень занимали его воображеніе. Жоржику часто приходило въ голову: что если бы и ему такъ бродить по разнымъ городамъ и селамъ съ шарманкой на спинѣ и мартышкой за пазухой. А потомъ, накопивъ побольше денегъ, вернуться къ мамулѣ и передать ей весь свой заработокъ.

А что, если бы онъ набралъ сто рублей? Сто рублей въ представленіи Жоржика была такая огромная, такая значительная цыфра, дальше которой онъ и думать не смѣетъ. Ему кажется, что это такъ много, много денегъ—сто рублей, что если ими покрыть всю улицу, то хватитъ до самой площади и даже площадь покроетъ, пожалуй.

Вотъ бы помощь тогда была мамулѣ! Но тутъ же эта мысль отмѣняется за полной ея негодностью. А кто же будетъ убирать квартиру, при-

глядывать за хозяйствомъ и кормить Чингисхана съ Липкой, если онъ уйдетъ? И кто станетъ проводить, главнымъ образомъ, праздники съ мамулей, когда мамуля бываетъ свободна отъ службы?

Стукъ въ дверь напоминаетъ Жоржику, что пришла молочница. Мамуля до службы сама ходитъ за булками и на рынокъ и наскоро готовитъ кушанье Жоржику, предоставляя мальчику разогрѣть его на „безвредной“ машинкѣ. Молоко же приноситъ знакомая чухонка, ровно въ часъ каждый день. Какъ неужели уже часъ? А Жоржикъ и не замѣтилъ.

Бесѣда съ чухонкой занимаетъ около десяти минутъ. Чухонку зовутъ Ида. У нея доброе, румяное лицо и носъ, напоминающій собою кнопку электрическаго звонка: такой онъ маленькій и приплюснутый посерединѣ. Ида отливаетъ молока въ кринку изъ своего кувшина (ихъ у нея ровно четыре виситъ за спиной) и, гладя густые волосы Жоржика, приговариваетъ:

— Умниса какой! Совсѣмъ большой; совсѣмъ большой мальсикъ!

Жоржикъ и безъ этой доброй Иды отлично понимаетъ, что онъ большой. Еще бы! Цѣлые восемь лѣтъ легли за его плечами. Это не шутка—восемь лѣтъ для маленькаго мужчины. Да!

Наступивъ на хвостъ не во время подвернувшагося злополучнаго Чингисхана, отчаянно взвизгнувшаго при этомъ, чухонка уходитъ, едва пролѣзая со своими четырьмя кувшинами въ дверь. Жоржикъ тотчасъ по ея уходѣ принимается за стряпню. Машинка зажжена. Сковородка съ кускомъ мяса поставлена на маленькомъ таганчикѣ; кружочекъ масла шипитъ тутъ же, распространяя легкій паръ. Вкус-

ный ароматъ жаренаго привлекаетъ вниманіе обиженнаго и уединившагося вслѣдствіе нанесенной обиды подъ диванъ Чингисхана. Онъ снова трется о ноги Жоржика и умильно мурлычитъ.

— Ахъ, ты, обжора, обжора! съ упрекомъ замѣчаетъ маленькій хозяинъ.—съѣлъ печенку, блюдце молока выпилъ и все тебѣ мало! Ну что мнѣ съ тобой дѣлать, Чингисханъ?

Еслибы Чингисханъ обладалъ счастливой способностью говорить по человѣчески, онъ бы непремѣнно посовѣтывалъ Жоржику что дѣлать: непремѣнно бы посовѣтывалъ подѣлиться съ нимъ, съ Чингисханомъ, этимъ, такъ вкусно пахнувшимъ кусочкомъ жаркого. Но, увы! Чингисханъ не человѣкъ, а только рыжій котикъ. И удѣлъ рыжаго котика—только умильно тереться у ногъ, граціозно выгибать спину и мяукать, мяукать безъ конца.

Обѣдъ Жоржика наконецъ приготовленъ. Кусокъ разогрѣтаго мяса, блюдце холоднаго клюквеннаго киселя и стаканъ свѣжаго молока, только что принесеннаго чухонкой. Причемъ львиная доля этого обѣда перепадаетъ тому же Чингисхану. Собственно говоря, съ аппетитомъ Жоржикъ кушаетъ только по праздникамъ, когда тутъ же за столомъ присутствуетъ мамуля. При ней и настроеніе другое, и аппетитъ иной. Безъ мамули же и кусокъ не идетъ въ горло, буквально, и только благодаря данному мамулѣ слову, кушать въ ея отсутствіе также какъ и при ней, Жоржикъ насыщаетъ свой желудокъ безъ всякаго на то желанія молокомъ, киселемъ и мясомъ.

Какой скучный, сѣренькій денекъ выдался сегодня! Въ три часа уже сумрачно, какъ будто стоитъ

не Сентябрь, а Декабрь мѣсяцъ на дворѣ. А все-таки необходимо выйти подышать свѣжимъ воздухомъ, иначе къ вечеру разболится голова, мамулю испугаетъ эта боль и она побѣжитъ въ аптеку. А въ аптекѣ лекарства отъ головной боли тоже не даютъ даромъ, и Жоржикъ, какъ настоящій маленькій мужчина, какъ нельзя лучше понимаетъ все это. Поэтому, чтобы не вводить милую мамулю въ лишніе расходы, онъ напяливаетъ свое старенькое пальтецо, выкроенное изъ папиной куртки, нахлобучиваетъ связанную мамулей сѣрую шапченку-блинкомъ и, закрывъ дверь квартиры на ключъ снаружи, отправляется погулять во дворѣ въ сопровожденіи Чингисхана, которому послѣ двухъ сытныхъ обѣдовъ тоже необходимъ моціонъ. На дворѣ играютъ дѣти жильцовъ, которыхъ Жоржикъ знаетъ въ лицо и даже поименно, но съ которыми не заводитъ очень короткаго знакомства и сторонится ихъ.

— А вотъ и горбунъ Егорушка со своимъ котомъ! — завидя его еще издали, кричитъ маленькая дѣвочка Гутя, дочь бѣднаго актера, снимающаго крошечную каморку на чердакѣ.

Жоржикъ больше нежели другимъ дѣтямъ симпатизируетъ Гутѣ, несмотря на то, что та никакъ не можетъ привыкнуть называть его Жоржикомъ, а зоветъ, какъ и всѣ другіе ребята и жильцы, Егорушкой. Это имя не нравится Жоржику. Какой же онъ Егорушка, когда и мамуля и покойный папа называли его всегда Жоржикомъ. Однако, Гутѣ простителенъ этотъ промахъ. Она такая всегда голодная, бѣдненькая, ходитъ въ рваныхъ платьицахъ, потому что у нея нѣтъ заботливой мамули, а ея папа цѣлые дни проводитъ внѣ дома, въ театрѣ; утромъ и днемъ на репетиціи, вечеромъ на спектаклѣ. Гутя почти не видитъ отца. Ѣстъ она въ

сухомятку, горячее некому у нихъ готовить, питается однимъ хлѣбомъ, селедкой и колбасой. Иногда сырость и холодъ выгоняютъ дѣвочку изъ чердачнаго помѣщенія на дворъ и она бѣгаетъ и прыгаетъ здѣсь, чтобы какъ-нибудь отогрѣть закоченѣвшіе члены.

Другіе дѣти называютъ ее Мартышкой. Это прозвище дано ей не безъ основанія. Гутя умѣетъ строить такія уморительныя гримасы, съ такимъ неподражаемымъ искусствомъ изображаетъ въ лицахъ знакомыхъ дѣтямъ жильцовъ дома, что всѣ ея маленькіе товарищи и товарки такъ и помираютъ, глядя на нее, со смѣху.

— Здравствуй, Егорушка!—крикнула Гутя, когда Жоржикъ проходилъ мимо маленькой толпы собравшихся въ углу двора ребятъ.

Другіе дѣти не обратили на него никакого вниманія. Только одиннадцатилѣтній Митя, сынъ прачки, схватилъ слѣдовавшаго за мальчикомъ неотступно рыжаго Чингисхана, приподнялъ его надъ головой и закричалъ звонкимъ голосомъ, подражая крику уличнаго торговца:

— Кошатина свѣжая! Живая кошатина! Безъ обману, не тухлая, покупайте, господа! Не бойтесь! Не дорого возьму. Всего-на-всего гривенникъ только!

Чингисханъ отчаянно забарахтался въ рукахъ шалуна, работая всѣми четырьмя лапами и мяуча во весь голосъ. Жоржикъ стремительно бросился на выручку своего четвероногаго пріятеля.

— Не надо обижать нашего котика!—произнесъ онъ серьезно, протягивая руки по направленію рукъ Мити, все еще не выпускавшихъ свою жертву.

— Ничего ему не сдѣлается твоему коту — не сахарный, не растаетъ. Ишь какъ нѣжно еще называть выдумалъ!.. Оставь ко-ти-ка! — насмѣшливо протянулъ Васютка, толстенькій, бѣлобрысый маль-

чуганъ, пользовавшійся нѣкоторымъ уваженіемъ со стороны дѣтей жильцовъ, потому что былъ сыномъ старшаго дворника.

Синіе глаза Жоржика съ упрекомъ остановились на лицѣ Васютки.

— Пусть Митя оставитъ кота... Онъ не смѣетъ его мучить. Это нашъ котъ. Да если бы и не нашъ былъ, все равно мучить животныхъ грѣшно и стыдно!— произнесъ онъ серьезно.

— Стыдъ не дымъ—глаза не выѣстъ!—весело и дерзко расхохотался Митя. А за нимъ и остальные дѣти, за исключеніемъ Гути.

Послѣдняя неожиданно выступила впередъ.

— Оставь кошку,—произнесла она серьезно, подступая къ Митѣ,—а не то я никогда не буду представленій вамъ больше дѣлать, ни въ жизнь.

— Очень нужны мнѣ твои представленія! — засмѣялся Митя, но тутъ другіе дѣти закричали: —Оставь кошку! Не смѣй дразнить Егорушку! Онъ горбунъ, убогинькій... Не хорошо его обижать...

Опѣшившій подъ этимъ дружнымъ натискомъ, Митя волей-неволей долженъ былъ согласиться и уступить. Онъ размахнулся и съ сердитымъ видомъ отшвырнулъ отъ себя Чингисхана, который какъ ни въ чемъ не бывало встряхнулся только, вставъ на всѣ четыре лапы посреди лужи, украшавшей дворъ.

— Кисъ! Кисъ! Кисъ! — звалъ его Жоржикъ, желая приласкать обиженнаго коташку, но тотъ въ это время уже заинтересовался прыгающимъ по сложеннымъ полѣнницамъ дровъ воробьемъ и устроилъ на него настоящую охоту.

Дѣти же, забывъ о недавнемъ происшествіи, уже шумно болтали и смѣялись между собой.

Смѣшила ихъ, по обыкновенію, Гутя. Она спустила на самыя брови свою головную косыночку и

изображала хромую торговку яблоками, которая часто со своимъ товаромъ заглядывала сюда во дворъ. Жоржику, степеннымъ шагомъ прогуливающемуся по двору, была хорошо видна остренькая, теперь забавно сморщенная рожица плутоватой Гути, но смѣшного въ ея «представленіи» онъ ничего не находилъ.

— А теперь горбуна нашего представь, Егорку! Представь Егорку! — долетѣло вдругъ вмѣстѣ со взрывомъ смѣха до ушей мальчика.

Онъ весь вздрогнулъ и насторожился. Неужели же Гутя, та самая Гутя, которая всегда такъ ласково здоровается съ нимъ,—подумалъ Жоржикъ, которая только что заступилась за него и выручила изъ непріятнаго положенія ихъ съ Чингисханомъ, неужели эта же самая Гутя рѣшится смѣяться надъ нимъ и «представлять» его передъ разшалившейся ватагой веселыхъ ребятишекъ.

Онъ невольно остановился, привсталъ на ципочки, даже голову втянулъ въ плечи, точно избѣгая удара... Ахъ, неужели же, неужели? шибко забилось маленькое сердечко горбуна. Новый взрывъ веселаго смѣха и Жоржикъ увидѣлъ въ ту же минуту, какъ живая бойкая Гутя выгнула спину, втянула въ плечи голову; самыя плечи подняла къ ушамъ и заковыляла въ этомъ видѣ по двору на потѣху присутствующихъ ребятъ.

— Ай да ловко! Подъ орѣхъ, то есть, раздѣлала! Совсѣмъ какъ есть Егорка! Ну совсѣмъ таки онъ! закричали, смѣясь, дѣти. Громче всѣхъ хохоталъ и восторгался Митя.

Жоржикъ не сталъ больше ни слушать ни смотрѣть. Больно—больно сжалось обиженное сердечко и застучало крѣпко въ впалой груди убогаго ребенка. И синія звѣздочки засверкали слезинками. Не говоря

ни слова, онъ чуть-ли не бѣгомъ бросился домой. Огорошенный такимъ внезапнымъ изчезновеніемъ своего хозяина и Чингисханъ, забывъ преслѣдовать воробья, припустился за Жоржикомъ въ прискочку. Вбѣжать по грязной узкой лѣстницѣ въ четвертый этажъ, открыть ключемъ дверь своей квартиры и задвинуть ее снова запоромъ изнутри, являлось дѣломъ нѣсколькихъ минутъ для Жоржика. Быстро сорвавъ съ себя пальтишко и шапку, онъ бросился на клеенчатый диванъ,—мѣсто постоянныхъ его тяжелыхъ и радостныхъ душевныхъ переживаній и весь отдался своему горю, своей обидѣ.

Развѣ же онъ виноватъ Жоржикъ, что онъ убогинькій, что онъ калѣка? Развѣ по его винѣ выросъ этотъ ужасный горбъ за его плечами. Сколько разъ онъ слышалъ печальную повѣсть о томъ, какъ его годовалаго дитятю уронила на лѣстницѣ нянька. И какъ съ тѣхъ поръ онъ и получилъ этотъ ужасный недостатокъ, причиняющій ему столько обидъ. По воскресеньямъ его мамуля вотъ уже два года учитъ его грамотѣ и ариѳметикѣ. Онъ читаетъ хорошо и бѣгло какъ взрослый. И добрая мамуля ему покупаетъ книги. Въ нихъ говорится о бѣдныхъ, гораздо болѣе бѣдныхъ и несчастныхъ, нежели онъ, Жоржикъ, дѣтяхъ, о слѣпыхъ, глухихъ, безногихъ... Жоржикъ отлично понимаетъ, что ихъ горе, ихъ „убожество“ не можетъ сравниться съ его горбомъ. Что можетъ быть ужаснѣе не видѣть, быть слѣпымъ или безногимъ, вѣчно прикованнымъ къ одному мѣсту. О! А все-таки, зачѣмъ-же здѣшнія дѣти смѣются надъ нимъ, зачѣмъ обижаютъ его?.. Ну не его, положимъ, а Чингисхана, а надъ нимъ смѣются. Но вѣдь и это обидно, до слезъ обидно выносить!

Слезы текутъ по лицу Жоржика, по его кур-

точкѣ... Слезы мочатъ старенькую клеенку дивана... А мысли такъ и прыгаютъ, такъ и вертятся вокругъ одного, мысли кружатся вокругъ да около только что происшедшаго съ нимъ событія.

Легкій стукъ въ дверь прерываетъ ихъ на мгновенье. Кто бы это могъ быть? Жоржикъ недоумѣваетъ. Для мамули еще слишкомъ рано, она должна возвратиться только вначалѣ девятаго... Чухонка Ида уже была... Можетъ статься это трубочистъ или тряпичникъ?

Жоржикъ порывисто вскакиваетъ со своего дивана и спѣшитъ въ кухню.

— Кто тамъ? спрашиваетъ онъ не совсѣмъ спокойнымъ голосомъ.

— Это я! Открой, пожалуйста! Я Гутя! слышался звонкій голосъ по ту сторону двери.

Мигомъ отодвигается тяжелый засовъ слабыми ручками горбуна. Дверь распахивается и дѣти останавливаются другъ противъ друга. Предвечерніе сумерки короткаго осенняго дня мѣшаютъ имъ видѣть одинъ другого въ темной кухнѣ, но по голосу Гути слышно, что она настроена самымъ миролюбивымъ образомъ, когда, обратясь къ Жоржику, дѣвочка говоритъ:

— Дай мнѣ хлѣба пожалуйста, у насъ въ каморкѣ ни крошки, а отецъ только къ вечеру принесетъ. Завтра отдамъ. Только дай скорѣе. Страсть какъ ѣсть хочется. Да ты не бойся, мы отдадимъ. Мы всегда отдаемъ, мы не нищіе. Честное слово.

— Сейчасъ... Я сейчасъ!—ужасно заторопился и заволновался Жоржикъ.—Ты войди, а то Чингисханку выпустишь... Онъ удеретъ—ищи его послѣ. Вотъ хлѣбъ... Ничего не видно... Сейчасъ лампу зажгу... Да ты можетъ молока выпьешь? У насъ мно-

го. Цѣлая бутылка. Чухонка каждый день приноситъ. Я только одинъ стаканъ выпилъ. Хочешь? Да?

— Понятно, хочу... У насъ молоко-то, развѣ, по большимъ праздникамъ бываетъ! засмѣялась Гутя и смѣло перешагнула порогъ кухни.

Жестяная висячая лампочка, зажженная Жоржикомъ, помогла мальчику раздобыть хлѣбъ и молоко. Онъ налилъ цѣлую кружку Гутѣ, отрѣзалъ ей большой кусокъ ситнаго и ласково угощалъ дѣвочку.

— Кушай! У насъ еще есть, хватитъ.

— Ишь ты какой добрый! Хватитъ! А не хватило бы—не далъ? засмѣялась шалунья и съ аппетитомъ принялась за предложенное ей угощеніе.

Ея мелкіе бѣлые какъ у мышки острые зубки такъ и впивались въ горбушку ситнаго и она съ явнымъ восторгомъ наслаждалась ѣдой.

— Ну, вотъ и насытилась. Спасибо. За то, что накормилъ меня, я тебѣ такъ и быть нашего кривого сапожника представлю! Гляди! и Гутя, прищуривъ одинъ глазъ, выскочила въ одну секунду съ табурета и взмахнула руками, готовясь изобразить названное ею лицо. Но Жоржикъ стремительно схватилъ ее за руки и звенящимъ слезами голосомъ произнесъ:

— Гутя! Голубушка... Миленькая... Ты такая добренькая... Ты и за Чингисханку и за меня заступилась сегодня. Такъ зачѣмъ же ты надъ убогими смѣешься, калѣкъ передразниваешь? Вѣдь грѣшно надъ убогими смѣяться Гутя!.. Вѣдь не виноваты они, что Богъ... что Богъ такими ихъ сдѣлалъ или люди изуродовали ихъ нечаянно... по неосторожности...

Жоржикъ не договорилъ и опустилъ голову, большую голову уродца на хрупкихъ дѣтскихъ плечахъ. Слезы тяжелымъ клубкомъ остановились у него

въ горлѣ. Нѣсколько секундъ длилось молчаніе. И вдругъ Гутя смущенно заговорила, теребя пальцами концы своей косынки.

— Егорушка! Да неужто-же ты обидѣлся на меня за то, что я и тебя на дворѣ представляла. Ну, и глупый же ты послѣ этого, Егоръ! Неужто думаешь, что со зла я это? Да развѣ потомъ, коли такъ, я бы къ тебѣ за хлѣбомъ сунулась? Ей Богу же смѣха ради только; ребятъ потѣшить да и себя за одно... Вѣдь съ тоски то помереть можно, если все чинно да серьезно. Вотъ выросту, поумнѣю, тогда и дѣло другое... А ты ужъ и обидѣлся на меня, поди! Эхъ ты, кукса!—Тутъ она смѣясь заглянула въ затопленные слезами глаза мальчика и провела худенькой рученкой по его головѣ.

Жоржикъ молчалъ, глотая слезы... Помолчала и Гутя... И вдругъ смущенно протянула ему руку.

— А ты, добрый Егорушка,—искренно вырвалось у нея...—ты добрый... хоть и обидѣлся на меня, а накормилъ, напоилъ... Никогда смѣяться надъ тобой не буду... И другимъ ребятамъ не позволю. Да развѣ я знала, что это обидно для тебя?

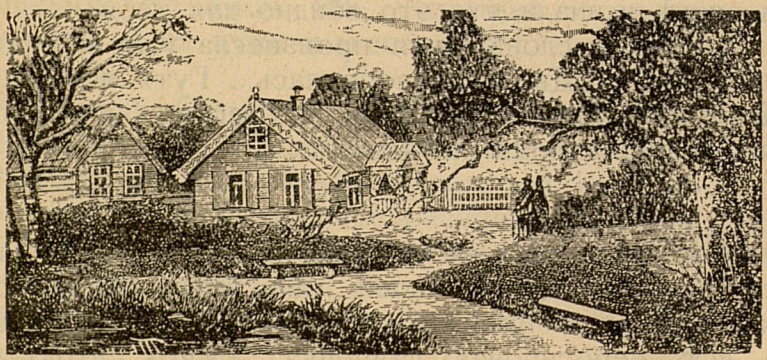
Послѣднія слова Гутя произнесла уже за порогомъ двери... Дверь захлопнулась... Гутя исчезла, а Жоржикъ улегся съ новымъ, легкимъ и радостнымъ настроеніемъ на диванъ.

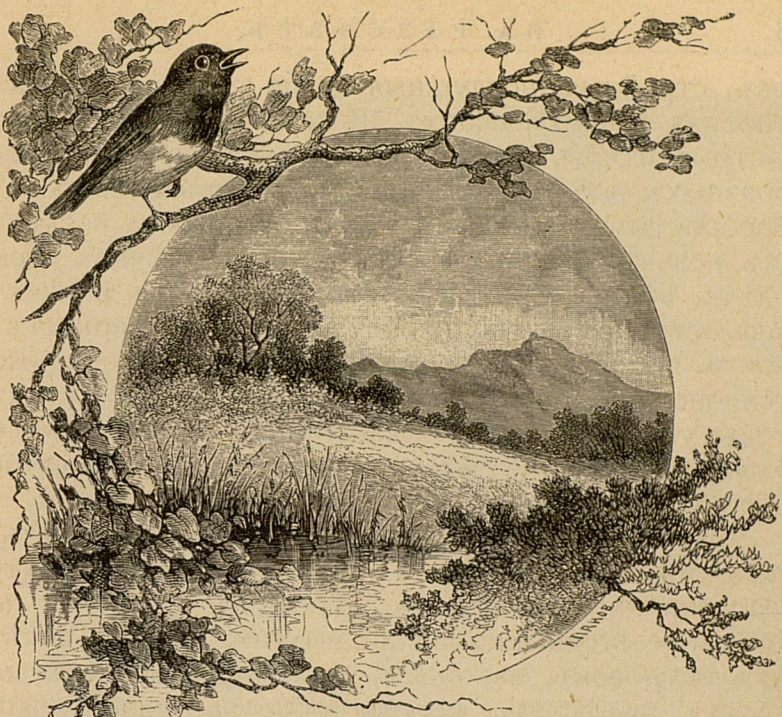
Мама вернулась въ обычное время и очень удивилась, найдя дверь своей квартиры раскрытой. Взволнованная прошла она въ кухню, гдѣ чадила во всю керосиновая лампочка. Ужасъ, страхъ и отчаянная тревога охватили молодую женщину, пока она пробиралась въ темную комнату, отыскивала спички, зажигала свѣчу. И только тогда вздохнула

съ облегченіемъ, когда увидѣла своего милаго Жоржика, крѣпко спящимъ поперекъ клеенчатаго дивана. Вѣрный Чингисханъ лежалъ тутъ-же, свернувшись клубочкомъ подъ бокомъ своего маленькаго хозяина.

Жоржикъ весь разгорѣлся и тихо шепталъ что-то во снѣ. И улыбка счастья озаряла его блѣдное, худенькое личико. Мамуля неслышно наклонилась, желая уловить безсвязныя сонныя рѣчи своего мальчика.

А мальчикъ шепталъ все съ тою же блаженной улыбкой:—Нѣтъ, нѣтъ, мамуля, они хорошіе... Они вѣдь хорошіе... А лучше всѣхъ Гутя... Она обѣщала не смѣяться... никогда не смѣяться надъ убогинькими... И надо мной никогда, тоже, никогда! А мамулю мою я люблю больше всѣхъ въ мірѣ! полусознательно, полудремотно заключилъ ребенокъ и, инстиктивно раскинувъ руки во снѣ, обвилъ ими шею склонившейся надъ нимъ матери.





Островъ Счастья.

Сказка.

Посреди синяго-синяго моря, теплаго и красиваго, лежитъ роскошный Зеленый Островъ. Нѣжныя, ласковыя волны тихо плещутъ вокругъ него, нашептывая ему морскія сказки. Высокія стройныя пальмы съ зонтообразными гигантскими листьями ростутъ по всему берегу острова, окружая его пышнымъ зеленымъ вѣнцомъ. Самые красивые цвѣты и растенія произростаютъ круглый годъ на этомъ островѣ. Гигантскія розы всѣхъ цвѣтовъ и оттѣн-

ковъ, стройныя, воздушныя лиліи тянутся въ высь, наполняя воздухъ своимъ нѣжнымъ благоуханіемъ. Пестрыя птицы, большія и маленькія, самыхъ разнообразныхъ породъ веселыми мелодичными голосами, серебристыми звонкими трелями оглашаютъ воздухъ. Имъ незачѣмъ улетать отсюда; здѣсь вѣчная весна и лѣто, вѣчное приволье, и готовый кормъ для нихъ. Надъ островомъ исполинскимъ алмазомъ сверкаетъ и горитъ яркое солнце и только къ вечеру погружается оно въ синія волны на кратковременный отдыхъ, чтобы уступить мѣсто блѣднолицему своему брату-мѣсяцу, который улыбается до разсвѣта зеленому острову со своихъ заоблачныхъ высотъ.

Зеленый островъ называется Островомъ Счастья. Такъ прозвали его люди, попадавшіе сюда: путешественники, застигнутые бурею въ морѣ или потерпѣвшіе кораблекрушеніе, моряки, жители сосѣднихъ острововъ, наконецъ, гости пріѣхавшіе на корабляхъ навѣстить короля острова, милостиваго, добраго и веселаго стараго Лотуна. Его дворецъ, нарядный и прекрасный, воздушный и легкій какъ сказочная мечта художника, стоялъ посреди острова весь въ зелени глицинiй и розовыхъ кустовъ. Много сокровищъ было въ палатахъ королевскаго дворца, но краше и лучше всѣхъ этихъ сокровищъ была королевская дочь Гильда.

Крѣпко и нѣжно любилъ ее добрый Лотунъ и совершенно особенное воспитаніе далъ своей дочери. Гильда, какъ простая рыбачка (жители острова промышляли рыболовствомъ), бѣгая по берегу, собирала морскія раковины и разноцвѣтные камешки. Или сбросивъ нарядные уборы королевны, ныряла въ морскую глубину и гонялась тамъ взапуски съ серебрянными рыбками, да дразнила старыхъ дельфиновъ. А чаще всего скликала свистомъ старыхъ

Островъ счастья.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

морскихъ чаекъ, ютившихся тутъ-же на берегу, и играла съ ними, сама легкая и воздушная, похожая на большую бѣлокрылую птицу.

Такъ проходило дѣтство принцессы въ веселыхъ играхъ и невинныхъ ребяческихъ забавахъ. Самъ король Лотунъ (матери у Гильды не было, она осиротѣла съ первыхъ-же дней рожденія) занимался науками съ дочерью, не довѣряя ее наемнымъ учителямъ.

Незамѣтно поднялась, выросла королевна и превратилась изъ ребенка въ красивую стройную дѣвушку. Ей минуло шестнадцать лѣтъ. Сталъ по немногу задумываться король Лотунъ; стала его озабочивать судьба любимой дочери. За кого ему надлежало выдать замужъ королевну. Въ очень дальныя страны не хотѣлось отдавать королю Лотуну своей дочки, а въ ближайшихъ къ острову королевствахъ не находилось достойнаго для такой красавицы жениха. Какъ ни думалъ, ни гадалъ старый Лотунъ, а пришлось ему рѣшиться уѣхать съ Острова Счастья, посѣтить дальныя страны и подыскать тамъ достойную партію для своей дочери.

Снарядили огромное судно... Собрали почетную свиту и уплылъ король, сопровождаемый благословеніемъ и поцѣлуемъ дочери и добрыми пожеланіями всѣхъ остальныхъ. Дочку свою онъ поручилъ заботамъ ея старой кормилицы, да цѣлой свитѣ придворныхъ дамъ, наказавъ имъ всѣмъ пуще глазъ своихъ беречь и лелѣять принцессу.

Ужъ тридцать разъ подрядъ купалось солнышко въ синихъ волнахъ теплаго моря. Тридцать разъ поднималось оно снова, а король Лотунъ все еще не возвращался домой, на Островъ Счастья.

Цѣлые дни просиживала принцесса Гильда на берегу со старой Ануей, своей мамкой, и съ веселыми фрейлинами подружками.

— Не ѣдетъ отецъ мой, не ѣдетъ! по временамъ восклицала принцесса, не отводя затуманенныхъ первою печалью глазъ съ лазурной поверхности моря.—Не случилось-ли что-нибудь дурное съ батюшкой! прибавляла она уже совсѣмъ грустнымъ голосомъ.

Тогда веселыя фрейлины всячески старались развлечь красавицу.

— Любимая наша свѣтлая королевна! Не пожелаетъ-ли сыграть партію въ воланъ? предлагала одна.

— Или въ бельбокэ? перебивала другая.

— Или пойдемъ качаться на качеляхъ? вмѣшалась третья.

— Я придумала новые чудесные узоры для работы въ пяльцахъ! предлагала четвертая,—не хочетъ-ли принцесса пойти посмотрѣть на нихъ?

— Нѣтъ, мы лучше устроимъ балъ въ саду, когда стемнѣетъ. Позовемъ пажей и музыкантовъ и будемъ танцовать, какъ эльфы, при свѣтѣ луны! Ахъ, это будетъ чудесно! захлопала въ ладоши пятая.

Шестая тихо повела своими мечтательными глазами и произнесла въ полъ-голоса:

— Вчера вечеромъ я долго не могла уснуть, стояла у окна и любовалась луною. Вдругъ, слышу: дивное пѣніе внизу около садовой бесѣдки на скалѣ у моря. Ахъ, какой-то былъ голосъ! Соловей-бы позавидовалъ ему, а что касается нашихъ придворныхъ пѣвцовъ, такъ тѣмъ и во снѣ не снилось такое исполненіе. Я выглянула за окошко и увидѣла самого пѣвца. И представьте мое удивленіе, пресвѣтлая принцесса: то былъ нашъ молоденькій пажъ Розинъ. Вы знаете-ль Розина, молоденькаго пажа, принцесса?

— Да, да, подхватили пять другихъ дѣвушекъ, въ то время какъ молчала сама королевна, — да, да, это тотъ бѣлокурый съ золотистымъ отливомъ волосъ.

— И съ синими, какъ море глазами...

— Всегда такой задумчивый и серьезный...

— Онъ никогда не участвуетъ на праздникахъ...

— Никогда не бываетъ на турнирахъ...

— Никогда не ѣздитъ на охоты съ королемъ!

— Да, да, это тотъ самый! Мы его хорошо всѣ знаемъ!

Дѣвушки щебетали какъ птички. Одна принцесса Гильда молчала. Она тоже вспомнила Розина. Того самаго Розина, который всегда удивлялъ ее своимъ молчаніемъ, своими задумчивыми синими глазами, и желаніемъ держаться въ сторонѣ отъ другихъ. Почему этотъ Розинъ всегда такой задумчивый и молчаливый? Почему такъ печальны его прекрасные глаза, когда все и всѣ кругомъ ликуютъ и смѣются на Островѣ Счастья?

Вотъ о чемъ задумалась юная королевна подъ веселое щебетанье своихъ подругъ-фрейлинъ.

Старая Ануя забезпокоилась увидя снова облако печали на личикѣ своей питомицы.

— Гильда, сердце мое,—начала вѣрная старая нянька: —не желаешь-ли, споетъ тебѣ этотъ Розинъ, прикажи только и мы живо его отыщемъ и приведемъ сюда.

— Да, да, позовите его, приведите, я хочу послушать его пѣніе! внезапно оживилась принцесса Гильда. И вмигъ, веселая толпа дѣвушекъ шарахнулась въ разныя стороны и порхнула въ сторону дворца... А черезъ минуту юный красавецъ пажъ, съ золотыми какъ солнце кудрями, съ синими задумчивыми, напоминающими цвѣтомъ своимъ морскія волны глазами, съ вензелемъ принцессы Гильды, вышитымъ на груди камзола, стоялъ уже съ лютней въ

*

рукахъ, преклонивъ колѣно передъ своей владычицей королевной.

— Вы звали меня, прекрасная принцесса?—голосомъ, похожимъ на музыку свирѣли, произнесъ онъ, поднимая на нее глаза.

— Спой мнѣ что-нибудь, Розинъ, я слышала, что ты хорошо поешь, и можетъ быть твое пѣніе разгонитъ мои страхи и заботы!—произнесла королевна.

— Я приложу къ этому все мое стараніе, клянусь моею лютней!—пылко возразилъ пажъ. И, не поднимаясь съ колѣнъ, онъ провелъ тонкими пальцами по струнамъ и запѣлъ.

Что это была за пѣсня, ни сама Гильда, ни ея подружки-фрейлины, ни старая мамка Ануя не знали; никто изъ нихъ не слышалъ ее никогда до сихъ поръ. Говорилось въ ней, въ этой пѣснѣ, о прекрасной, гордой и недоступной принцессѣ, красотѣ которой завидовали не только люди, но и сама природа: и море, и небо, и зеленыя пальмы, и золотое солнце тамъ у себя въ высокомъ терему. Что волосы принцессы были похожи на черную ночь своею мглистою чернотою, что очи ея были, какъ двѣ сверкающія дивныя полночныя звѣзды; что лицо ея было прозрачно какъ душистыя прозрачныя чашечки лилій, а румянецъ прекраснѣе и нѣжнѣе ало-розоваго румянца зори. Ея губки пѣвецъ сравнивалъ съ ягодами спѣлой пурпуровой вишни, а бѣлые зубки съ сверкающимъ блескомъ подводныхъ жемчужинъ въ морской глубинѣ. И вотъ, эту-то принцессу и любилъ бѣдный рыцарь безъ роду и племени, безъ славы и денегъ. Одно сокровище таилъ въ себѣ бѣдный рыцарь — умѣнье пѣснями своими трогать и восхищать людскія сердца. Сердца всѣхъ, но не гордое принцессино сердце... Она была слишкомъ прекрасна, слишкомъ могущественна и велика,

чтобы подарить своимъ вниманіемъ бѣднаго, ничтожнаго рыцаря.

Въ тотъ самый вечеръ, когда явился достойный женихъ для молодой принцессы, сынъ какого-то могущественнаго короля, юный рыцарь спѣлъ въ послѣдній разъ свою пѣсню на свадебномъ пиру, принцессы и незамѣтно исчезъ изъ дворца. На берегу онъ разбилъ о прибрежныя скалы свою лютню, а самъ бросился въ море и погибъ... Вѣдь теперь ему не для кого было пѣть больше!

Дивными звуками лилась пѣснь изъ груди молодого пажа... Ей вторили чуть слышно нѣжныя серебристыя струны лютни... Съ тихой задумчивой улыбкой слушала его, какъ завороженная, принцесса... Слушали, не проронивъ ни слова, и молоденькія фрейлины, и старая Ануя... Бились шибко и неровно и молоденькія сердца дѣвушекъ и старое сердце няньки. Даже рыбки выплыли на берегъ, сверкая въ лучахъ заходящаго солнца серебристой чешуей, послушать удивительной пѣсни, и сѣрыя чайки замерли на скалахъ, прислушиваясь къ очаровательному голосу молодого пѣвца.

Но внимательнѣе всѣхъ слушала Гильда-королевна. И когда закончилъ чистою, какъ кристаллъ, нотою свою пѣсню пѣвецъ, словно очнулась, словно проснулась отъ глубокаго сна красавица—Гильда. Поняла она сразу, о комъ пѣлъ юный Розинъ. Поняла и, зачарованная божественнымъ голосомъ пѣвца, всѣмъ сердцемъ потянулась къ нему навстрѣчу. Что-то новое, неизвѣданное доселѣ, проникло ей въ душу и всколыхнуло все существо Гильды-королевны.

Старая Ануя взглянула и не узнала своей любимицы. Яркими звѣздочками загорѣлись глаза Гильды, зардѣлись румянцемъ алыя розы на ея щекахъ; счастливая улыбка заиграла на пурпуровыхъ губ-

кахъ... Задумчивѣй, но прекраснѣе прежняго стало ея прелестное лицо, озаренное новымъ чувствомъ.

— Смотрите, пресвѣтлая принцесса,—неожиданно вскричала одна изъ фрейлинъ-подругъ,—смотрите туда, прямо въ море... Вы видите черную точку на горизонтѣ? Это возвращается судно нашего короля!

Принцесса стремительно вскочила и бросилась впередъ къ берегу. И вся ея свита бросилась за ней.

Старая Ануя едва поспѣвала своими дряхлыми ногами за быстроногими какъ серны молодыми дѣвушками.

— Правда! Правда! Это возвращается батюшка-король съ заморскими женихами!—весело вскричала Гильда и вдругъ замолкла внезапно. Взглядъ ея упалъ нечаянно на молодого пажа. Юный пажъ былъ блѣденъ какъ смерть и машинально перебиралъ дрожащими пальцами струны лютни. И глаза его мрачно смотрѣли вдаль на приближающееся къ Острову Счастья судно. Вѣдь это судно несло ему столько горя съ собой! Вѣдь то плыли заморскіе короли и принцы, которыхъ везъ для своей дочери могущественный Лотунъ. Вѣдь каждый изъ нихъ могъ взять за себя прекрасную Гильду замужъ. И что же оставалось дѣлать ему, бѣдному пажу? Разбить свою лютню о скалы и погибнуть въ морѣ!

Да, такъ и поступитъ онъ въ первый же день пріѣзда жениховъ!

Вѣроятно, мысли юнаго пажа передались прекрасной принцессѣ. Она оставила Ануя и фрейлинъ слѣдить за приближающимся судномъ, а сама быстрыми шагами приблизилась къ Розину.

— Не горюй, юноша, произнесла она, кладя ему на плечи свои нѣжныя бѣлыя ручки,—не печалься напрасно... Эти женихи уѣдутъ ни съ чѣмъ. Я по-

любила тебя, за твою пѣсню, за твое чувство. И не надо мнѣ ни знатности, ни славы, ни богатства въ будущемъ моемъ супругѣ. Нужно только такое сильное чувство, которое выразила мнѣ сейчасъ твоя пѣснь и твоя печаль. Я буду твоею и ничьей больше, прекрасный пажъ Розинъ. Запомни это!

И не давъ ему отвѣтить ни слова, опять убѣжала присоединиться къ подругамъ-фрейлинамъ и старой Ануѣ, чтобы достойно привѣтствовать возвращеніе короля—отца.

— Ахъ, что за балы, что за пиры задалъ король Лотунъ въ честь пріѣхавшихъ съ нимъ на островъ королей и принцевъ!

Ихъ явилось двѣнадцать человѣкъ, двѣнадцать искателей руки и сердца прекрасной Гильды. И каждый изъ нихъ уже прославился чѣмъ-нибудь, уже стяжалъ себѣ міровую славу. Имя каждаго изъ пріѣзжихъ королей и принцевъ пѣвцы-трубадуры разнесли по бѣлу свѣту, и достоинства каждаго восхваляли герольды Острова Счастья на балахъ и пирахъ, данныхъ въ честь ихъ Лотуномъ-королемъ. Съ утра теперь гремѣла музыка во дворцѣ Лотуна. Съ полдня до поздняго вечера затягивались пиры. А ночью зажигались милліарды огней въ огромныхъ дворцовыхъ залахъ; курились душистыя куренья, били фонтаны духовъ и подъ звуки гавота неслись одна за другой нарядныя пары танцующихъ.

Двѣнадцать такихъ праздниковъ рѣшилъ дать Лотунъ въ честь двѣнадцати пріѣхавшихъ сюда, на Островъ Счастья, королей и принцевъ. Двѣнадцать гавотовъ должна была протанцовать Гильда-королевна съ каждымъ изъ пріѣхавшихъ жениховъ. Никого нельзя было забыть или обидѣть. Изъ далекихъ за-

морскихъ странъ примчались они сюда, всѣ эти короли и принцы. И каждый изъ нихъ обладалъ какимъ-либо особеннымъ качествомъ доблести, о которомъ славили по свѣту трубадуры и пѣвцы.

Такъ первый женихъ-король отличался своимъ богатствомъ.

Второй—военною славою.

Третій отличался умѣньемъ мудро вести бесѣду.

Четвертый, пылкій и горячій юноша, былъ удивительно счастливъ на турнирахъ.

Пятый отличался рѣдкимъ остроуміемъ.

Шестой обладалъ дрогоцѣннѣйшимъ качествомъ сохранять миръ и тишину въ своемъ королевствѣ.

Седьмой—добротою. Восьмой признанъ былъ единогласно всѣмъ міромъ какъ безупречный рыцарь, твердо сохранявшій всѣ завѣты рыцарства.

Восьмой—самый ловкій и изящный танцоръ.

Девятый—весельчакъ, какихъ мало, десятый поражалъ всѣхъ своей красотой, одинадцатый изъѣздилъ весь свѣтъ и зналъ обо всемъ, что дѣлалось въ мірѣ, что бы не спросили у него. И, наконецъ, двѣнадцатый считался самымъ счастливымъ послѣ короля съ Острова Счастья повелителемъ въ своемъ королевствѣ. За этого-то послѣдняго король-Лотунъ повидимому и прочилъ дочь.

Но принцесса Гильда была одинаково мила и любезна со всѣми. И пролетая легкой сильфидой въ веселомъ гавотѣ, или мчась во весь опоръ на конѣ во время веселыхъ кавалькадъ, она непринужденно смѣялась и болтала со всѣми двѣнадцатью искателями ея руки, отвѣчала любезностями на комплименты, шутками на шутки, не дѣлая никакого различія между ними. А поздно ночью, когда гасили огни въ огромныхъ залахъ, когда смолкала музыка и замиралъ плескъ душистыхъ фонтановъ, Гильда-

королевна убѣгала на высокую башню и съ вышины ея смотрѣла не отрываясь на морской берегъ.

Тамъ, при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, четко обрисовывалась прибрежная скала. На этой скалѣ темнѣла каждую ночь стройная фигура пажа съ лютней въ рукахъ. И нѣжный мелодичный голосъ пѣлъ ту дивную пѣснь, которую спѣлъ онъ впервые здѣсь же, на морскомъ берегу, въ присутствіи ея — Гильды. Замирая отъ восторга, слушала юнаго пѣвца Гильда. И тихо шептала, не отрывая глазъ отъ далекой фигуры пажа:

— Не надо мнѣ ни богатства, ни славы, ни знатности, ничего не надо. Милый Розинъ мнѣ дорогъ, и я буду его женой. Во чтобы то нистало буду, потому что его одного я люблю всей душою!

Двѣнадцать дней промчались быстро, какъ сонъ. Двѣнадцать пировъ и пышныхъ празднествъ были даны въ честь жениховъ. Въ тринадцатый,—счастливецъ долженъ былъ услышать свой приговоръ изъ устъ самой Гильды.

Выбрать жениха изъ среды пріѣзжихъ гостей Гильда должна была въ присутствіи короля отца, всѣхъ вельможъ королевства, всей своей свиты.

Въ назначенный часъ двѣнадцать королей и принцевъ вошли въ парадную залу Лотунова дворца убранную съ особенной пышностью въ это утро. Блестящая свита сопровождала ихъ. Такая же свита окружала и троны короля и королевны. Длинный бѣлый, расшитый жемчугомъ шлейфъ Гильды держалъ красивѣйшій изъ пажей Розинъ. Невидимая музыка привѣтствовала вошедшихъ гостей.

При появленіи ихъ принцесса Гильда поднялась со своего трона.

— Дорогіе гости, храбрѣйшіе и славнѣйшіе короли и принцы!—прозвучалъ ея нѣжный въ залѣ голосокъ,—я знаю отъ отца моего, его величества короля Лотуна, о цѣли вашего пріѣзда сюда къ намъ на Островъ Счастья. Я знаю, благороднѣйшіе рыцари, о томъ, что каждый изъ васъ предлагаетъ мнѣ руку и сердце. И всѣхъ васъ благодарю за оказанную честь. Но какъ хозяйка не могу быть нелюбезной съ вами и, выбравъ кого-нибудь одного изъ васъ, я обижу этимъ кровно одиннадцать другихъ. Всѣ вы одинаково достойны, доблестны и прекрасны въ моихъ глазахъ и въ глазахъ моего батюшки—короля. И вотъ что я придумала для того, чтобы никого изъ васъ не обидѣть. Я рѣшила задать вамъ всѣмъ двѣнадцати одну и ту-же задачу. Если одинъ изъ васъ рѣшитъ ее, я предложу вторую и третью. А по выполненіи третьей и послѣдней я остановлю свой выборъ на томъ, кто исполнитъ задуманное мною, кто выполнитъ всѣ три задачи, предложенныя вамъ. Тутъ принцесса Гильда опустилась снова на тронъ и задумалась на минуту. Лицо ея приняло лукавое выраженіе и хитрая улыбка заиграла на коралловыхъ губкахъ.

Вотъ она опять стремительно поднялась со своего мѣста и снова пробѣжалъ звонкими струйками ея серебристый какъ лѣсной ручей голосокъ по огромной залѣ:

— Далеко за нѣсколько дней пути отсюда начала она,—на необитаемомъ островѣ выросъ цвѣтокъ полночный невиданной красы. Этому цвѣтку уже лѣтъ сто насчитывается. Старая Ануя, моя кормилица-няня о немъ часто разсказывала мнѣ. Цвѣтокъ этотъ, повторяю, рѣдкой красоты и аромата. Но никто изъ людей не можетъ его сорвать. Вокругъ острова, на которомъ онъ растетъ, разбро-

саны острые подводные камни, которые не пропустятъ къ сушѣ ни одного судна. Но я хочу, во что бы то ни стало, имѣть не позднѣе завтрашняго утра этотъ рѣдкій цвѣтокъ,—закончила свою рѣчь Гильда и опустилась на тронъ, глядя тѣмъ же лукавымъ взоромъ на опѣшившихъ и растерявшихся вслѣдствіе ея рѣчи жениховъ.

— Да какъ же поспѣть намъ къ завтрашнему утру вернуться съ цвѣткомъ, прекрасная принцесса, если сами вы говорите, что путешествіе на островъ потребуетъ нѣсколькихъ дней!—послышались робкіе голоса протеста изъ среды королей и принцевъ.

— Да и суднамъ никакъ нельзя будетъ пристать къ острову, окруженному острыми подводными камнями,—заговорили вслѣдъ за первыми—другіе гости-женихи.

— Если бы задача моя была легко выполнима, не было-бы никакой славы рѣшившему ее!—уклончиво отвѣтила принцесса Гильда,—сопровождая свои слова самою обворожительной улыбкой.

Пошушукались, пошептались между собой раздосадованные гости и разошлись печальные по приготовленнымъ для нихъ покоямъ. А когда взошла луна и освѣтила морской берегъ и на скалѣ появилась стройная фигура пажа, изъ дворцовыхъ сѣней проскользнула закутанная въ темный плащъ Гильда-королевна.

— Розинъ! Розинъ!—тихо позвала она юношу, пѣвшаго на скалѣ.

Тотъ быстро обернулся на милый голосъ и пѣснь его оборвалась сразу.

— Ты, одинъ ты, долженъ достать мнѣ съ пустыннаго острова чудесный цвѣтокъ!—задыхаясь отъ волненія прошептала принцесса.

Юноша-пажъ горестно развелъ руками.

— Вы смѣетесь надо мною, прекраснѣйшая изъ принцессъ міра!—произнесъ онъ, горестно всплеснувъ руками,—вы сами знаете какъ неисполнима заданная вами задача!

— А вотъ посмотримъ!—разсмѣялась Гильда и, захлопавъ въ ладоши, она засвистѣла протяжнымъ звонкимъ свистомъ. На этотъ свистъ внезапно слетѣлись со всѣхъ сторонъ морского берега сѣрыя пушистыя птицы...

Морскія чайки въ одинъ мигъ усѣяли берегъ и скалы, окружили Гильду-королевну, усѣлись ей на плечи, на руки, на прелестную чернокудрую головку.

— Ты звала насъ, повелительница и подружка наша?—прощебетали ласково птицы, любившія юную принцессу за то, что она кормила ихъ остатками съ дворцоваго стола и играла съ ними въ дѣтскіе годы.

— Вотъ что, милые друзья, возьмите этотъ черный плащъ въ ваши клювы, указывая на плащъ, покрывавшій ея плечи, произнесла Гильда, на плащѣ какъ въ люлькѣ будетъ лежать пажъ Розинъ. Вы поднимите его высоко-высоко надъ моремъ и умчите его въ одну ночь на пустынный островъ, гдѣ растетъ рѣдкій цвѣтокъ; а къ утру непремѣнно вернитесь съ нимъ обратно. Вы слышали хорошо, чего я прошу у васъ?

— Слышали, всѣ слышали, будь спокойна,—выполнимъ все въ точности, наша любимая принцессочка! — отвѣчали пернатые друзья своей любимицѣ.

Тутъ Гильда сбросила свой черный плащъ на землю и приказала Розину лечь на него. Въ тотъ же мигъ стая сѣрыхъ чаекъ метнулась къ плащу, схватила концы его въ крѣпкіе клювы и не успѣлъ

юноша-пажъ произнести прощальнаго привѣтствія, какъ былъ поднятъ высоко-высоко на принцессиномъ плащѣ, и унесенъ въ самыя облака.

На слѣдующее утро только девять жениховъ появилось въ королевскомъ пріемномъ залѣ.

Только трое изъ гостей отважились пуститься на поиски за рѣдкимъ цвѣткомъ. Они просили снарядить судно короля Лотуна, которое должно было отвезти ихъ на пустынный островъ. Но девять болѣе осторожныхъ предпочли остаться дома и выслушать вторую задачу изъ устъ принцессы Гильды, надѣясь втайнѣ, что вторая будетъ не такъ невыполнима и трудна.

Но каково же было всеобщее изумленіе, когда всѣ замѣтили чудесный, рѣдкой красоты цвѣтокъ, издающій дивное благоуханіе у подножія трона, у маленькихъ золоченыхъ туфелекъ принцессы!

Самъ король былъ пораженъ этимъ явленіемъ и смотрѣлъ на него какъ на чудо.

— Кто доставилъ сюда чудесный цвѣтокъ? — спрашивали другъ друга присутствующіе и, разумѣется, не получали отвѣта.

Только блѣдный красавецъ пажъ, тотъ самый, который держалъ расшитый жемчугомъ шлейфъ принцессы, ниже опустилъ свою златокудрую голову, да сама принцесса благодарнымъ, сіяющимъ взоромъ незамѣтно скользнула по этой склоненной головѣ.

И опять какъ наканунѣ поднялась она съ мѣста и продиктовала новую задачу гостямъ женихамъ:

— Въ морской пучинѣ, въ самой глубинѣ моря, можетъ быть, очень близко, а можетъ статься и страшно далеко отъ нашего острова на илистомъ, мшистомъ днѣ лежитъ исполинская раковина, жемчужина огромнѣйшихъ размѣровъ. О ней говорила

мнѣ старая Ануя. Говорила и о томъ, какъ труденъ доступъ въ подводный гротъ, гдѣ находится эта жемчужина. Цѣлый легіонъ рыбъ стережетъ сокровище. И лишь только какой-нибудь водолазъ или искатель жемчуга, проберется къ самому гроту, они такъ замутятъ прозрачную морскую воду, такъ засыпятъ глаза предпріимчиваго искателя пескомъ и залѣпятъ ихъ иломъ, что онъ, поневолѣ, долженъ вернуться на поверхность воды. Но вотъ эту-то исполинскую жемчужину и хотѣлось бы мнѣ заполучить, какъ цѣнное и лучшее украшеніе для моего брачнаго вѣнца. Неужели ни одинъ изъ васъ, храбрѣйшіе въ мірѣ рыцари, не отважится исполнить мою задачу?—лукавымъ вопросомъ заключила свою рѣчь юная Гильда-королевна.

Снова тихій шопотъ пронесся по толпѣ озадаченныхъ королей и принцевъ. Они, очевидно, ошиблись въ своихъ разсчетахъ. Выполненіе второй задачи много превышало своей трудностью первую. Повздыхали, покачали головами заморскіе короли и принцы и съ тяжелымъ чувствомъ покинули залъ. А тутъ еще новый капризъ принцессы увеличилъ ихъ заботу.

— Хочу, чтобы рѣдкостная вещица завтра же утромъ была у меня!

Когда опустѣла зала,—король произнесъ обращаясь къ дочери:

—Милая Гильда, навѣрное ты не найдешь такого смѣльчака, который бы рѣшился на этотъ безумный подвигъ.

— О, нѣтъ, дорогой батюшка!—весело вскричала принцесса.—Тотъ, кто примчалъ мнѣ чудеснѣйшимъ образомъ рѣдкій цвѣтокъ, тотъ, навѣрное, доставитъ и рѣдкостное морское сокровище къ завтрашнему утру.

И она бросила краснорѣчивый взглядъ на вспыхнувшее какъ зарево лицо пажа.

И опять какъ наканунѣ, вечеромъ, при лунномъ свѣтѣ, Гильда пробралась на берегъ. Тамъ ждалъ ее Розинъ. Ей не пришлось приказывать ему по вчерашнему совершить подвигъ. Онъ смѣло бросился къ ней, упалъ передъ ней на колѣни и пылко воскликнулъ съ юношескимъ жаромъ:

— Прикажите мнѣ броситься въ море и погибнуть, моя королевна, если и не съумѣю найти для васъ чудесную жемчужину. Прикажите утонуть, какъ рыцарю-пѣвцу изъ моей пѣсни.

— Нѣтъ, нѣтъ!—горячо протестовала Гильда,— ты долженъ не умирать а жить для меня, Розинъ. На этотъ разъ тебѣ не придется трудиться. Я достану морское сокровище болѣе легкимъ способомъ.

Тутъ она снова захлопала въ ладоши и засвистѣла протяжнымъ, призывнымъ свистомъ, И милліоны рыбьихъ головокъ вынырнули изъ морской пучины и, сверкая серебристой чешуею, уставились глазами на принцессу Гильду.

И рыбы, какъ и чайки, любили Гильду-королевну. И ихъ кормила она, щедро одѣляя подачками съ королевскаго стола, и съ ними играла и рѣзвилась, какъ равная, въ часы купаній.

— Милыя мои рыбки-подружки,—обратилась къ нимъ дѣвушка,—расплывитесь въ разныя стороны, проплывите по всѣмъ направленіямъ, розыщите чудесный гротъ, въ которомъ находится исполинская жемчужина и доставьте мнѣ ее сюда поскорѣе. Исполните мою просьбу, если любите вашу подружку Гильду, милыя, веселыя, добрыя рыбки!

Едва только успѣла произнести послѣднія слова

Гильда-королевна, какъ нырнулъ, словно по командѣ, весь милліонъ рыбьихъ головокъ въ глубокую пучину водъ.

А Гильда съ Розиномъ остались терпѣливо ждать на берегу ихъ возвращенія. Потянулись минуты и часы напряженнаго ожиданія. Вотъ уже начало свѣтать понемногу, уже прояснѣло предъ утреннимъ разсвѣтомъ на горизонтѣ неба, а рыбки все еще не возвращались къ берегу. Сильнѣе забилось сердечко Гильды. Не менѣе своей любимой принцессы волновался и юнный пажъ. Вотъ уже алая заря, предвѣстница солнечнаго восхода, опалила своимъ пожаромъ небо... Сейчасъ должно было вспыхнуть золотымъ румянцемъ солнце, а рыбокъ и морского сокровища все нѣтъ какъ нѣтъ.

Вдругъ, тихій плескъ привлекъ вниманіе молодой пары. Откуда ни возьмись сердитый сѣдой валъ набѣжалъ на берегъ и когда разбивался на тысячу мелкихъ струекъ, то выбросилъ къ ногамъ Гильды чудесную, рѣдкой красоты исполинскую жемчужину. Вся она такъ и заискрилась, такъ и засверкала въ лучахъ восшедшаго солнца. Тысячами огней засверкало дневное свѣтило на поврехности драгоцѣнной раковины. Гильда подняла жемчужину и спрятала ее въ карманъ.

Потомъ повернувшись къ Розину, проговорила:

— Ровно въ полдень всѣ снова должны будутъ собраться въ тронной залѣ. И ты войдешь вмѣстѣ съ принцами и королями, въ ихъ толпѣ, но съ опущеннымъ забраломъ на лицѣ... И когда я задамъ третью и послѣднюю задачу, ты возьмешь твою лютню, которую спрячь до времени подъ полою камзола и сразу же начинай пѣть нашу лебединую пѣснь о погибшемъ въ морѣ рыцарѣ трубадурѣ, за которую я полюбила тебя.

— Ваши слова для меня законъ, прекраснѣйшая принцесса Гильда!—произнесъ Розинъ, глядя восхищенными глазами въ лицо своей королевны.

Молодые люди разстались; солнце было уже высоко и жизнь пробуждалась понемногу на островѣ и въ королевскомъ дворцѣ.

Наступилъ третій день испытаній. Торжественными звуками марша встрѣтилъ оркестръ музыкантовъ вошедшихъ гостей-жениховъ. Ихъ было ровно шестеро. Половина отсутствовала. Трое искателей были въ плаваніи за добычей рѣдкаго цвѣтка. Трое другихъ въ выданныхъ имъ королемъ костюмахъ водолазовъ искали чудесную жемчужину на днѣ моря.

Но къ ихъ толпѣ неожиданно присоединился седьмой. Странный, никому незнакомый человѣкъ, юноша, судя по легкости и быстротѣ движеній, съ опущеннымъ на лицо забраломъ, вышелъ слѣдомъ за гостями и занялъ самое скромное мѣсто въ углу. Въ пышномъ брачномъ нарядѣ встрѣтила на этотъ разъ принцесса Гильда своихъ гостей. На головѣ ея красовалась корона, а посреди нея сіяла своей нѣжной желто-молочной бѣлизной, огромная, рѣдкой красоты жемчужина, сразу привлекшая къ себѣ всѣ взоры. Ахнули и гости-женихи и королевская свита и самъ король при видѣ сокровища, которому не было цѣны. Король Лотунъ первый обратился къ дочери съ вопросомъ:

— Кто доставилъ тебѣ эту драгоцѣнность со дна моря? Назови намъ его имя, милая Гильда?

Улыбнулась веселой и лукавой улыбкой Гильда-королевна:

— Тотъ самый, батюшка, храбрѣйшій изъ храбрѣйшихъ рыцарей, достойнѣйшій изъ достойныхъ,

который принесъ мнѣ съ пустыннаго острова чудесный, благовонный цвѣтокъ, онъ же досталъ и эту увивительную игрушку со дна моря. Не правда-ли подвиги его заслуживаютъ всяческаго восхищенія и похвалы. Неправда-ли, благородные рыцари!—обратилась она къ заморскимъ женихамъ съ лукавымъ вопросомъ.

— Вы изволите говорить сущую истину, прекраснѣйшая Гильда-королевна!—хоромъ отозвались принцы и короли.

Гильда снова улыбнулась лукавой улыбкой.

— Но я дала слово предложить вамъ не двѣ, а три задачи,—произнесла она послѣ недолгаго молчанія:—и только по рѣшеніи третьей и послѣдней я отдамъ свою руку тому, кто выйдетъ побѣдителемъ изъ этого труднаго дѣла. Надо торопиться, однако. Батюшка-король приказалъ капелану освѣтить капеллу. Хоръ пѣвчихъ ждетъ уже тамъ. Мы повѣнчаемся тотчасъ же съ моимъ избранникомъ, который рѣшитъ третью задачу, какъ рѣшилъ первую и вторую. Рѣдкій цвѣтокъ и драгоцѣнная жемчужина въ моихъ рукахъ. Теперь остается разгадать загадку, которую я вамъ сейчасъ предложу,

Гильда-королевна, помолчавъ съ минуту и, обведя глазами толпу жениховъ, произнесла снова на всю залу, отчеканивая каждое слово, чтобы всѣ присутствующіе услышали ее.—Пусть догадается кто либо изъ васъ, чего я, принцесса Гильда, хочу въ эту минуту? А я сообщу о томъ моему королю-отцу. Кто исполнитъ мое желаніе, тотъ получитъ мою руку въ награду.

Тутъ она быстро наклонилась къ самому уху короля и произнесла шопотомъ:—Я хочу, батюшка, чтобы избранникъ мой спѣлъ мнѣ чудесную пѣсню о погибшемъ отъ любви рыцарѣ къ молодой принцессѣ.

— Ну, дорогіе гости, приступайте къ послѣднему и наиболѣе легкому испытанію,—обратилась она снова къ женихамъ.

Снова легкій гулъ пронесся по залѣ. Потомъ все смолкло и заморскіе гости погрузились въ долгое размышленіе. Каждый изъ нихъ напряженно думалъ о томъ, что могло пожелать капризное сердце Гильды. Наконецъ, выступилъ самый почтенный изъ числа оставшихся во дворцѣ жениховъ, тотъ самый, который отличался большою мудростью и прославился ею по всему міру.

— Я знаю, чего желаетъ прекрасная принцесса,—произнесъ онъ, важно поглаживая свою длинную бороду,—мудрыхъ ученыхъ толкованій, самыхъ тонкихъ научныхъ объясненій, философскихъ выводовъ и заключеній желаетъ она!—и изъ его устъ полились такія мудрыя рѣчи, такія умныя сравненія, что всѣ присутствующіе замерли съ открытыми ртами слушая его. Всѣ, только не принцесса Гильда. Та безцеремонно покачала своей черной головкой и весело закричала на весь залъ:

— Не то, не то, благородный король, вы можете не стараться, я слишкомъ глупа, чтобы понимать такія умныя рѣчи и если вы будете продолжать, увы! я принуждена буду уснуть среди бѣлаго дня.

Сконфуженный женихъ со смущеннымъ видомъ отошелъ въ сторону, а его мѣсто занялъ другой—молодой и изящный принцъ, отличавшійся драгоцѣннымъ качествомъ—неистощимымъ остроуміемъ и веселостью.

— Я понялъ прекраснѣйшую изъ королевенъ, произнесъ онъ съ самодовольнымъ видомъ покручивая усики:—очаровательная принцесса Гильда желаетъ смѣяться веселымъ здоровымъ смѣхомъ. И, не дожидаясь отвѣта со стороны Гильды королевны,

онъ сталъ разсказывать такія смѣшныя и забавныя вещи, полныя блеска и остроумія, что самъ король и придворные и даже женихи-гости такъ и покатывались со смѣха.

Одна принцесса Гильда оставалась серьезной и прервала веселаго разсказчика на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, я не этого хотѣла, вы ошиблись, благородный принцъ! произнесла она съ почтительнымъ реверансомъ.

Сконфуженный женихъ уступилъ свое мѣсто поневолѣ третьему гостю. Это былъ король, прославившійся своею военною славою.

— Принцесса желаетъ, чтобы я покорилъ міръ своимъ мечемъ! произнесъ онъ увѣреннымъ голосомъ.

— Увы, нѣтъ, храбрѣйшій изъ королей войновъ,— насмѣшливо прозвучалъ серебристый голосокъ:— принцесса Гильда предпочитаетъ войнѣ тишину и миръ.

Позвякивая шпорами отошелъ и этотъ сконфуженный гость. Четвертый женихъ сдѣлалъ предположеніе о томъ, что Гильда-принцесса желала бы быть самой богатой королевой въ мірѣ. Это былъ богатѣйшій въ мірѣ король, наивно думавшій, что лучшее счастье въ мірѣ—богатство. Но и ему пришлось отойти ни съ чѣмъ, какъ и тремъ его неудачнымъ предшественникамъ. Пятый гость принцъ, побѣждавшій всѣхъ рыцарей на турнирѣ, заикнулся было о желаніи Гильды, чтобы онъ въ честь ея побѣдилъ на поединкѣ всѣхъ непобѣжденныхъ имъ еще витязей. Но полная неудача постигла и этого искателя королевниной руки.

Наконецъ, шестой красавецъ-принцъ, поражавшій всѣхъ своею очаровательной внѣшностью, какія только встрѣчаются на картинахъ, увѣренно заявилъ о

томъ, что навѣрное принцесса Гильда желала бы получить въ мужья самаго прекраснаго по внѣшности въ мірѣ человѣка.

— О, нѣтъ, я предпочла-бы уже скорѣе самаго умнаго, который бы не хвасталъ своей красотою,— весело разсмѣялась молодая дѣвушка, приводя этимъ въ полное смущеніе совершенно уничтоженнаго такимъ отвѣтомъ жениха.

— Ну, ты слишкомъ разборчива, моя Гильда,— произнесъ старый король,—ты видишь, всѣ присутствующіе женихи забракованы тобою. И больше никого не осталось для испытанья.

— О, нѣтъ, ты ошибаешься, батюшка, — протестовала Гильда, — вонъ тамъ, въ углу, я вижу незнакомца съ опущеннымъ на лицо забраломъ. Можетъ быть, это одинъ изъ нашихъ гостей, вернувшійся съ Пустыннаго острова или съ поисковъ драгоцѣнной жемчужины. Во всякомъ случаѣ, пусть онъ приблизится, не открывая лица, и исполнитъ то, чего желаетъ мое сердце.

При этихъ словахъ скромная фигура выступила впередъ. Легко и проворно пробѣжалъ залу незнакомецъ, опустился на одно колѣно передъ тономъ Гильды, вынулъ изъ-подъ полы камзола серебряную лютню и запѣлъ, проводя рукою по мелодичнымъ струнамъ ея. Съ первыхъ же словъ пѣсни замерли всѣ присутствующіе. Такого дивнаго голоса еще не удавалось слышать заморскимъ гостямъ. Но самъ король и придворные сразу узнали пѣвца.

Разгнѣвался повелитель Острова Счастья. Нахмурилъ брови, сверкнулъ глазами и громко крикнулъ:

— Какъ осмѣлился ты, жалкій, ничтожный мальчишка выступить въ числѣ искателей руки моей дочери Гильды-королевны? Взять дерзкаго, заковать

его въ цѣпи и бросить въ темницу!—приказалъ онъ окружающей его стражѣ.

Воины королевскіе схватили Розина, несмотря на плачъ и вопли принцессы, и отвели его въ тюрьму. А люди, находившіеся въ залѣ, стали шептать съ негодованіемъ:

— Нехорошо, несправедливо поступилъ король Лотунъ. Вѣдь сама Гильда-принцесса говорила, что этотъ юноша съ опущеннымъ забраломъ исполнилъ ея двѣ труднѣйшія задачи, а когда стража уводила его, крикнула ему вслѣдъ, что онъ разгадалъ и заданную ею загадку: сердце ея желало пѣсенъ о погибшемъ рыцарѣ. Такая явная жестокость не можетъ сулить ничего хорошаго Острову Счастья!—тихо прибавляли придворные.

Этотъ тихій шопотъ перешелъ изъ дворца на площадь, а съ площади перекинулся по всѣмъ улицамъ королевства и достигъ морского берега.

Услышали этотъ негодующій шопотъ нѣмыя рыбки въ морѣ, друзья Гильды-королевны, и возмутились королевской жестокостью не меньше людей. Цѣлыми милліардами кинулись онѣ на дно моря и подняли оттуда тучи ила, грязи и песку. Вмигъ замутили онѣ темной некрасивой пеленою до сихъ поръ лазурно-синюю поверхность хрустальныхъ водъ.

И стало море въ тотъ же мигъ чернымъ, бурливымъ и страшнымъ. Забѣгали на немъ сердитыя, грозныя волны, загуляли, выступая на берегъ, мутные валы.

А недовольный шопотъ все разростался и разростался. Услышали его и пернатыя подружки Гильды, сѣрыя морскія чайки на скалахъ. Тучами взвились онѣ съ гнѣздъ и полетѣли къ небу. Было ихъ такъ много, что сразу затемнили онѣ лучезарное сіяніе солнышка, и на Островѣ Счастья мгновенно насту-

пила сѣрая полутьма. Поблекли въ этой полутьмѣ зеленыя пальмы, лишенныя свѣта и солнца, и бѣлыя лиліи, и пышныя алыя розы.

И люди ходили съ блѣдными, испуганными, помертвѣвшими лицами въ этой полутьмѣ. Цвѣтущій до сихъ поръ Островъ Счастья превратился въ островъ печали и угнетенья. Заморскіе короли и принцы, испуганные такой перемѣной, поспѣшили покинуть королевство Лотуна и убраться во-свояси.

Еще печальнѣе и грустнѣе стало съ ихъ отъѣздомъ на Островѣ. Сѣрая полутьма обволакивала его, гулко и грозно шумѣло вспѣненное, взбаломученное море. Унылые и печальные ходили островитяне. Въ своемъ высокомъ теремѣ плакала, не осушая глазъ, Гильда-принцесса. А въ тюрьмѣ, въ одинокой каморкѣ, изнывалъ пажъ Розинъ.

Наконецъ, не вытерпѣла старая Ануя, самая древняя, столѣтняя обитательница Острова, и пошла къ королю:

— Всемилостивѣйшій государь,— произнесла старуха,—положите гнѣвъ на милость, освободите Розина. Тогда перестанетъ плакать принцесса, прояснится небо, выглянетъ солнце, оживутъ цвѣты и деревья и успокоится буря на морѣ. Повѣрьте моей опытности, я твердо знаю это, благородный король!

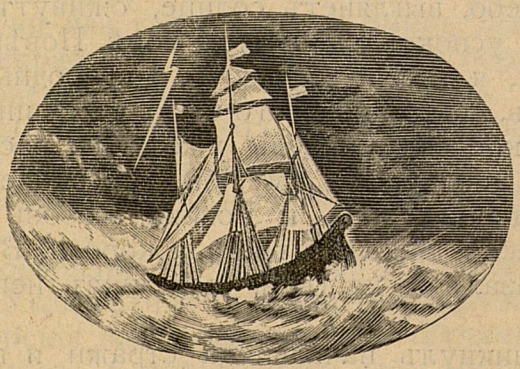
Лотунъ, сердце котораго было, въ сущности, доброе и мягкое отъ природы, уже давно раскаивается въ своемъ поступкѣ. Ему было безконечно жаль любимой дочери, жаль и Розина, любовь котораго къ принцессѣ невольно трогала короля. Вѣдь юный пажъ доказалъ ее на дѣлѣ, выполнивъ непосильныя задачи.

Онъ кликнулъ начальника стражи и приказалъ вывести юношу изъ тюрьмы. Въ тотъ же мигъ прекратился плачъ въ теремѣ Гильды-королевны. А лишь

только высохли слезы въ лучезарныхъ глазахъ принцессы, прояснилось мгновенно небо и ярко-ярко заиграло солнышко. Стая сѣрыхъ чаекъ слетѣла снова на свои гнѣзда. Одновременно съ этимъ пышно расцвѣли поблекшія было цвѣты и растенія на Островѣ, рыбки перестали баломутить воду и успокоилось сразу море, а вода въ немъ приняла свой прежній лазурно-синій цвѣтъ.

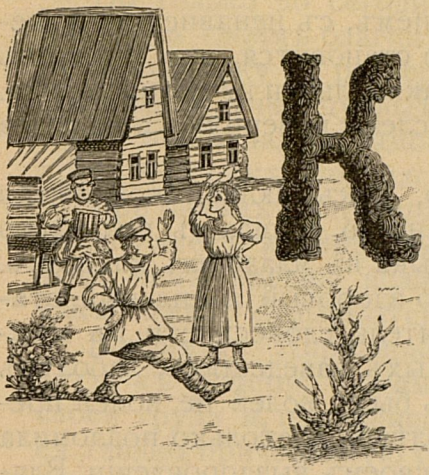
И снова Островъ Счастья сталъ прежнимъ поистинѣ счастливымъ островомъ. Люди ожили и повеселѣли. Веселые и радостные ходили они теперь съ просвѣтленными лицами, поздравляя другъ друга. А дворцовый капелланъ въ нарядной капеллѣ подъ звуки органа и пѣнія хора соединилъ руки принцессы Гильды съ пажемъ Розиномъ...

Впрочемъ, теперь это уже не былъ пажъ; король Лотунъ посвятилъ его въ рыцари и далъ ему титулъ королевскаго принца. А передъ смертью выбралъ его своимъ наслѣдникомъ и властителемъ надъ Островомъ Счастья, которымъ Розинъ правилъ справедливо и умно.



Разыграли.

Гос
Публ
Б-к
Ленин



„Разыграли!“

АКІЯ гадкія! Какія злыя дѣвченки! въ сердцахъ и въ волненіи говорила, вытирая слезы, молоденькая учительница Анна Владиміровна Петропавловская, вбѣгая въ свою уютную маленькую столовую и бросая портфель на столъ.

Благообразнаго вида старикъ, въ ночныхъ мягкихъ туфляхъ и въ тепломъ халатѣ, съ озабоченнымъ видомъ всталъ съ кресла, въ которомъ такъ было уютно примостился за чтеніемъ газеты, и подошелъ къ дочери.

— Нюша! Голубушка! Что ты? Плачешь никакъ? Да что случилось. Говори скорѣе, дѣточка, не мучь меня, ради Бога!

При этихъ словахъ слезы мгновенно высохли на глазахъ девятнадцатилѣтней Нюши. Ей стало жаль отца, который такъ взволновался, при видѣ ея слезъ.

— Ахъ милый, милый мой старенькій папочка,— дѣлая усиліе надъ собою, чтобы успокоиться, произнесла Нюша,—еслибъ ты зналъ только, что за несносныя созданія мои ученицы гимназистки! Какъ ни стараюсь я поддерживать съ ними дружескія добрыя отношенія, какъ ни бываю я снисходительна къ ихъ недостаткамъ, лѣни и невниманію, они, то и дѣло, причиняютъ мнѣ непріятности. И вѣдь всего

обиднѣе то, что продѣлываютъ онѣ это съ какимъ то непонятнымъ озлобленіемъ, съ ненавистью и жестокостью. Даже странно становится, что у такихъ маленькихъ дѣвочекъ—такія злыя и нечуткія сердца.

И снова непрошенныя слезы навернулись на глаза обиженной Нюши.

Вотъ уже годъ скоро, какъ Нюша, окончившая два года тому назадъ гимназію, заняла въ ней мѣсто учительницы русскаго языка въ младшихъ классахъ.

Ея отецъ еще недавно здоровый и сильный старичекъ, тоже бывшій учитель словесности въ мужскихъ и женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, заболѣлъ очень серьезно и долженъ былъ волей не волей прекратить свои занятія. Болѣзнь настолько подломила его организмъ, что и по своемъ выздоровленіи Владиміръ Кирилловичъ Петропавловскій не могъ уже возвратиться къ своему прежнему труду.

Теперь отца замѣнила молоденькая дочка. Нюша, очень умная добрая, подвижная и энергичная дѣвушка, имѣвшая впрочемъ одинъ крупный недостатокъ для учительницы: она не отличалась мягкостью и терпѣніемъ въ обращеніи съ дѣтьми. Нюша частенько горячилась и выходила изъ себя при безтолковомъ отвѣтѣ или проявленіи лѣни со стороны той или другой ученицы.

— Тупица! Лѣнтяйка! Безтолковая! часто негодовала она, отпуская на мѣсто плохо справившуюся съ заданнымъ урокомъ гимназистку.

Дѣвочки тоже, со своей стороны, недолюбливали свою молоденькую учительницу и нѣтъ-нѣтъ да и устраивали ей «бенефисы», «разыгрывали ее», какъ это принято говорить на школьномъ языкѣ. Нюша сердилась, обижалась, грозила жаловаться начальству, но природная доброта брала верхъ и все ограничивалось до сихъ поръ однимъ только гнѣвомъ и угрозами.

Но только до сегодняшняго дня. Сегодня Нюша измѣнила своимъ благимъ намѣреніямъ, своему доброму сердечку и, разсердившись на особенно изводившую ее ученицу, выдала ее головой начальству. Тутъ то и началось самое худшее! Весь классъ какъ одинъ человѣкъ ополчился на молодую учительницу.

При одномъ воспоминаніи о „происшествіи“ Нюша вздрагиваетъ и снова заливается слезами, забывъ о томъ, какъ вредно волноваться ея больному отцу и какъ тяжело отзываются всегда на немъ ея слезы.

Владиміръ Кирилловичъ встревоженный подходитъ къ дочери, обнимаетъ ее, притягиваетъ къ своей груди и, поглаживая худою, высохшею рукой ея гладко причесанную головку, пытается допросить свою любимицу о происшедшей съ нею непріятности:

— Ахъ, папочка... это ужасно! Ужасно!—сквозь всхлипыванія лепечетъ Нюша:—ты подумай только! Прихожу я въ классъ. Вызываю Иванову вторую. Та не въ зубъ толкнуть урока. Я Веретенникову, тоже—прелесть: глаголъ отъ имени существительнаго отличить не можетъ. Я Петровскую. Эта ворчитъ себѣ что-то подъ носъ. Ты знаешь, она ужасная дрянь, эта Петровская; каждый урокъ мнѣ насолитъ чѣмъ-нибудь и другихъ еще подъучиваетъ. Ну, думаю, миленькая (слезы Нюши высыхаютъ мгновенно и въ глазахъ начинаютъ бѣгать сердитые огоньки),—постой, влѣплю же я тебѣ единицу за всѣ твои художества! Напиши урокъ на доскѣ,—приказываю я ей. А заданы примѣры на имена существительныя и глаголы. Вотъ она и пишетъ, эта скверная дѣвченка—первый примѣръ: я терпѣть не могу нашу учительницу. Второй примѣръ: наставница наша все время сердится. Третій примѣръ: урокъ русскаго языка намъ всѣмъ очень надоѣлъ и четвертый примѣръ: (я задала имъ всего четыре): дѣвочкѣ опротивѣлъ урокъ

грамматики. Ну я тутъ и вскипѣла! Позвала классную даму и показала ей, какъ чудесно поступаетъ ея милая гимназисточка. А когда классная дама вышла, эти дѣвченки окончательно вывели меня изъ себя. Сначала начали кашлять, одна, другая, третья... Весь классъ... Потомъ чихать всѣ сорокъ пять ученицъ по очереди. Потомъ сморкаться, да вѣдь какъ! Трубить въ трубу на всю гимназію. Я ихъ и уговаривала и просила и грозила. Ничто не помогло. Тогда вышла изъ класса и пригласила начальницу. И прекрасно сдѣлала. Всѣмъ имъ сбавили балы за поведеніе и накажутъ ихъ; весь классъ долженъ будетъ вмѣсто воскреснаго отдыха сидѣть въ гимназіи отъ часа до пяти и дѣлать нѣмецкіе переводы,—съ торжествомъ, не безъ доли злорадства заключила свой разсказъ Нюша.

Молчаніе воцарилось въ комнатѣ. Наплакавшись и «выливъ душу», молодая дѣвушка притихла. Владиміръ Кирилловичъ тоже молчалъ. И только его старческіе глаза смотрѣли куда-то вдаль, поверхъ черненькой головки его любимицы. И грустное, грустное выраженіе покоилось теперь на его изможденномъ, болѣзненномъ лицѣ.

Нюша, поднявъ неожиданно взглядъ на отца, замѣтила это скорбное грустное выраженіе.

— Папочка! Папочка! Что съ тобою? Я разстроила тебя? Да? Ахъ, я глупая, глупая! Не нужно было всего этого разсказывать и волновать тебя, папочка! Прости, прости меня!

И со свойственною ей живостью, дѣвушка бросилась на колѣни передъ кресломъ старика, обняла его и покрыла поцѣлуями его слабыя, морщинистыя руки.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничуть не волнуюсь, успокойся, моя дѣточка!—поторопился успокоить дочь

старый учитель.—Я только вспомнилъ нѣчто похожее на то, что ты разсказала мнѣ, изъ жизни одного моего пріятеля. Хочешь я тебѣ это разскажу?

— Разумѣется, папочка! Ужасно хочу! Ужасно!—вырвалось изъ хорошенькаго ротика Нюши, безконечно любившей слушать разсказы отца о былыхъ временахъ.

— Вотъ видишь-ли, голубка, началъ Владиміръ Кирилловичъ: преподавалъ мой пріятель,—ну, назовемъ его Н. Н., тоже русскій языкъ въ одной изъ мужскихъ гимназій. Поступилъ онъ туда, какъ и ты, прямо со школьной скамьи. Былъ онъ немногимъ старше тебя, но въ четверо бѣднѣе, потому что въ двухъ классахъ всего только и имѣлъ урокъ. Временами плохо приходилось бѣднягѣ. Сидѣлъ онъ цѣлыми днями безъ обѣда, питался чаемъ да ситнымъ да колбасой. А ужъ о гардеробѣ его и говорить нечего. Сюртучекъ старенькій, послучаю купленъ, того и гляди по всѣмъ швамъ разлѣзется. Ужъ инспекторъ гимназіи и тотъ не особенно благосклонно на этотъ сюртучокъ поглядывалъ, да все, будто ненарокомъ, адресъ недорогого портного юному учителю предлагалъ. И этимъ моего бѣднягу знакомаго очень конфузилъ. Видитъ молодой человѣкъ, что никакъ ему отъ новаго сюртука не отдѣлаться; къ тому же форма въ то время обязательной была, а разъ по формѣ надо одѣваться—необходимо форменный сюртукъ сдѣлать. Думалъ онъ думалъ, гдѣ-бы ему деньжонокъ раздобыть, и придумалъ наконецъ-таки. Взялъ переписку въ какомъ то учрежденіи. И по возвращеніи изъ гимназіи до глубокой ночи строчилъ строку за строкою полумертвый отъ усталости. А на утро надо было встать раненько, чтобы въ гимназію на урокъ поспѣть. Такъ просидѣлъ онъ съ мѣсяцъ, пожалуй, надъ перепиской, выручилъ кой-какіе жалкіе гроши и на нихъ заказалъ

себѣ сюртукъ съ уплатою за него въ разсрочку портному.

Сюртукъ вышелъ прекрасный. Матеріалъ на немъ портной поставилъ крѣпкій, прочный. Въ десять лѣтъ не сносить такого сюртука.

Пришелъ мой знакомый въ новомъ сюртукѣ въ гимназію. Мальчики зашушукали, захихикали, пересмѣиваются, переговариваются между собою. Знаютъ, что знакомый мой очень застѣнчивый да и не злобный человѣкъ, такъ чего ужъ стѣсняться!

— Глядите! Глядите! Нашъ то, нашъ-то въ обновкѣ! долетѣло до ушей моего знакомаго съ ближайшей скамейки.

— Съ обновочкой васъ, ваше благородіе!

— На чаишко бы по этому случаю съ вашей милости!

— Хи-хи-хи!

— Ха-ха-ха-ха!

— Не все же въ Тришкиномъ кафтанѣ гулять!

И все въ такомъ родѣ. Мой знакомый и ежился, и краснѣлъ, и дѣлалъ видъ, что не слышитъ, но ничто не помогало.

Поспѣшилъ онъ вызвать ученика, сталъ его заданный урокъ спрашивать. А мальчикъ какъ нарочно попался самый шаловливый, лѣнивецъ какихъ мало. Точно въ ротъ воды набралъ, видно, что книги не открывалъ къ сегодняшнему дню и понятія не имѣетъ о заданномъ урокѣ, а глазами такъ и вертитъ, всю фигуру учителя смѣющимся взглядомъ такъ и обводитъ, такъ и обѣгаетъ. Каждую пуговку на новомъ сюртукѣ, каждую петличку, казалось, изучилъ. Ничего не ушло отъ его взора. Какъ ни безотвѣтенъ былъ мой знакомый, а не выдержалъ:

— Что же вы это, Парфеновъ, на меня смотри-

те, точно узоры на мнѣ написаны? — спросилъ онъ ученика.

А Парфеновъ дерзко такъ отвѣчаетъ:

— Ну, узоры не узоры, а все же съ непривычки, вы вѣдь до сихъ поръ по другому одѣты были, а нынче точно сами не въ себѣ, господинъ учитель.

Тутъ мой знакомый и вышелъ изъ себя чуть-ли не въ первый разъ въ жизни:

— Дерзкій и лѣнивый вы ученикъ, Парфеновъ!— произнесъ онъ разсерженно,—и ставлю я вамъ двѣ отмѣтки по такому случаю: одну за дерзости, другую за лѣнь!

Обмакнулъ перо въ чернильницу и четко вырисовалъ въ двухъ журнальныхъ клѣточкахъ, противъ фамиліи Парфенова, двѣ жирныхъ единицы. Ученики зашумѣли было, но тутъ вошелъ въ классъ инспекторъ и имъ пришлось смириться.

Слѣдующій урокъ въ гимназіи приходился у моего знакомаго черезъ два дня. Какъ ни въ чемъ ни бывало пришелъ онъ въ гимназію и, взойдя на каѳедру, началъ спрашивать учениковъ.

Какое-то подозрительное спокойствіе наблюдалось въ этотъ день въ классѣ. Но мой знакомый не придалъ ему никакого значенія. Урокъ прошелъ на этотъ разъ безо всякихъ приключеній. И только по возвращеніи домой, сунувъ руку въ карманъ пальто, учитель нащупалъ въ немъ какую-то бумажку. Онъ быстро вынулъ ее. Это была записка, въ которой, очевидно, измѣненнымъ почеркомъ стояло:

„Придя домой, повернитесь спиною къ зеркалу. Сѣрная кислота—чудеснѣйшая въ мірѣ вещь... А тому, кто привыкъ къ Тришкиному кафтану, въ хорошемъ сюртукѣ ходить не полагается“.

Подписи не было, но мой знакомый понялъ и безъ подписи, какъ зло гадкій мальчишка подшу-

тилъ надъ нимъ. За неимѣніемъ зеркала въ своей убогой холостой комнаткѣ, онъ быстро сбросилъ съ плечъ своихъ сюртукъ и тихо ахнулъ:—огромная дыра, выѣденная кислотою, зіяла на полѣ его новаго сюртука. Очевидно, злые мальчики налили ядовитый растворъ на сидѣнье его стула и сѣрная кислота выжгла сукно.

Мой знакомый схватился за голову и чуть не заплакалъ. И не жалость къ себѣ и къ пріобрѣтенной съ такимъ трудомъ вещи привела его въ отчаяніе, нѣтъ, а печаль о глубокой испорченности учениковъ, къ которымъ онъ относился всегда съ такой снисходительностью и добротою.

Нечего, однако, было дѣлать! Пришлось снова надѣть свой «Тришкинъ кафтанъ» на слѣдующій урокъ въ гимназію, такъ какъ дыра въ новомъ сюртукѣ была такъ велика, что ее нельзя было ни заплатать, ни заштопать.

Гробовымъ молчаніемъ встрѣтилъ его классъ, когда онъ пришелъ на урокъ въ слѣдующій разъ послѣ непріятнаго происшествія.

Никто не шушукался, не смѣялся, не хихикалъ больше. Должно быть, дерзость и гнусность поступка смущала и самихъ воспитанниковъ. Они были увѣрены, что „Тришкинъ кафтанъ“, какъ прозывали они моего знакомаго, былъ уже у директора съ жалобой и теперь съ минуты на минуту ждали прихода главнаго своего начальства.

Парфеновъ, главный виновникъ происшествія, чувствовалъ себя хуже другихъ. Онъ сидѣлъ какъ на горячихъ угольяхъ, красный отъ стыда, смущенія и страха. Онъ какъ и другіе гимназисты зналъ, что виновника постигнетъ самое строгое наказаніе, исключеніе изъ гимназіи, если имя его узнается тѣмъ или инымъ случаемъ.

Да и не только страхъ за свою участь, а и глубокое раскаяніе угнетало мальчика. Увидя снова нелюбимаго учителя въ его Тришкиномъ кафтанѣ, Парфеновъ понялъ тяжелую исторію бѣдствій, лишеній и нужды въ жизни обиженнаго имъ такъ незаслуженно человѣка. Понялъ мальчикъ, что, кромѣ испорченнаго имъ сюртука, да этого злополучнаго истрепаннаго ветхаго «Тришкина кафтана», ничего нѣтъ у бѣдняги учителя. И не злой по природѣ мальчикъ жестоко сокрушался теперь по поводу совершеннаго имъ дурного поступка.

А между тѣмъ, урокъ шелъ своей чередой; никто изъ начальствующихъ не показывался, директоръ не появлялся для «разбора дѣла». И только что-то набросалъ учитель на клочкѣ бумажки, прежде нежели выйти изъ класса, по окончаніи его. Учитель вышелъ, а клочекъ остался бѣлѣть на столѣ каѳедры. Въ ту же минуту всей толпой гимназисты окружили столъ. Парфеновъ первый схватилъ его дрожащими руками и прочелъ:

«Слѣдуетъ уважать чужую собственность, такъ какъ часто она пріобрѣтается тяжелымъ путемъ труда и лишеній. Пусть виновникъ несчастнаго происшествія съ сюртукомъ не безпокоится. Все останется между нами. Его не накажутъ».

Такъ было написано учителемъ въ оставленной на столѣ запискѣ. А потомъ произошло что-то совсѣмъ особенное. Молодой учитель, уже одѣтый въ ветхое пальто, стоялъ въ уголку гимназической прихожей, а верзила-Парфеновъ глухо рыдалъ, уткнувшись лицомъ въ лацканы учительскаго пальто и моля моего знакомаго о прощеніи.

Слѣдуетъ-ли прибавлять, что съ этого дня между классомъ и молодымъ педагогомъ возстановились самыя лучшія, самыя дружескія отношенія?—заклю-

чилъ свой разсказъ Владиміръ Кирилловичъ, гладя прильнувшую къ его груди головку дочери.

Нюша казалась глубоко взволнованной этимъ разсказомъ. Она съ самаго начала его поняла уже, кто былъ молодой учитель, и горячо цѣловала сморщенныя слабыя руки отца, такъ много перенесшаго горя въ своей жизни. И втайнѣ давала себѣ слово подражать ему, въ его обхожденіи съ учениками, быть такою же терпѣливой и великодушной, какъ и ея ненаглядный, дорогой папочка.

Филатъ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній).

ОНЪ былъ весь черный какъ сажа и кудлатый какъ баранъ... Богъ знаетъ, чего только не находилось въ этой мягкой пушистой шерсти!

И щепочки, и какіе то обрѣзки лентъ и тѣла мирно упокоенныхъ перешедшихъ въ область вѣчнаго молчанія мухъ. Разъ моя няня Феня нашла въ шерсти Филата огромнаго сердитаго паука. Впрочемъ, тогда уже сердитый паукъ не представлялъ собою ни малѣйшей опасности: онъ находился въ положеніи мухъ, то есть былъ уже мертвый.

Но, несмотря на всю непризентабельность Фи-

латки, я его люблю послѣ папы, бабушки и няни Фени больше всего на свѣтѣ. Даже хорошенькая тетя Муся занимаетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто послѣ него. Я и Филатъ—друзья на жизнь и на смерть. Хотя мѣсто Филата по положенію дворового сторожевого пса должно быть на дворѣ, но, открывая каждое утро заспанные глаза, я вижу милую черную кудлатую голову, которая тычется въ синій переплетъ моей дѣтской кровати. А горячій красный языкъ моего четвероногаго друга умудряется въ одинъ мигъ облизать мои щеки, лобъ, носъ и губы.

На энергичные крики няни Фени:—пошелъ вонъ, на свое мѣсто, Филатка!—мой пріятель наивно воображаетъ, что его мѣсто подъ моей кроваткой и забирается туда на время, пока я, при помощи няни, совершаю свой утренній туалетъ.

Ежедневно на молитвѣ, прося здоровья папѣ, бабушкѣ, тетѣ Мусѣ, нянѣ Фенѣ и мнѣ маленькой, я неизмѣнно прибавляю: «и Филаткѣ».—Не надо, не надо,—энергично протестуетъ Феня, развѣ можно наравнѣ съ православными христіанами поганаго пса упоминать?

А развѣ Филатка поганый? Да онъ лучше и добрѣе всѣхъ! не менѣе энергично заступаюсь я за своего четвероногаго друга, прибавляю тутъ же, обращаясь къ Богу и, осѣняя себя крестомъ въ концѣ молитвы: и дай имъ, Боженька, добраго здоровья и успѣха во всѣхъ ихъ дѣлахъ! Конечно къ Филату относится только первое, такъ какъ его собачьи дѣла не требуютъ особаго успѣха. Стеречь домъ и дворъ и оглушительно лаять при каждомъ появленіи на дворѣ чужого—не Богъ вѣсть еще какое трудное дѣло. Но, тѣмъ не менѣе, онъ выполняетъ его очень успѣшно. Стоитъ только появиться

кому либо незнакомому около нашего дома, Филатъ начинаетъ такъ шумѣть, что хоть изъ дому бѣги.

Папа находитъ это вполнѣ нормальнымъ и даже необходимымъ, но бабушка и Муся, у которыхъ долгое время звенитъ въ ушахъ послѣ Филаткинаго лая, увѣряютъ, что нашъ ревностный сторожъ и защитникъ самый невозможный и неблаговоспитанный на земномъ шарѣ песъ.

А я совсѣмъ, совсѣмъ иного мнѣнія по этому поводу. По моему, Филатъ и умница, и голубчикъ, и красавчикъ писаный, несмотря на свою сваленую, всклокоченную шерсть.

Въ это лѣто мнѣ минуло четыре года и бабушка на совѣщаніи съ папой и тетей Мусей рѣшила, что для такой большой дѣвочки няня Феня съ ея первоначальной методой воспитанія уже не подходитъ и что непремѣнно надо пригласить въ домъ бонну-нѣмку, которая бы обучила меня манерамъ и нѣмецкому языку.

Мы жили въ нашемъ маленькомъ имѣніи въ Новгородской губерніи, въ «медвѣжьемъ углу» какъ называли его наши городскіе знакомые, потому что усадьба наша находилась въ самой глуши. И папа и бабушка дома совѣщались о необходимости пригласить пожилую особу, такъ какъ молодая навѣрное соскучится и скоро уѣдетъ изъ нашего медвѣжьяго угла.

Вотъ этого я уже никакъ не могла понять! Что могло быть, въ сущности, лучше нашей усадьбы, окруженной тѣнистымъ садомъ, а дальше лѣсомъ, чудеснымъ мохнатымъ лѣсомъ, гдѣ росли весною цвѣты, лѣтомъ ягоды и осенью грибы! Такіе славные, скользкіе съ самыми разнообразными шапочками пахучіе грибочки, которые мы съ Феней постоянно ходили собирать. А купанье лѣтомъ въ студеной милой

рѣчкѣ! А посѣщеніе коровника, птичника и конюшни? О, мало-ли сколько незамѣнимыхъ удовольствій скрывалось въ нашей милой усадьбѣ! Это все еще лѣтомъ только! А зимою? Зимою—гора въ саду,—это разъ, поѣздки съ папой въ саняхъ, запряженныхъ тройкой,—это два и постройки снѣжнаго дворца ловкими руками Фени,—это три. Богъ знаетъ еще согласится-ли новая бонна лѣпить мнѣ изъ снѣга дворцы и бабы, зимою, а лѣтомъ купаться, держа меня на рукахъ въ родимой моей рѣчкѣ или ходить по ягоды и по грибы! Новая бонна—не Феня, и вкусы у нея далеко не Фенины будутъ.

И уже при одной мысли объ этой новой боннѣ сердце мое застучало и забило тревогу, бѣдное маленькое четырехлѣтнее сердце.

А тутъ еще разлука съ любимой няней Феней. Съ горя-ли или по другой причинѣ, не доступной моему дѣтскому понятію, но няня Феня дала слово одному молодому приказчику, служившему въ сосѣднемъ уѣздномъ городѣ, гдѣ мы жили раньше, выйти за него замужъ.

Свадьбу справляли у насъ въ „Миломъ“ (названіе нашей усадьбы) и благословляли молодыхъ бабушка и папа, а тетя Муся взяла на себя роль главной подружки невѣсты. Ахъ, какая была хорошенькая моя милая няня въ своемъ новенькомъ съ иголочки ярко розовомъ шерстяномъ платьѣ и съ бѣлымъ вуалемъ на головѣ. А приказчикъ мнѣ совсѣмъ не нравился. Ужъ слишкомъ сильно напомадилъ онъ себѣ волосы и ужъ очень скрипѣли у него сапоги. Мнѣ почему то было очень грустно въ тотъ вечеръ. Когда молодые, вернувшись отъ вѣнца, ужинали у насъ въ столовой, я убѣжала въ дѣтскую, кинулась на сундукъ, гдѣ еще недавно спала няня и съ котораго теперь была увезена въ городъ на

квартиру приказчика няничкина перина и подушки и залилась горькими слезами перваго горя. Мнѣ было и жаль Фени и досада и обида вмѣстѣ съ тѣмъ противъ нея клокотали въ моемъ дѣтскомъ сердечкѣ.

— Вотъ, думалось мнѣ,—ей и горя мало, что уѣзжаетъ. Всѣхъ насъ промѣняла на одного этого противнаго приказчика. А я теперь одна останусь. И сказку про Дюймовочку не услышу больше. Вѣдь бабушка и папа разсказывать такъ, какъ Феня не умѣетъ. А она и не плачетъ даже, а смѣется... И горя ей мало, что Люсиньку покидаетъ, что Люсинька теперь безъ нея остается одна!

Слезы льются сильнѣе и уже переходятъ въ громкія всхлипыванія... Всхлипыванья грозятъ каждое мгновеніе превратиться въ потрясающій душу ревъ.

Вдругъ что то горячее и шаршавое касается моего лица, трогаетъ мои мокрые глаза, щеки, носъ, уши.

Съ ужасомъ откидываюсь я назадъ, испуганно раскрываю залитые слезами глаза и тутъ же радостно кричу сквозь слезы:—Филатка! Милый Филатка! Ты это? Какъ я рада, что ты пришелъ.

Это дѣйствительно онъ, мой четвероногій пріятель. Положилъ обѣ переднія мохнатыя лапы на краюшекъ сундука и добросовѣстно лижетъ мое залитое слезами лицо. А пушистый хотя и въ достаточной мѣрѣ сваленый хвостикъ четко барабанитъ по полу въ порывѣ самаго изступленнаго умиленья.

Я нѣжно обнимаю его кудлатую голову, прижимаюсь къ ней лицомъ и обиженнымъ, размякшимъ отъ слезъ голосомъ, шепчу:—Филатушка! Филатикъ мой мохнатенькій, мой кудлатенькій, золотенькій мой! Любименькій мой песикъ Филатушка! Ты одинъ у меня. Няня Феня бросила меня. Бабушка съ папой

бонну пригласили. Злую, нехорошую, Филатушка! А ты не злой! Ты—хорошій! Ты любишь свою Люсиньку и въ обиду ее не дашь! Вѣдь не дашь Филатушка?

Наглядное доказательство того, что онъ, дѣйствительно, не дастъ меня въ обиду выражается въ тихомъ повизгиваніи и усиленномъ постукиваніи объ полъ хвоста. Потомъ мы оба неожиданно засыпаемъ: я на жесткомъ, лишенномъ подстилки сундукѣ съ невысохшими еще на рѣсницахъ слезами; Филатъ у подножія моего жесткаго неудобнаго ложа, свернувшись клубочкомъ, на полу.

Должно быть сонъ мой довольно крѣпокъ, потому что я не чувствую какъ молоденькая новобрачная осторожно входитъ въ комнату и, обливаясь слезами, раздѣваетъ меня „въ послѣдній разъ“ и укладываетъ въ постельку. Затѣмъ стоитъ еще нѣкоторое время у моего изголовья и любуется мною, точно желая запечатлѣть черты маленькой капризной дѣвочки, доставлявшей ей столько хлопотъ. Но объ этомъ я узнаю только на другое утро со словъ бабушки и тети Муси, присутствующихъ при послѣднемъ прощаніи со мною моей молоденькой няни. Узнаю я еще и другую менѣе пріятную вещь: пріѣхала новая бонна-нѣмка и дожидается моего пробужденія.

— Ахъ, какъ мнѣ она не понравилась съ первой же минуты ея появленія на порогѣ дѣтской! Ахъ, какая она старая, некрасивая и должно-быть злая! У нея очки на носу, а носъ длинный, предлинный. А у моей милой нянечки Фени былъ такой хорошенькій, задорный, вздернутый кверху какъ у куколки носикъ... Я узнала сразу, что новую бонну зовутъ фрейлейнъ Амалія и что по нѣмецки—„добраго утра“ „Gutten Morgen.“

Она шаршавыми руками (поневолѣ вспоминаются нѣжныя ручки Фенички!) натягиваетъ мнѣ чулки и застегиваетъ сапожки.

— Не надо ихъ смущать. Пусть наединѣ познакомятся хорошенько!—тихонько говоритъ бабушка тетѣ Мусѣ и обѣ онѣ незамѣтно исчезаютъ изъ моей дѣтской.

— Ну, Kindchen (дитятко), говоритъ мнѣ фрейлейнъ Амалія,—давай умываться, а потомъ я причешу тебѣ головку.

Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія ни мыться, ни причесывать головы. Куда было бы пріятнѣе покапризничать и поскандалить хорошенько. И когда мокрая губка прижимается къ моему лицу, я начинаю неистово ревѣть и мотать головою.

Прибѣгаетъ тетя Муся, беретъ меня съ мокрымъ отъ слезъ и отъ воды лицомъ на колѣни, участливо распрашиваетъ въ чемъ дѣло и уговариваетъ не плакать.

Но я продолжаю ревѣть, не слушая никакихъ уговоровъ, мотать головою и вопить на всю дѣтскую:

— Няню Феню хочу... Мою, няню Феню, а эту вонъ, вонъ, вонъ.

Тетя Муся совсѣмъ сконфужена и смотритъ растерянными глазами въ лицо нѣмкѣ. Но фрейлейнъ Амалія, смущенная не меньше, спѣшитъ ее успокоить:—О, это ничего, это случается... Дитя привыкнетъ понемножку... Съ перваго дня и требовать нельзя. Все устроится. Не безпокойтесь, пожалуйста не безпокойтесь!

Но мнѣ эти ея утѣшенія совсѣмъ не по вкусу. Я взглядываю на нее сердитыми глазами изъ подлобья и весьма недвусмысленно бросаю ей въ лицо:—

— Уйди вонъ. Я тебя не хочу.

Тогда наступаетъ у тети Муси очередь разсердиться.

— Гадкая, капризная дѣвочка! — говоритъ она, слегка награждая меня шлепками—какъ ты можешь обижать фрейлейнъ Амалію? Она добрая, уже успѣла полюбить тебя и такъ ласкова съ тобою, а ты такъ огорчаешь ее. Не хочу тебя знать послѣ этого. Одѣвай платье и ступай къ папѣ, пусть онъ накажетъ тебя!

И быстрыми руками тетя Муся накидываетъ на меня мое свѣтлое ситцевое платьице и, взявъ за руку, ведетъ къ отцу въ кабинетъ.

Папа очень занятъ. У него сейчасъ приказчикъ съ утреннимъ отчетомъ по дѣламъ имѣнія. И настроеніе у него поэтому не совсѣмъ хорошее.

— Люся капризничаетъ. Приструнь ее хорошенько, Сергѣй—просовывая свою хорошенькую головку въ дверь кабинета, говоритъ тетя Муся. Папа положительно не въ духѣ сегодня. Какіе то счета не сходятся, потомъ, вчера лошади забрались въ овесъ и пропала самая хорошая курица изъ птичника. Все это очень непріятно, а тутъ еще мой ревъ. Онъ сбрасываетъ нетерпѣливымъ движеніемъ пенснэ съ носа, смотритъ на меня очень строго, потомъ говоритъ внушительно:—Ступай въ столовую, выпей молока и приходи сюда. Ты будешь до завтрака сидѣть на диванѣ и писать палочки.

Ахъ, ужъ этотъ диванъ! Я познала его въ самыя тяжелыя минуты жизни. Онъ обтянутъ коричневой клеенкой, кое гдѣ порванной, кое гдѣ закапанной чернилами. Въ рѣдкихъ, очень рѣдкихъ случаяхъ жизни, когда я особенно провинюсь, меня сажаютъ на этотъ диванъ, даютъ мнѣ въ руки карандашъ, бумагу и, положивъ мнѣ на колѣни старую папку, заставляютъ выводить палочки, ровныя па-

лочки на листкѣ бумаги... Одну строчку палочекъ, другую, третью, пока не испишется цѣлая страница, и маленькая преступница тогда отпускается съ миромъ съ мѣста наказанія. Это удивительно несносно и скучно выводить палочки, сидя часъ на одномъ мѣстѣ, и знать, что на дворѣ ярко свѣтитъ солнце, что въ саду въ его тѣнистыхъ аллейкахъ такъ прохладно и хорошо; знать, что неизмѣнный другъ Филатъ уже ждетъ у крыльца свою маленькую хозяйку, заблаговременно приходя въ умиленіе и помахивая хвостомъ. О, соблазнъ слишкомъ великъ, чтобы маленькая четырехлѣтняя дѣвочка могла не подчиниться его искушенію! И вмѣсто того, чтобы отправиться на злополучный диванъ отбывать положенное наказанье, я, выпивъ стаканъ молока, поданный мнѣ Лукерьей, и скушавъ не безъ удовольствія очень сдобную и очень вкусную домашнюю булку, медленно и тихонько прокрадываюсь въ садъ. По счастью, тетя Муся занята своей газетой; она такъ углубилась въ нее, что не видитъ моего маневра. Въ саду у крыльца не видно Филата. Должно быть, кучеръ или садовникъ взялъ его съ собою въ городъ, куда ежедневно наши люди отправлялись за покупками и на почту, благо уѣздный городокъ находится отъ Милаго всего въ двухъ верстахъ.

Тогда я въ одиночествѣ углубляюсь въ аллею сада. И, о ужасъ! вижу тамъ мелькнувшее сѣрое платье фрейлейнъ Амаліи. Это сѣрое платье ненавистно мнѣ не менѣе самой его обладательницы. Встрѣтиться сейчасъ съ бонной совсѣмъ не входитъ въ мои разсчеты. Напротивъ того, я страстно хотѣла-бы, что бы она уѣхала отъ насъ и какъ можно скорѣе. А на ея мѣсто пришла бы снова моя милая Феничка. Моя голова нѣсколько минутъ работаетъ возможностью приведенія въ исполненіе такой

комбинаціи. Но какъ избавиться отъ присутствія этой чужой и непріятной для меня особы—рѣшительно не могу придумать. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій мой четырехлѣтній мозгъ соображаетъ: еслибы убѣжать куда-нибудь и спрятаться такъ, чтобы меня долго, долго не могли найти, то фрейлейнъ Амалія подумаетъ, пожалуй, что я совсѣмъ пропала, что меня унесли цыгане или трубочистъ (бывшая няня частенько попугивала меня и тѣмъ и другимъ) и уѣдетъ спокойно туда, откуда явилась. А я, тѣмъ временемъ, преблагополучно вернусь домой и не увижу тамъ больше противной новой бонны. Этотъ нехитрый планъ кажется мнѣ такимъ удобнымъ и прекраснымъ, что, не теряя лишняго времени, я рѣшаюсь тотчасъ-же приступить къ выполненію его.

Прячась за кустами, чтобы не быть замѣченной прогуливающейся по саду фрейлейнъ Амаліей, я проскальзываю на дворъ и скрываюсь за большимъ зданіемъ конюшни. За конюшней тотчасъ жа начинаются огороды. Шмыгаю за гряды и почти ползкомъ достигаю дальняго его конца. Здѣсь нѣсколько разрушена часть изгороди и—это обстоятельство является какъ нельзя кстати.. Перелѣзаю брешь въ заборѣ и—я на свободѣ! Тутъ же начинается небольшая поляна, обильно заросшая кустами брусники, которые такъ заманчиво заалѣютъ по осени, но теперь не достаточно спѣлы еще. А за поляною лѣсъ.

Блестящая мысль осѣняетъ мою голову. Если перейти полянку и скрыться гдѣ-нибудь на лѣсной опушкѣ подъ кустомъ, то ужъ, навѣрное, ни одна душа меня не найдетъ. Меня будутъ кликать, звать, аукать—но я не отзовусь низачто. Низачто не отзовусь, пока не уѣдетъ Амалія, — самымъ энергичнымъ образомъ рѣшила я и пускаюсь въ мое да-

леко не безопасное для четырехлѣтняго младенца путешествіе.

Я уже благополучно пересѣкла большую часть поляны, какъ, къ полному моему удивленію и неожиданности, вижу страннаго звѣря, выскочившаго изъ лѣса и устремившагося прямо на меня.

— Волкъ!—приходитъ мнѣ мгновенно въ голову тревожная мысль. Но я тутъ же убѣждаюсь въ противномъ. Это далеко не волкъ, а только собака, хотя и очень странная, необыкновенная собака, какихъ я еще не встрѣчала за мою коротенькую жизнь. У этой собаки шерсть поднята дыбомъ, морда вымазана въ крови, а глаза... Ой, какіе глаза! Я вижу ихъ издали, какъ они горятъ точно двѣ маленькія свѣчи. Она несется, эта страшная собака, прямо на меня, съ опущеннымъ внизъ хвостомъ и съ такими ужасными, горящими глазами!

Инстинктивно почуя опасность, я прячусь за ближайшій кустъ, но кустъ едва доходитъ мнѣ до колѣнъ, а разстояніе между мною и страшной собакой все уменьшается и уменьшается съ каждой секундой.

Вотъ она уже ближе, ближе... Теперь я ясно различаю еще одну подробность въ ея странной внѣшности: пѣна падаетъ у нея изо рта.

Собака теперь всего отъ меня въ какихъ-нибудь десяти шагахъ... Ея страшные глаза смотрятъ на меня такъ, точно она вотъ-вотъ сейчасъ меня съѣстъ или, по крайней мѣрѣ, искусаетъ до полусмерти.

— Ай!—вскрикиваю я неожиданно для самой себя и заливаюсь отчаяннымъ ревомъ.

— Хамъ! Хамъ! Хамъ!—раздается тотчасъ же за моей спиною.

Я быстро оборачиваюсь:—Филатъ!

Онъ несется какъ бѣшеный прямо навстрѣчу

страшной собакѣ... Вотъ проносится ураганомъ мимо меня... Вотъ слышится уже не одинъ, а два собачьихъ голоса... Затѣмъ, визгъ отчаянный, пронзительный, страшный... Отъ ужаса я падаю на траву подлѣ брусничнаго куста и закрываю глаза. Трясусь и реву благимъ матомъ. Реву на всю поляну, на всю усадьбу, на весь лѣсъ.

Собаки грызутся... Грызутся яростно, я это чувствую и слышу... Хрипѣнье, визгъ и дикое рычанье чередуются между собой. Отъ страха я уже ничего не помню и не понимаю. Впечатлѣнія слишкомъ сильны для такой маленькой дѣвочки и я теряю сознаніе...

Прихожу въ себя на минутку, вижу какъ сквозь сонъ знакомыя милыя лица: бабушки, папочки, тети Муси...

— А гдѣ Филатка?—слабымъ голосомъ освѣдомляюсь у нихъ и снова впадаю въ забытье.

Съ того злополучного дня я нѣсколько недѣль лежу въ нервной горячкѣ. Никого не узнаю, брежу то страшной собакой, то фрейлейнъ Амаліей, то отчаянно, съ упорствомъ зову своего друга Филата. Мой организмъ, здоровый и крѣпкій, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ болѣзнь. Жизнь и сознаніе мало-по-малу возвращаются ко мнѣ.

Но еще проходитъ не мало времени, пока меня, худенькую, слабенькую и измѣнившуюся до неузнаваемости, спускаютъ съ постели и, поддерживая съ двухъ сторонъ, прогуливаютъ по комнатѣ. Я вижу вымученныя, исхудавшія лица. Бабушка, папочка и тетя Муся, какъ узнаю послѣ, не отходили ни на шагъ отъ моей постели. Они трепетали за жизнь ихъ проказницы Люси.

На дворѣ уже осень, когда я впервые чувствую себя совсѣмъ здоровой. Деревья, разукрашенныя ма-

линовымъ, пурпуровымъ, желтымъ и оранжевымъ цвѣтомъ, стоятъ еще пышныя и нарядныя, хотя листья уже обильно посыпаютъ дорожки сада.

Меня тянетъ туда, въ эти милыя аллейки. По странному стеченію мыслей, перебрасываюсь отъ желанья побѣгать въ саду къ нестерпимому желанію увидѣть моего друга Филата. Уже нѣсколько разъ я спрашивала о немъ во время моего выздоровленія у бабушки, у тети Муси, у папы. И всегда получала какіе-то неопредѣленные, уклончивые отвѣты.

Зато о фрейлейнъ Амаліи я узнала очень скоро. Во время болѣзни я такъ напугала всѣхъ своимъ горячечнымъ бредомъ и постояннымъ упоминаніемъ въ немъ имени бонны, что мои домашніе рѣшили, скрѣпя сердце, отказать ни въ чемъ неповинной фрейлейнъ Амаліи и пригласить на ея мѣсто другую бонну.

И такъ, злополучной фрейлейнъ Амаліи уже не было у насъ въ домѣ, а Филатъ...

— Гдѣ же Филатъ? Я хочу Филата? Позовите мнѣ Филата! Приведите его ко мнѣ!—потребовала я наконецъ капризно, широко пользуясь своимъ правомъ выздоравливающей больной.

Тогда со всевозможными предосторожностями папа, взявъ меня на руки и прижимая къ груди, открылъ мнѣ то, что они всѣ такъ тщательно отъ меня до сихъ поръ скрывали.

Въ тотъ злополучный день на меня, дѣйствительно, готовилась сдѣлать нападеніе «страшная» собака. «Страшная» потому, что она была бѣшеная и Филатъ, подоспѣвшій во время, съумѣлъ геройски защитить свою маленькую госпожу. Когда, привлеченные моимъ отчаяннымъ плачемъ и дикимъ рычаніемъ дерущихся собакъ, старшіе прибѣжали на

поляну, бѣшеная собака лежала на-смерть искусанная вѣрнымъ Филатомъ, а самъ Филатъ съ тихимъ визгомъ зализывалъ свои раны. Увы, эти раны отъ укусовъ бѣшенаго пса привели къ печальнымъ послѣдствіямъ. Мой бѣдный, милый Филатка взбѣсился тоже, и волей-неволей его пришлось пристрѣлить. Все это очень осторожно сообщилъ мнѣ папа, державшійся строгаго правила никогда не обманывать дѣтей.

Боже мой, какъ горько я заплакала, узнавъ печальную новость. Филата нѣтъ! Филата не существуетъ больше! Филатъ не будетъ никогда ждать моего пробужденія утромъ, не станетъ дожидаться меня у крыльца! Никогда, никогда не увижу я больше моего четвероногаго пріятеля, вѣрнаго товарища моихъ дѣтскихъ игръ!

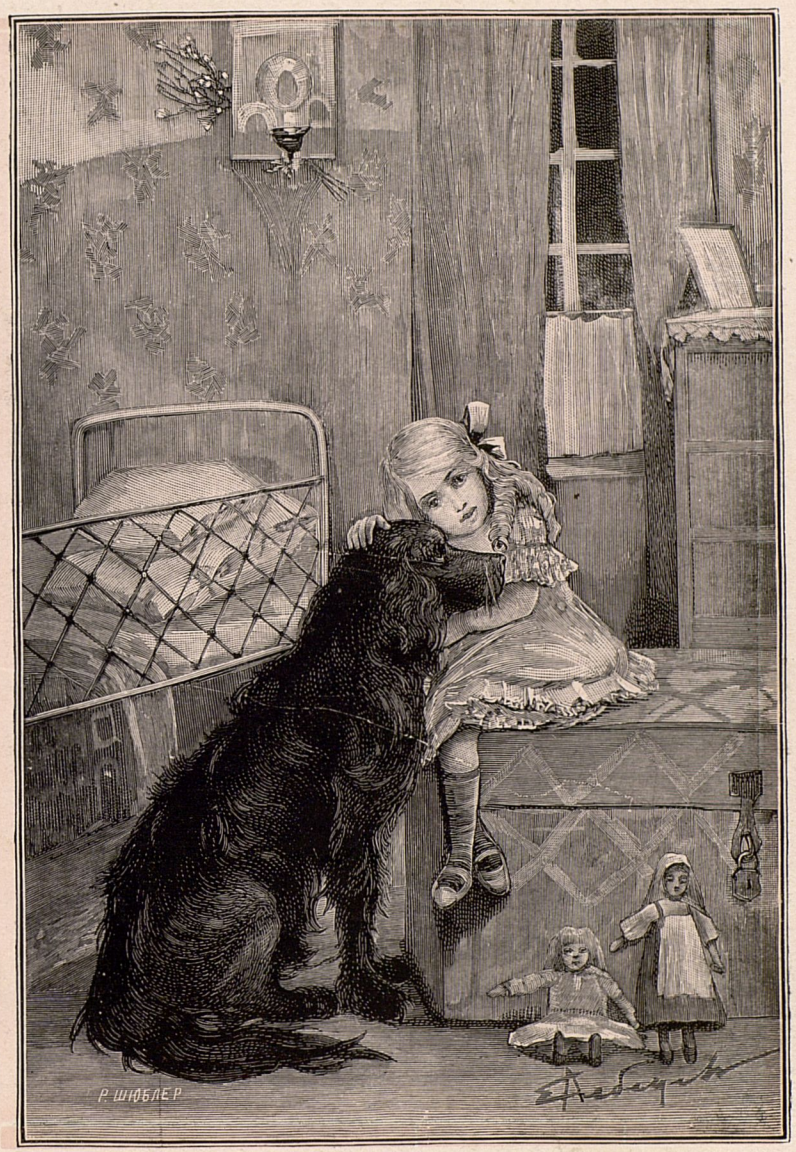
Вдругъ мнѣ приходитъ въ голову неожиданная мысль. Что если бы я не капризничала такъ отчаянно въ то утро, не убѣжала бы отъ бонны, не встрѣтила по дорогѣ къ лѣсу страшную бѣшеную собаку, Филату не пришлось-бы выручать меня и онъ остался-бы живъ, мой бѣдный Филатъ.

Жгучее раскаяніе острымъ уколомъ въ самое сердце, въ маленькое четырехлѣтнее сердце, даетъ знать о себѣ. Мнѣ было мучительно жаль Филата, и горько-досадно на самое себя... О, съ какимъ восторгомъ я-бы вернула назадъ тотъ печальный день! Пусть-бы водворилась въ нашемъ домѣ ненавистная фрейлейнъ Амалія съ ея очками и длиннымъ носомъ, я-бы слушалась каждаго ея слова, я-бы была покорной и кроткой, какъ овечка, лишь-бы не погибъ Филатъ, лишь-бы мой четвероногій пріятель оставался тоже со мною. И слезы тихія и печальныя, некапризныя, хорошія слезы потекли еще обильнѣе по моему осунувшемуся за долгую болѣзнь лицу.

Съ этого дня наступилъ замѣтный переломъ къ лучшему въ моемъ характерѣ. Капризы исчезли. Исчезло и упрямство, и желаніе всегда настоять на своемъ. Старшіе очень скоро замѣтили эту благую перемѣну въ ихъ общей любимицѣ и приписали ее общему перерожденію организма вслѣдствіе перенесенной болѣзни. На самомъ же дѣлѣ, здѣсь крылась совсѣмъ другая причина.

Лишь только мною завладѣвалъ порывъ капризовъ или упрямства, вмигъ мелькалъ въ моемъ воображеніи собачій обликъ моего четвероногаго друга, погибшаго изъ за такого же каприза его маленькой госпожи. Кротко, съ мягкимъ укоромъ смотрѣли на меня его добрые собачьи глаза и я слышала какъ будто тихое ласковое повизгиванье, безъ словъ предохранявшее меня отъ всего дурного. И точно невидимая сила останавливала меня отъ всего дурного.

Мой характеръ измѣнился настолько къ лучшему, что когда въ нашъ домъ пріѣхала новая бонна, замѣнившая бѣдную фрейлейнъ Амалію, я встрѣтила ее какъ желанную гостью и старалась на дѣлѣ доказать, что маленькая Люси далеко не дурной человѣкъ.



Филатъ.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

Ничтожная причина.

Въ большомъ столичномъ театрѣ шло утреннее представленіе, спектакль для дѣтей, учениковъ и учениць различныхъ учебныхъ заведеній.

Главную роль въ этомъ спектаклѣ играла знаменитая актриса N, которую очень любила и цѣнила не только взрослая понимающая публика, но и дѣти. Да и какъ было ее не любить! Знаменитая артистка, что-бы она не играла, такъ вѣрно и хорошо изображала представляемое ею на сценѣ лицо! Изображала-ли она дряхлую беззубую шамкающую старуху, или молоденькую дѣвочку, могущественную королеву или простенькую пастушку, веселую нарядную милліонершу или пе-

чальную запуганную нищую, всѣ эти типы выходили прекрасно въ мастерскомъ исполненіи знаменитой артистки. Поэтому публика при одномъ ея появленіи на сценѣ уже заранѣе предвкушала удовольствіе отъ ея игры.

Но сегодня никто не узналъ N, когда она играла. Уже съ перваго дѣйствія пьесы знаменитая актриса повела свою роль вяло и безжизненно. Она только говорила слова, а не переживала того, что должна была переживать по ходу дѣйствія героиня пьесы. Она нѣсколько разъ даже позволяла себѣ обмолвиться, замѣнить одну фразу другою, такъ что получилась ужасная безсмыслица, исказившая самый смыслъ разговора дѣйствующихъ лицъ.

И лицо у нея было совсѣмъ не такое, какъ всегда. Даже дѣти, эти чуткіе снисходительные цѣнители, занявшіе сегодня весь партеръ и ложи, не могли не замѣтить, что что-то непонятное происходило съ ихъ любимицей.

— Она больна, бѣдненькая! Смотрите какое у нея разстроенное лицо,—говорила маленькая гимназистка своимъ сосѣдямъ по ложѣ. —Или у нея случилось какое то горе!

— Бѣдная, дорогая N!—отозвалась ея подруга.

И опять бинокли направились въ сторону актрисы, которая едва находила въ себѣ силы говорить слова роли и двигаться по сценѣ.

— Что съ ней такое? недоумѣвалъ и самъ директоръ театра, обращаясь къ своему помощнику:—всегда такая исполнительная, такая прекрасная актриса и вдругъ сегодня она изъ рукъ вонъ плохо ведетъ свою роль!

Помощникъ директора только пожималъ плечами. Онъ также ломалъ голову надъ вопросомъ, что могло

случиться сегодня съ общей любимицей,—почему она такъ плохо играетъ.

Кое-какъ докончили первый актъ и занавѣсъ спустился.

Дѣти дружно вызывали N, изъ партера и ложъ, апплодируя ей изо всѣхъ силъ, какъ бы желая поддержать ее, придать ей силы и бодрости своимъ сочувствіемъ. Но она выходила на вызовы публики усталая и разсѣянная, безъ обычной своей милой улыбки и, сдѣлавъ одинъ общій поклонъ, также скоро исчезла за кулисами.

Начался второй актъ. Знаменитая артистка играла въ немъ не лучше, нежели въ первомъ. Была минута, когда она даже забывала, что ей слѣдовало говорить. Потомъ внезапно усиліемъ воли взяла себя въ руки и кое-какъ докончила второе дѣйствіе пьесы.

— Анна Петровна, вамъ телеграмма! услышала она голосъ театральнаго служителя, когда торопливо проходила въ свою уборную со сцены.

— Ахъ, наконецъ-то! невольно вырвалось изъ устъ артистки и она дрожащими руками схватила сложенный листокъ.

Быстро-быстро, почти бѣгомъ прошла она въ уборную и, закрывъ за собою дверь, вскрыла телеграмму.

Въ ней стояло нѣсколько словъ. Прочтя ихъ, знаменитая артистка вспыхнула и глаза ея заискрились отъ счастья. Вся она преобразилась и сразу какъ-то помолодѣла въ одинъ мигъ. Прижавъ какъ драгоцѣнное сокровище къ сердцу бѣлый листокъ телеграммы, Анна Петровна поспѣшила на сцену, откуда уже звучалъ призывный звонокъ къ третьему дѣйствію.

Снова притихла публика въ зрительномъ залѣ, взвился занавѣсъ и начался слѣдующій актъ.

*

Знаменитая N, теперь играла совсѣмъ иначе, нежели въ предыдущихъ актахъ. Ея глаза горѣли вдохновенно, тонкое лицо каждой своей черточкой передавало малѣйшее ощущеніе, переживаемое героиней пьесы. Она теперь не играла, а, казалось, жила на сценѣ. И это невольно передалось юной публикѣ.

— Какъ дивно она играетъ! Какая прелесть! Какой восторгъ она сейчасъ! Милая, безцѣнная N, какъ она умѣетъ захватить своей игрою!—шептала въ ложахъ и въ партерѣ молодежь.

До самаго конца спектакля знаменитая артистка провела свою роль съ шумнымъ успѣхомъ. Едва только опустили занавѣсъ, директоръ театра, прошелъ въ ея уборную.

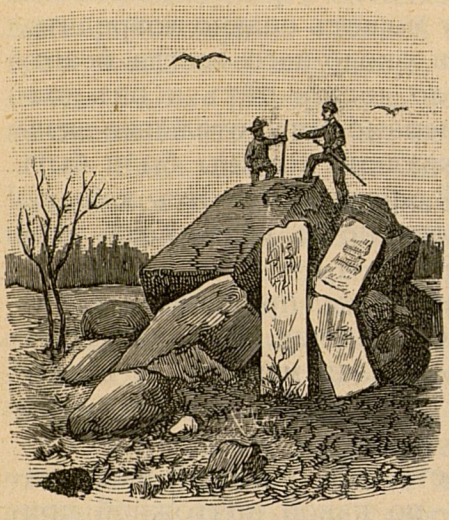
— Объясните вы мнѣ, ради Бога, Анна Петровна, что это случилось нынче съ вами?—спросилъ онъ актрису: — насколько слабо, противъ обыкновенія, вы провели вашу роль въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, настолько ярко, правдиво и безподобно въ двухъ остальныхъ. И даже внѣшность ваша измѣнилась какъ будто во второй половинѣ спектакля. Пожалуйста, объясните мнѣ, меня очень заинтересовалъ этотъ вопросъ.

— Да, да, вы совершенно правы! — улыбнулась знаменитая артистка,—дѣйствительно, я была очень разстроена всю первую половину спектакля, какъ была разстроена и все сегодняшнее утро и весь вчерашній день. Разстроена въ сущности по очень ничтожной причинѣ для кого-нибудь другого, но эта ничтожная причина является очень важной для насъ, матерей. Вы знаете, что у меня есть маленькій сынъ на югѣ, который проживаетъ тамъ, на моей родинѣ, у родныхъ всѣ зимніе мѣсяцы, пока я работаю здѣсь. Весною же послѣ сезона я уѣзжаю къ моему мальчику. Къ сожалѣнію, я не могу привезти

его сюда, въ нашъ холодный и сырой Петербургъ, потому что мой сынъ очень слабъ здоровьемъ и гнилая петербургская погода ему можетъ сильно повредить. Но мои мысли съ нимъ и около него всегда безотлучно. Недавно ему минуло десять лѣтъ и онъ долженъ былъ держать свои первые вступительные экзамены въ гимназіи. Эти экзамены должны были быть вчера, и я ждала извѣстій о результатѣ ихъ каждую минуту, до тѣхъ поръ, пока не получила вотъ этой телеграммы, прочтите ее!

Съ этими словами артистка протянула своему начальнику полученную ею депешу. Въ ней стояло всего нѣсколько словъ:—„Милая мамочка, я выдержалъ всѣ экзамены, не безпокойся. Цѣлую тебя. Твой Мартикъ“.

— Теперь вы понимаете,—съ улыбкой заключила свою рѣчь артистка,—по какой ничтожной причинѣ я не могла сегодня хорошо играть?



Мама ничего не понимаетъ.

КОТИКЪ, толстенькій, упитанный гимназистъ второго класса, съ пылающими щеками, жизнерадостный и возбужденный, влетѣлъ какъ пуля, въ зимнемъ пальто и фуражкѣ, съ коньками подъ мышкой въ маленькую уютную столовую, гдѣ за столомъ ожидала его мать.

— Здравствуй, мамочка!—наскоро цѣлуя на-лету материнскую щеку, весело крикнулъ онъ. И тотчасъ же, бросившись къ столу, схватилъ графинъ и, наливъ себѣ полный стаканъ воды, готовился уже опрокинуть себѣ въ ротъ содержимое въ стаканѣ, какъ неожиданно тонкая рука матери удержала и стаканъ и Котикину, черезчуръ прыткую, руку.

— Не смѣй пить холодную воду, когда ты такъ разгоряченъ, Котикъ,—произнесла мама, отставляя въ сторону графинъ и стаканъ. — Да и потомъ, прежде всего, я думаю, слѣдуетъ раздѣться. Смотри, какъ ты наслѣдилъ полъ, бѣдной Марьѣ много работы и безъ того... И сколько разъ говорилось тебѣ, что слѣдуетъ снимать пальто въ передней!

— Вотъ тебѣ разъ! Сколько замѣчаній сразу!

И Котикино жизнерадостное лицо сразу пріобрѣтаетъ довольно-таки кислое выраженіе. А онъ такъ весело только что провелъ время на каткѣ. Было много одноклассниковъ и они устроили гонки. И онъ, Котикъ, перегналъ всѣхъ. Даже пятиклассникъ Шишмаревъ (а вѣдь пятиклассники это не свой братъ, а „персона"!) сказалъ ему: „А ты, Симанскій, здорово навострился. Пожалуй, катаешься лучше всѣхъ!"

И всѣ это слышали, всѣ „свои": и Куликовъ, и Жаровъ, и Колтышевъ, и Новицкій. И страшно завидовали ему, Котику. Еще-бы! Самъ Шишмаревъ похвалилъ, лучшій въ гимназіи конькобѣжецъ. Словомъ, тріумфъ былъ полный. А тутъ послѣ такого тріумфа и торжества, вдругъ ему сразу, нате-ка, замѣчаніе дѣлаютъ, какъ какому-нибудь приготовишкѣ. И Котикъ обидѣлся. Съ забавно оттопыренной, надутой губой прошелъ онъ въ прихожую, ворча какъ семидесятилѣтній старикъ себѣ подъносъ:

— И то не хорошо, и это гадко. На васъ не угодишь. Пить хочется—пить не даютъ. Эка невидаль, подумаешь, наслѣдилъ немного, такъ прислуга для того и нанята, чтобы работать, а не баклуши бить. Такъ ясно кажется: гимназистъ долженъ учиться, прислуга полы мыть, конькобѣжецъ...

Тутъ мысли Котика сразу, при воспоминаніи о конькахъ, принимаютъ болѣе пріятное настроеніе, и онъ уже безъ „кислой" физіономіи возвращается къ столу.

— Ну, что наворчался, старина древній? — съ примирительной улыбкой встрѣчаетъ его мама и протягиваетъ ему тарелку съ супомъ. Отъ супа поднимается пріятный паръ и весьма соблазнительный запахъ. Разсольникъ—любимое „первое" блюдо

Котика и онъ уже заранѣе предвкушаетъ предстоящее наслажденіе, какъ вдругъ неожиданно взглядъ мамы падаетъ на разорванный рукавъ его куртки. Для кого-нибудь другого разорванный рукавъ не является ничѣмъ необыкновеннымъ, но у Котикиной мамы на этотъ счетъ проницательность удивительная. Происхожденіе разорванной куртки она знаетъ, пожалуй, не хуже самого Котика. Удивительная эта мама! Видитъ Котика точно насквозь.

И сейчасъ смотритъ такъ серьезно своими большими сѣрыми глазами, которымъ низачто-низачто въ мірѣ нельзя солгать. Смотритъ и говоритъ спокойно:

— А ты опять подрался въ классѣ, Котикъ?

Увы, это неоспоримая истина! Котикъ, дѣйствительно, подрался нынче. Конечно, онъ менѣе всего думалъ о дракѣ, когда очень мирно настроенный, такъ себѣ, ради шутки, пустилъ на урокѣ Закона бумажную стрѣлу и попалъ ею въ ухо Инсарова. А на перемѣнкѣ между Закономъ и математикой Инсаровъ отплатилъ ему, подставивъ незамѣтно ножку... Котикъ, конечно, не замѣтилъ и „закопалъ рѣдьку“, да еще такъ позорно при всякой „мелочи“ съ приготовишками включительно. Это онъ-то, второклассникъ!

Ну и подрались... На славу подрались, нечего и говорить. Если у Котика разорванъ только рукавъ куртки, Инсаровъ прощеголялъ весь остатокъ гимназическаго учебнаго дня съ рукавомъ, предупредительно зашпиленнымъ сторожемъ Иваномъ англійскими булавками.

— Да, этому глупцу Инсарову хорошо влетѣло нынче! Будетъ помнить разъ навсегда!

Но мама, кажется, не раздѣляетъ Котикинаго мнѣнія. По маминому убѣжденію драка, это варварство. Удивительная эта мама, право! Никакъ не мо-

Мама ничего не понимаетъ...

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

жетъ понять, что гимназическія правила совершенно расходятся съ евангельскимъ изрѣченіемъ. Нельзя же подставлять лѣвую щеку, когда тебя ударятъ по правой, и не «оттузить» обидчика. Вѣдь иначе же прослывешь трусомъ и бабой. А мама, очевидно, держится совсѣмъ противоположныхъ понятій.

— Драться не хорошо, стыдно,—мягко выговариваетъ она Котику;—дерутся только звѣри да дикари. Какая же разница существуетъ между животными или дикимъ существомъ и культурнымъ интеллигентнымъ человѣкомъ?

Котикъ въ это время съ большимъ аппетитомъ уничтожаетъ разсольникъ, за нимъ второе — зразы съ кашей, и только покончивъ съ яблочнымъ пирогомъ, раскрываетъ ротъ, чтобы отвѣтить мамѣ:

— Какъ жаль, что ты никогда не была гимназистомъ!—И съ уничтожающимъ сожалѣніемъ смотритъ на мать. Та заливается самымъ искреннимъ смѣхомъ.

— Ну, нѣтъ, голубчикъ. Иначе пришлось бы, пожалуй, зашивать двѣ куртки вмѣсто одной и вытирать слѣды на полу за двумя парами ногъ бѣдной Марьѣ.

— Ага, ага, — подхватываетъ Котикъ, торжествуя,—значитъ и ты была бы такимъ же отчаяннымъ гимназистомъ какъ и я?

— А развѣ ты отчаянный? Представь, а я не знала!—ловко отпарировала Котикинъ ударъ мама.

И оба смѣются.

Настроеніе снова исправляется, несмотря на инцидентъ съ водою и рваный рукавъ.

Послѣ обѣда Котикъ приноситъ ворохъ тетрадей и книгъ и раскидываетъ ихъ на столѣ. Подъ всей этой грудой лежитъ Натъ Пинкертонъ, прекраснѣйшее произведеніе книжнаго рынка. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе Котика, его товарищей и

ихъ знакомыхъ. Но мама этого мнѣнія не раздѣляетъ. Она не признаетъ этой книги. Она тутъ же сидитъ у лампы и чинитъ злополучный Котикинъ рукавъ. Самъ Котикъ, успѣвшій облечься въ домашнюю блузу, храбро берется за пеструю, ярко разрисованную книжку приключеній знаменитаго Ната.

— Нѣтъ, нѣтъ! говоритъ мама,—раньше выучи уроки,—я не позволю тебѣ пичкать голову до нихъ всякой требухой.

Всякая требуха! Не угодно-ли? Котикъ вспыхиваетъ какъ порохъ и дѣлается красный что вареный ракъ. Онъ даже вскакиваетъ со стула, ерошитъ и безъ того взъерошенные усердіемъ самой природы волосы и пылко, какъ будто даже черезъ чуръ пылко, возражаетъ мамѣ:

— Натъ Пинкертонъ—не требуха! У насъ Ната Пинкертона даже первый ученикъ, круглый „пятерочникъ“ читаетъ. И ты ничего не понимаешь, если говоришь такъ!

Послѣдняя фраза вырвалась неожиданно; о, совсѣмъ неожиданно для самого Котика! По всей вѣроятности онъ не долженъ былъ такъ рѣзко говорить съ мамой. Вѣдь это въ сущности дерзость съ его стороны. Онъ сразу понялъ это... И взглянулъ искоса на маму. Но она не смотрѣла на него. Только какъ будто ниже наклонила свою гладко причесанную съ легкой просѣдью голову и глубже погрузилась въ работу.

Тутъ Котику совсѣмъ уже стало не по себѣ. Машинально схватился онъ сначала за одну тетрадь, потомъ за другую. Попалась подъ руку книжка географіи—раскрылъ ее и погрузился въ изученіе климата средней Азіи. Но что-то не шло на умъ ученье нынче! Глаза поневолѣ обращались то и дѣло въ мамину сторону... Хотѣлось услышать ея голосъ, пой-

мать на себѣ ея взглядъ. А она хотя-бы взоромъ кинула на него, Котика. Или-бы показала хоть какъ-нибудь то, что сердится на него. Пусть-бы разсердилась, накричала на него за дерзость. Только лишь-бы не молчала, нѣтъ—нѣтъ!

„Ты ничего не понимаешь!“ Вѣдь могла же выскочить изъ его рта такая ужасная фраза по отношенію къ матери. О,—о, противный Пинкертонъ, все изъ за него!

Теперь Котикъ почти съ ненавистью смотритъ на пестро и ярко раскрашенную обложку жидкой, порядочно таки потрепанной книженки. Бульварная литература! вспоминался ему отзывъ Кириллова, ихъ перваго ученика, котораго онъ такъ неудачно привелъ въ примѣръ мамѣ какъ почитателя Ната Пинкертона. Вѣдь Кирилловъ явно забраковалъ книжку, а Котикъ этого мамѣ не сказалъ. Стало быть, и тутъ онъ проштрафился какъ нельзя лучше. Темная муть поднималась изъ глубины души Котика, все сильнѣе и сильнѣе мучала его и не давала разрѣшить задачу. А задача то самая простая, о поѣздахъ, которую въ другое время онъ, Котикъ, рѣшилъ бы въ пять—десять минутъ. Совсѣмъ простая, не стоющая вниманія задача! А тутъ вотъ подите-же, думаетъ надъ нею сколько времени и изгрызъ добрую половину карандаша, пока ее рѣшаетъ.

Наконецъ, съ трудомъ одолѣлъ Котикъ и эту препону. Задача рѣшена и, тщательно переписанная, красуется въ чистовой тетрадкѣ. Съ уроками покончено. Теперь можно приняться и за Ната Пинкертона. Рука Котика робко протягивается впередъ, но не для того, чтобы взять и притянуть къ себѣ книжку, а для того, чтобы подальше оттолкнуть ее отъ себя. Почему-то злополучный Натъ потерялъ для Котика сейчасъ всю свою прежнюю обаятель-

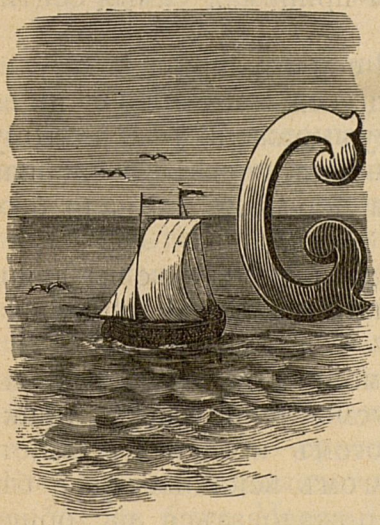
ную силу. Совсѣмъ, совсѣмъ не привлекаетъ больше Котика Натъ. Неужели же это только изъ за того, что онъ, Котикъ, ради этого не стоющаго гроша ломанаго противнаго Натки обидѣлъ свою дорогую мамочку? Что-то клубочкомъ подкатывается къ самому горлу мальчика и предательски щекотитъ у него подъ верхними вѣками и въ носу. Еще чего недоставало—разрюмился сейчасъ какъ баба! подстегиваетъ самъ себя Котикъ и украдкой вскидываетъ глазами на маму...

Вѣдь надо же было произойти такому случаю! Мама тоже какъ разъ въ эту минуту взглянула на своего мальчика. Глаза ихъ встрѣтились и въ одинъ мигъ Котикъ очутился на колѣняхъ передъ мамой, зарылся лицомъ на ея плечѣ и тихимъ, тихимъ шопотомъ шепнулъ ей на ухо:—прости, прости меня ради Бога, мамочка, я не нарочно. Я не хотѣлъ вовсе. Это такъ вышло, сорвалось. Ей Богу-же нечаянно, мамочка! И нашъ Кирилловъ вовсе не хвалилъ Натку... „Бульварная литература“—говоритъ... А я привралъ, знаешь, ужъ прости за одно, пожалуйста! Все равно, мнѣ Натка опротивѣлъ такъ сейчасъ, что я и читать его не буду! Не буду низачто.—И Котикъ крѣпко прижался губами къ щекѣ мамы.

Ахъ, что за славный вечеръ они провели потомъ! Нечего и говорить, что мама сразу позабыла всѣ недочеты своего любимца. Нечего говорить о томъ, что недавно еще очаровательный Натъ Пинкертонъ очутился гдѣ-то подъ диваномъ, а затѣмъ перешелъ на кухню, къ полному и нелицемѣрному восторгу грамотной кухарки Марьи, а мама тѣмъ временемъ, вынувъ изъ своей маленькой библіотеки красный томикъ, впервые знакомила своего сынишку съ безсмертными твореніями Гоголя. Какъ мастерски читала мама „Вечера на Хуторѣ близь Диканьки!“ Съ какимъ

восторгомъ вслушивался въ каждое слово великаго классика Котикъ. Онъ то заливался оглушительнымъ смѣхомъ, то весь замиралъ отъ волненія въ серьезныхъ и печальныхъ или жуткихъ мѣстахъ. Да это не былъ Натъ Пинкертонъ съ его нагроможденными происшествіями и нелѣпыми случаями. Въ каждомъ словѣ великаго писателя чувствовалась такая жизненная правда, такая яркая образная красота!

Котикъ понялъ это сразу. Понялъ всею чуткостью неиспорченнаго еще дѣтскаго вкуса и чистой дѣтской души. И ложась въ постель, въ этотъ вечеръ крѣпко расцѣловалъ маму за доставленное ему большое удовольствіе.



Валеткина доля.

I

Съ самаго утра на маленькой скромной дачкѣ Ивановыхъ чувствовалось сверхъобыденное оживленіе и какая то особенная суета. Холодный осенній денекъ съ первымъ утренникомъ давалъ настоятельно знать о приближеніи осени. И какъ-то слишкомъ ужъ скоро облетѣвшіе, несмотря на начало октября, листья деревьевъ говорили о томъ же. Вокругъ маленькой дачки стояли давно уже заколоченные большіе дома дачи и только крошечное жилище, снятое сначала лѣта по поздній октябрь бѣдной

учительницей и въ тоже время портнихой Маріей Ивановной Ивиковой съ семьею, казалось маленькимъ оазисомъ среди всей этой осенней картины.

Но сегодня съѣзжало съ дачи и это послѣднее семейство позднихъ дачниковъ.

Противъ калитки убогаго полисадника стоялъ до верху нагруженный болѣе чѣмъ скромнымъ домашнимъ скарбомъ возъ, а единственная прислуга Ивиковыхъ Акулина при помощи ломового извозчика выносила изъ дачки послѣдніе узлы и корзинки.

У ногъ ихъ то и дѣло вертѣлась Валетка, то умильно заглядывая всѣмъ въ лицо и просовывая всюду, куда нужно и куда ненужно, свою острую рыжую мордочку, то неожиданно бросаясь посреди дороги подъ ноги людямъ и принимая самыя сентиментальныя позы.

— Ну, опять развозился! сердито кричала Акулина, съ утра упарившаяся „до седьмого пота“—по ея собственному не затѣйливому выраженію,—и поэтому и по другой еще болѣе важной причинѣ озлобленная на весь міръ вообще, а на переѣздъ съ дачи особенно.

— Шурочка, Колинька! Да возьмите же вы дрянь энту... Ишь разлегся, словно прынцъ-Бова-королевичъ пройтить не даетъ.

И тутъ же не дожидая помощи Шурочки и Коленьки, Акулина весьма не двусмысленно даетъ пинка грубымъ деревенскимъ сапогомъ подъ бокъ Валетки. Тотъ съ громкимъ визгомъ вскакиваетъ и бѣжитъ стремительно, чтобы пожаловаться на обиду дѣтямъ, своимъ закадычнымъ друзьямъ.

II

Ахъ, какая здѣсь перемѣна, въ этой дачѣ! Валетка совсѣмъ изумленъ. Все утро чуть-ли не съ восхода солнца онъ былъ въ палисадникѣ и на улицѣ, дѣятельно помогая въ нагрузкѣ воза. А о комнатахъ, о самой дачѣ онъ и думать забылъ. И вдругъ такое неожиданное превращеніе! На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще вчера стояли кровати, сундуки, столы, стулья, комодъ и корзины, теперь не было ничего. Однѣ только голыя стѣны, только и всего. За то, полъ трехъ маленькихъ дачныхъ комнатъ усѣянъ всевозможными кусочками бумаги и тряпокъ, обрѣзками веревокъ и прочими безынтересными для Валетки вещами.

На двухъ подоконникахъ первой комнаты, носившей громкое названіе залы, въ обоихъ окнахъ которой были наклеены еще и теперь раскрашенныя картинки изъ моднаго журнала, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь лѣтомъ была модная мастерская, на обоихъ подоконникахъ, за неимѣніемъ мебели, расположилась вся маленькая семья.

Марья Ивановна уже не молодая, полусѣдая женщина, съ усталымъ болѣзненнымъ лицомъ, нимало не поправившаяся за лѣто, проведенное въ усиленной работѣ и двое ея дѣтей: гимназистка Шурочка и Коля ученикъ—приготовишка реальнаго учулища, погодки по одинадцатому и десятому году. Какъ ни бѣдна была Марья Ивановна Ивйкова, а все же не могла отказать дѣтямъ въ приличномъ образованіи. Вдова давно умершаго чиновника, она и уроки давала въ знакомыхъ семействахъ и шила платья „попроще“ и перепиской занималась, словомъ, какъ могла добывала деньги для дѣтей, которыхъ покля-

лась покойному мужу, такъ или иначе, вывести въ люди.

Лицо Марьи Ивановны, всегда грустное и озабоченное, теперь было печальнѣе обыкновеннаго. Если-бы рыжій Валетка умѣлъ разбираться въ людскомъ разговорѣ, то онъ бы понялъ, какъ грустно было Марьѣ Ивановнѣ покидать дачу.

— Ну, вотъ, дѣтки, и прошло лѣто... И квартиру нашли, слава Богу, сегодня перебираемся, завтра ужъ не придется вамъ ѣздить въ гимназіи на паровикѣ и терять время да вставать спозаранокъ, какъ это приходилось дѣлать весь сентябрь. Квартира найдена, да и уроки тоже. А тутъ и заказчики, пожалуй, подъѣдутъ... Вотъ и дѣло найдется. Только жаль мнѣ васъ перевозить въ городъ, въ духоту отъ здѣшняго свѣжаго воздуха. Хоть и подъ самымъ Петербургомъ эта мѣстность, а все-таки здѣсь воздухъ совсѣмъ другой, и зелень и рѣка. Право, грустно!

— А мнѣ о другомъ грустно. Я о другомъ грущу, мамочка,—тихо произнесла загорѣвшая за лѣто какъ цыганенокъ смуглая Шурочка:—мнѣ Валетку жалко...

Валетка, прикурнувшій было посреди комнаты и расположившійся вздремнуть до отправки воза, услыша свое имя, навострилъ уши.

— И мнѣ жалко Валетку, мамочка! Ну какъ онъ долженъ чувствовать себя? И девятилѣтній Коля сдѣлалъ кислую физіономію.—Вѣдь мясникъ, который его беретъ, очень, очень нехорошій и тамъ у него будутъ обижать Валетку,—прибавилъ онъ шопотомъ и неожиданно отвернулся къ окну, чтобы скрыть свои слезы.

Коля въ этомъ году только поступилъ весною въ приготовительный классъ реальнаго училища и считалъ, что слезы—не мужское дѣло и плачущій мальчикъ—это нѣчто, недостойное носить свое имя.

Валеткина доля.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

Поэтому онъ и поспѣшилъ скрыть свои слезы отъ матери и сестры. Но на душѣ у него было не весело, у бѣдняжки.

Приходилось разстаться съ Валеткой, съ милымъ Валеткой, котораго они съ сестрою неожиданно нашли, гуляя по шоссе ихъ дачной мѣстности, еще раннимъ лѣтомъ тотчасъ по пріѣздѣ на дачу. Валетка былъ тогда неуклюжимъ рыжимъ щенкомъ, очевидно, брошеннымъ на произволъ судьбы его прежнимъ хозяиномъ. Онъ такъ жалобно визжалъ, такъ упорно преслѣдовалъ дѣтей до самой ихъ дачи, что не взять его къ себѣ бездомнаго и не пріютить на лѣто не было никакой возможности. Увы, на лѣто только! На зимнюю квартиру его никакъ нельзя было перевести. Зимою даже прислугу Ивиковы не держали и помѣщались въ одной комнатѣ и примыкавшей къ ней полутемной кухнѣ.

Марья Ивановна ради того, чтобы дать образованіе дѣтямъ, урѣзывала себя и ихъ, скрѣпя сердце, во всемъ остальномъ. Сама приготовляла скромный обѣдъ для семьи между шитьемъ и уроками, сама бѣгала на рынокъ, пока еще дѣти спали, даже полы сама мыла и стирала на всю семью. Разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ немыслимо было брать новаго жильца въ лицѣ Валетки, за которымъ приходилось-бы слѣдить, и прокормъ котораго вносилъ новые расходы въ бюджетъ бѣдной труженицы. Поэтому, рѣшено было, послѣ долгаго размышленія надъ судьбою Валетки, подарить его мяснику, у котораго забирали провизію лѣтомъ. Мясникъ и на зимнее время оставался здѣсь въ дачной мѣстности и находилъ нужнымъ держать у себя во дворѣ цѣпную собаку. Для этой безотрадной должности онъ и готовилъ Валетку.

Но рябой, съ лукаво-бѣгающими, пронырливыми

глазами хозяинъ мясной лавки не нравился ни Марьѣ Ивановнѣ, ни дѣтямъ. Не было сомнѣнія въ томъ, что этотъ человѣкъ далеко не обладаетъ добрымъ сердцемъ и что съ переходомъ къ нему красные дни Валетки несомнѣнно сочтены. Это-то обстоятельство и тревожило больше всего уѣзжающее съ дачи маленькое семейство.

III.

— Все уложено. Возъ готовъ. Уѣзжать што-ли, барыня?—неожидано появляясь въ дверяхъ, своимъ трубообразнымъ голосомъ спросила Акулина.

— Да, да, трогайтесь съ Богомъ, Акуля, а мы за вами тотчасъ же на паровикѣ пріѣдемъ!—нервно бросила Марья Ивановна и вышла посмотрѣть въ палисадникъ на отправленіе воза. Валетка метнулся было за нею, но раздумалъ и, подойдя къ Шурочкѣ, положивъ ей морду на колѣни, завилялъ хвостомъ. Валетка точно предчувствовалъ близкую разлуку. Его собачьи глаза смотрѣли такъ жалобно и грустно. И хвостикомъ онъ вилялъ тоже какъ то по особенному, печально, печально, совсѣмъ не такъ, какъ всегда.

— Валеточка, бѣдный мой Валеточка!—всхлипнула самымъ неожиданнымъ образомъ Шурочка и, обхвативъ рыжую голову собаки, залилась слезами.

Коля совсѣмъ уже демонстративно отвернулся къ окну и заворчалъ оттуда, что-то ужъ очень подозрительно—долго протирая пальцами оба глаза:

— Вотъ и видно сейчасъ женщину! Реветъ въ три ручья, какъ будто слезами можно помочь дѣлу. А еще во второй классъ перешла, не маленькая кажется! И... и... да ты видишь, я-же не пла-а чу!—заключилъ онъ и, затрясшись всѣмъ тѣломъ, тоже ки-

нулся къ Валеткѣ, обхватилъ его за спину и, прижавшись къ его рыжей спинѣ, залился слезами.

— Не отдадимъ его мяснику, не отдадимъ низачто, Шурочка, — позабывъ что онъ „мужчина“ и плачутъ одни только „женщины“—рыдалъ бѣдный мальчикъ.

— Но, что же дѣлать тогда? Что-же дѣлать! Хуже будетъ, если оставить его одного на произволъ судьбы,—всхлипывая роняла сестренка.

— А, а ты... при-и-ду-май! На то ты и боль-ша а-я... Во вто-о-ро-ой классъ перешла!

Противъ этого доказательства Шурочка не нашлась что отвѣтить. И, не теряя времени, погрузилась въ самое глубокое размышленіе, на которое была способна ея одиннадцатилѣтняя голова. Ея мысли работали, а пальчики въ это время нѣжно, нѣжно перебирали рыжую шерсть Валетки. Гладилъ своего друга и Коля, то и дѣло вскидывая выжидающими глазами на сестру.

— Придумала! Придумала! Неожиданно вскричала Шурочка, вскакивая съ подоконника и цѣлуя то милую рыжую голову Валетки, то черненькую наголо остриженную круглую какъ шаръ головку Коли;—ахъ, какъ хорошо я придумала!—продолжала она совсѣмъ уже весело и захлопала въ ладоши отъ избытка чувствъ.

— Ну? Говори скорѣе! Да говори же! А то сейчасъ мама вернется, уѣзжать надо. И Валетку къ мяснику вести!—нетерпѣливо сердитымъ голосомъ ронялъ Коля. А черные глазенки мальчика въ то же время съ затаенной надеждой впивались въ сестру.

— Нѣтъ, нѣтъ! Теперь уже все перемѣнилось!—съ жаромъ воскликнула Шурочка,—теперь къ мяснику не придется веста Валетку. Вотъ что мы сдѣлаемъ. Мы отведемъ нашего милаго песика къ мо-

лочницѣ Дунѣ и попросимъ ее пріютить Валетку послѣ нашего отъѣзда хоть на два часика. Каждый день Дуня ѣздитъ въ городъ... Пусть она захватитъ съ собой Валетку. Привезетъ его въ городъ, оставитъ на улицѣ или гдѣ-нибудь во дворѣ. А на шею Валетки къ ошейнику я привяжу конвертикъ съ маминой визитной карточкой. Какъ разъ одна у меня есть, которая была прибита на дверяхъ. И напишу я на этой карточкѣ вотъ что: Добрые люди! Двое очень небогатыхъ дѣтей умоляютъ васъ пріютить у себя ихъ собачку. Ее зовутъ Валеткой, и она очень, очень хорошая. Если бы мы имѣли хоть какую-нибудь возможность, то никогда бы не разстались съ ней. И внизу нашъ адресъ и имена Шура и Коля Ивиковы. Ну что развѣ я дурно придумала, говори? И пока Коля выражалъ свой восторгъ сестрѣ, Шурочка, не теряя ни минуты, написала все то, что хотѣла, на карточкѣ, за неимѣніемъ конверта завернула карточку въ чистую четвертушку бумаги. Сдѣлала краткую надпись на оберткѣ „Добрымъ людямъ“ и, привязавъ завернутую карточку такъ, чтобы была видна надпись, къ ошейнику Валетки, рѣшительно заявила брату:—Ну, теперь идемъ.

Разумѣется, тотъ не замедлилъ повиноваться. Валетка какъ всегда бросился впередъ.

— Куда вы? — увидя дѣтей, спросила мама, дававшая послѣднія инструкціи Акулинѣ и ломовому извозчику.

— Отдавать Валетку! Сейчасъ вернемся, мамочка!—отвѣтила за двоихъ Шура.

Молочница Дуня, снабжавшая все лѣто молокомъ Ивиковыхъ, жила за нѣсколько домовъ отъ ихъ дачки. Она сразу согласилась исполнить ихъ просьбу. Это была добрая дѣвушка сочувствовавшая, въ свою очередь, судьбѣ Валетки.

— Будьте покойны, все сдѣлаю какъ просите. Сама-бы у себя оставила вашу собачку, да тятеньки своего боюсь. Ужъ больно онъ у меня строгій да и собакъ, къ слову сказать, терпѣть не можетъ. До поѣздки въ городъ подержу Валетку. Мнѣ-то сподручнѣе его завезти туда, нежели вамъ. Вы, вонъ, на паровикѣ поѣдете. А я на телѣжкѣ съ кувшинами моими. Нынче по вечеру туда и доставлю его.

— Прощай, Валеточка! Прощай, любименькій! Не забывай насъ! — въ послѣдній разъ лаская своего друга, шептала Шура, съ распухшими отъ слезъ глазами.

Маленькій „мужчина“ Коля совсѣмъ забылъ на этотъ разъ свою солидную роль и задалъ такого ревуна, что напугалъ и Дуню, и Шурочку, и самого Валетку...

Бѣдный Валетка! Онъ только тихо повизгивалъ да кидался въ объятія дѣтей, стараясь лизнуть ихъ какъ можно удачнѣе въ глаза, носъ, губы и щеки. И эти собачьи поцѣлуи сопровождались такими краснорѣчивыми взглядами большихъ карихъ, преданныхъ и встревоженныхъ глазъ, что глядя въ эти глаза, никакъ нельзя было сомнѣваться въ способности Валетки проливать слезы.

Но вотъ послѣднее объятье... Послѣдній поцѣлуй и дѣти, точно сговорившись, быстро берутся за руки и выскакиваютъ за дверь. Съ громкимъ лаемъ, слѣдомъ за ними бросается и Валетка.

Но, что это? Дверь захлопывается передъ нимъ такъ неожиданно, такъ стремительно-быстро!

Валетка, не теряя надежды, бросается на своего неодушевленнаго врага, царапаетъ дверь ногтями, бьется о нее всѣмъ тѣломъ. Ничто не помогаетъ. Тогда бѣдный песъ отчаяннымъ лаемъ оглашаетъ домикъ молочницы. Даже стекла въ окнахъ дро-

жатъ отъ него... Но дверь по прежнему устойчиво-дерзко торчитъ передъ самымъ носомъ Валетки, точноиздѣваясь надъ нимъ. И, сразу ослабѣвъ послѣ тщетныхъ попытокъ сломать преграду, Валетка ложится у самаго порога и тихо, печально скулитъ, точно жалуясь на свою судьбу.

Бѣдный, бѣдный Валетка!

IV.

Семейство Ивиковыхъ было уже далеко, когда молочница Дуня рѣшила, наконецъ, пріоткрыть дверь и выпустить Валетку изъ дома. Почуявъ столь желанную свободу, рыжій песикъ, стремглавъ кинулся на крыльцо, оттуда на крошечный дворъ, ища изъ него выхода на улицу. Но увы! такового не оказалось. Калитка была предупредительно закрыта и заперта на задвижку. Высокая изгородь окружала дворъ, въ углу котораго было устроено помѣщеніе для четырехъ коровъ въ тепломъ сараѣ. Оттуда доносилось громкое посапываньe и ни то вздохи, ни то продолжительные зѣвки.

На мгновенье эти странные звуки завладѣли вниманіемъ Валетки. Его глаза впились въ стѣну сарая, потомъ взглядъ ихъ машинально перешелъ нѣсколько ниже и... о радость!—онъ увидѣлъ небольшую яму между стѣной коровника и заборомъ. Быстро сообразилъ Валетка, что, если при помощи двухъ переднихъ лапъ, онъ увеличитъ глубину ямы, то яма окажется совсѣмъ удобо - примѣнимымъ путемъ для его выхода на свободу. Только нужно не дать замѣтить этого его временной, случайной хозяйкѣ. И съ самымъ невиннымъ образомъ Валетка оглянулся на Дуню. Та стояла на крыльцѣ, кутаясь въ

теплый платокъ, и разсѣянно смотрѣла на опустѣвшую улицу.

— Уйди, милая, сдѣлай милость, уйди ты ради всего лучшаго въ мірѣ,—взывало въ трепетѣ взволнованное сердце Валетки. Повидимому, собачьи натуры обладаютъ до нѣкоторой степени свойствомъ гипноза, потому что молодая дѣвушка, зѣвнувъ отъ скуки и обведя еще разъ озабоченнымъ взоромъ маленькій дворикъ и притихшаго какъ ни въ чемъ не бывало Валетку, рѣшила, что убѣжать послѣднему нѣтъ никакой возможности, и успокоенная пошла домой.

Этого-то мгновенья и ждалъ съ такимъ сердечнымъ замираніемъ, съ такимъ трепетомъ собачьей души рыжій щенокъ. Сохраняя нѣсколько минутъ прежнюю позу, чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній, онъ посидѣлъ посреди дворика съ самымъ непринужденнымъ и равнодушнымъ видомъ. Но это равнодушіе и непринужденность длились только до тѣхъ поръ, пока не хлопнула вторая дверь въ сѣняхъ, оповѣстившая Валетку, что Дуня вошла въ комнату.

Тогда со скоростью вѣтра, проказникъ кинулся къ ямѣ, находившейся около сарая, и сталъ бѣшено рыть передними лапами землю. Его собачье сердце било не переставая тревогу и въ тактъ біенію сердца почти съ такою же поспѣшностью работали его лапы.

Вотъ все больше, все просторнѣе дѣлается до сихъ поръ совсѣмъ еще небольшое отверстіе у изгороди... Понадобятся еще всего нѣсколько усилій и можно будетъ просунуть сквозь нея голову подъ заборъ. Валетка прикинулъ тутъ же, насколько выполнимо послѣднее намѣреніе. Нѣтъ, еще недостаточно велика яма, надо потрудиться еще...

Съ новымъ рвеніемъ заработали собачьи лапы, вооруженныя острыми ногтями.

Еще нѣсколько ревностныхъ усилій и голова Валетки просунулась впередъ и закрасовалась по ту сторону забора. Затѣмъ, весь вытянувшись змѣею, весь распластавшись на животѣ, онъ сдѣлалъ послѣднее отчаянное усиліе и выползъ сквозь много увеличенное теперь отверстіе на волю. Пролѣзъ, вскочилъ на ноги, встряхнулся, какъ будто только что вышелъ послѣ купанья изъ воды, и стрѣлою полетѣлъ по широкому дачному шоссе въ сторону города.

V.

Цѣлью получившаго столь желанную свободу Валетки было,—во что бы то ни стало, настичь и какъ можно скорѣе найти своихъ хозяевъ, присоединиться къ нимъ, чтобы не разлучаться уже съ ними всю жизнь. Ни на одну минуту не сомнѣвался Валетка, что хозяева неумышленно оставили его у молочницы Дуни. По его собачьему мнѣнію, здѣсь произошла какая-то печальная случайность или грустное недоразумѣніе, которые онъ, Валетка, какъ неопытный молодой щенокъ, отказывался даже понимать. Напротивъ того, онъ былъ увѣренъ, что его молодые господа встрѣтятъ своего четвероногаго товарища съ распростертыми объятіями и очень обрадуются его возвращенію. И одно это уже придавало радость его сердцу и быстроту ногамъ.

Высунувъ языкъ на-сторону, нелѣпыми бѣшеными прыжками мчался онъ, обгоняя извозчичьи пролетки и пресловутый паровикъ, на который онъ всегда съ такимъ азартомъ лаялъ въ прежнее вре-

мя и который не удостоивалъ даже каплей своего вниманія сейчасъ.

Вотъ онъ миновалъ уже добрую часть пути, зоркими глазами оглядывая дорогу и движущіяся по ней телѣги, разсчитывая увидѣть рано или поздно возъ Ивиковыхъ съ взгроможденной поверхъ мебели на немъ Акулиной. И какъ будто мелькнуло что-то похожее на него вдалекѣ. Запестрѣло высоко на возу что-то яркое, лиловато-розовое, какъ будто платье и рыжая верхняя кофта Акулины.

Съ радостнымъ лаемъ Валетка кинулся въ ту сторону. И нужно же было ему встрѣтить такое неожиданное, такое удивительное препятствіе въ тотъ же мигъ!

Очень близко зашуршали шинами колеса экипажа и изъ-за поворота дороги выкатился высокій кабріолетъ, запряженный гнѣдымъ красавцемъ конемъ съ англичаниномъ кучеромъ на козлахъ. Въ кабріолетѣ сидѣла пожилая дама и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати въ синемъ костюмѣ и бархатномъ беретѣ. На колѣняхъ дѣвочки лежала прелестная, пушистая какъ снѣгъ болонка такой очаровательной красоты, какой еще за всю свою недолгую собачью жизнь не встрѣчалъ Валетка.

За кабріолетомъ бѣжалъ черный какъ сажа пудель, до половины остриженный, съ голубымъ бантомъ, торчащимъ между ушей.

Черный пудель, замѣтивъ Валетку, со всѣхъ ногъ ринулся къ нему. Валетка, очень заинтересованный, не упустилъ случая сдѣлать то же.

— Негри! Негри! — закричала хорошенькая дѣвочка съ высоты кабріолета.—Назадъ! Тубо! Негри! Чужая собака можетъ укусить тебя! — Но скоро успокоилась, замѣтя самыя миролюбивыя намѣренія Валетки,—убѣждаясь въ томъ, что Валетка вовсе не

намѣренъ кусать чернаго пуделя, напротивъ того, обнаруживаетъ самыя дружелюбныя наклонности.

Дѣйствительно черный Негри и Валетка сразу дружески встрѣтились между собой какъ старые пріятели.

— Здравствуй, — сказалъ на своемъ собачьемъ языкѣ черный пудель,—меня зовутъ Негри и я выбѣжалъ прогуляться съ моими господами. Теперь мы возвращаемся назадъ. Эту прогулку мы дѣлаемъ ежедневно. Ѣздимъ встрѣчать мою маленькую хозяйку въ гимназію. Всю дорогу туда я сижу въ кабріолетѣ рядомъ со старшей хозяйкой, а оттуда бѣгу за экипажемъ. Это очень весело. А ты куда направлялъ свой путь? И какъ тебя зовутъ?—освѣдомился черный Негри.

Валетка, какъ благовоспитанный песъ, поспѣшилъ отвѣтить, что зовутъ его Валеткой, и что съ нимъ случилась пренепріятная исторія нынче—его забыли, переѣзжая въ городъ, и оставили на дачѣ одного.

— Гм! гм!—глубокомысленно замѣтилъ Негри:—странные господа, которые только въ серединѣ осени переѣзжаютъ съ дачи, да еще бросаютъ на произволъ судьбы своихъ вѣрныхъ друзей собакъ. Что-жъ ты намѣренъ теперь дѣлать?—не отставая ни на шагъ отъ колесъ кабріолета, продолжалъ разспрашивать черный Негри.

Съ самой чистосердечной откровенностью Валетка разсказалъ своему новому пріятелю о томъ, какъ онъ предполагалъ догнать своихъ господъ, чтобы снова соединиться съ ними.

— Напрасно,—порицательно замѣтилъ пудель,—разъ они такъ невнимательно отнеслись къ тебѣ, такъ нечего тебѣ навязывать имъ свою особу. Лучше слѣдуй за мною. Мы скоро будемъ дома, на под-

городной мызѣ моихъ хозяевъ; тамъ насъ съ тобой и Дези славно накормятъ мясной похлебкой и полакомятъ косточками. Ты знаешь Дези?

— Это та кудрявая дѣвочка, которая тамъ въ экипажѣ?—освѣдомился Валетка.

— О, нѣтъ, это болонка, которая лежитъ на колѣняхъ у дѣвочки. А дѣвочку зовутъ Мери. Она очень мила. Не правда-ли?

Валетка пробурчалъ себѣ что-то подъ-носъ вмѣсто отвѣта, такъ какъ мысли его были заняты совсѣмъ другимъ. Онъ не оставлялъ еще надежды найти своихъ милыхъ прежнихъ господъ и никакъ не хотѣлъ вѣрить Негри, что они недоброжелательно отнеслись къ нему. Но, съ другой стороны, сдѣланный имъ сегодня моціонъ давалъ себя чувствовать въ смыслѣ усталости и разыгравшагося не въ мѣру аппетита. А тутъ еще такъ не кстати или кстати вѣрнѣе, если принять въ соображеніе тотъ же разгулявшійся аппетитъ и упоминаніе чернаго пуделя о мясной похлебкѣ и соблазнительныхъ косточкахъ, передъ прелестью которыхъ не устоитъ ни одно собачье сердце на бѣломъ свѣтѣ. Чѣмъ онъ рискуетъ, если сдѣлаетъ небольшой крюкъ въ сторону и заглянетъ на гостепріимную мызу? По всему видно, что пудель Негри славный малый и добрый товарищъ, и братски подѣлится съ нимъ своимъ вкуснымъ обѣдомъ. А что касается бѣленькой пушистой особы, которая, красуясь какъ нѣкая принцесса, важно возлежала на колѣняхъ дѣвочки Мери, то бѣленькая Дези такъ плѣнила сердце Валетки по первому же брошенному на нее взгляду, такъ очаровала его, что не познакомиться съ этой красоточкой Валетка рѣшительно былъ не въ силахъ.

— Прекрасно, — я забѣгу къ вамъ въ гости на нѣкоторое время, передохну немного, а тамъ снова

пущусь въ дорогу,—рѣшительно заявилъ онъ черному пуделю, занимая мѣсто у второго задняго колеса кабріолета и соразмѣряя съ движеніемъ экипажа свой бѣгъ.

VI.

— Стопъ! Пріѣхали!

Какой прелестный уголокъ! Въ той дачной мѣстности, въ селѣ, вѣрнѣе, гдѣ провелъ первое лѣто своей жизни Валетка, не было ни одного такого роскошнаго дома, какъ этотъ, неожиданно представшій за поворотомъ дороги и окруженный группою деревьевъ и кустовъ. Ровная аллея тополей вела къ подъѣзду. Самый домъ былъ скорѣе похожъ на маленькій дворецъ, а садъ вокругъ него казался настоящимъ паркомъ съ цѣлою массою всякихъ затѣй: бесѣдокъ, фонтановъ и гротовъ, высѣченныхъ въ искусственныхъ скалахъ. Даже теперь, осенью, когда опала листва съ деревьевъ и пожелтѣла трава газона, а клумбы, лишены цвѣтовъ, даже и теперь садъ этотъ былъ прекрасенъ.

Однако Валеткѣ не пришлось слишкомъ долго любоваться имъ. Первая изъ экипажа выскочила дѣвочка и, передавъ своей старшей спутницѣ красавицу Дези, крикнула черному пуделю:

— Иси, Негри!—и тутъ только увидѣла присѣвшаго за колесомъ экипажа Валетку.

— Ахъ, Боже мой, мамочка! Чужая собака пристала къ намъ. Что намъ дѣлать? Я и не догадалась оглянуться, а она, оказывается, бѣжала за нами вмѣстѣ съ Негри. Посмотри, мамочка, какая она забавная и милая!—весело обратилась она къ матери, указывая на Валетку.

— Не подходи къ ней, Мери, она еще укуситъ!— замѣтила съ безпокойствомъ пожилая дама,—и всего лучше будетъ, если мы ее отдадимъ дворнику, чтобы онъ отвелъ ее въ полицію. Можетъ быть, хозяева собаки уже ищутъ ее.

— Ахъ, мамочка, смотри, пожалуйста, къ ошейнику привязана какая-то бумажка... На ней что-то написано! Позволь мнѣ прочитать, мамочка... Собачка пресмирная, ты увидишь, она низачто не укуситъ.

И, не дожидаясь отвѣта матери, хорошенькая Мери быстро наклонилась къ Валеткѣ и проворными пальчиками отвязала привязанную къ его ошейнику бумажку.

— Добрымъ людямъ! — изумленнымъ голосомъ прочитала она слова, начертанныя на конвертѣ. Потомъ быстро развернула бумажку и, вынувъ изъ нея карточку, пробѣжала строки, написанныя рукою Шуры.

На тонкомъ, красивомъ личикѣ Мери выразилось безграничное удивленіе.

— Мамочка! Мамочка! Взгляни, пожалуйста. Вѣдь это Шуры Ивиковой почеркъ! — вскричала она.— Шура Ивикова моя одноклассница. И на карточкѣ написано имя и адресъ ея мамы. Но я совсѣмъ не знала, что она такъ бѣдна! Ахъ, мамочка, милая, мы должны пріютить ея собачку во что-бы то ни стало.

Нина Павловна Снѣгорская, мать Мери, взяла изъ рукъ дочери карточку и внимательно прочла Шурину просьбу. Она подумала немного и обратилась къ Мери:

— А не находишь-ли ты, дѣточка, что было бы хорошо помочь и твоей подругѣ? Должно быть дѣвочка, дѣйствительно, очень бѣдная и очень порядочная, судя по ея поступку.

Мери задумалась. Личико ея сдѣлалось очень серьезнымъ. Голубые глаза подернулись грустью. Передъ ея мысленнымъ взоромъ какъ живой всталъ образъ Шурочки Ивиковой. Всегда тихая, молчаливая, очень прилежная Шурочка считалась одною изъ лучшихъ ученицъ класса. Она всегда на первую отмѣтку знала свои уроки и не разъ помогала даже самой Мери, объясняя ей въ перемѣну то, что дѣвочка не поняла въ классѣ. И никогда не жаловалась Шурочка ни на свою бѣдность, ни на тяжелое положеніе семьи. А, между тѣмъ, бѣдность ея была очевидна, если она должна была лишиться вмѣстѣ съ братомъ своего любимаго песика-друга.

— Знаешь, мамочка,—горячо заговорила Мери,—мы непремѣнно оставимъ у себя Валетку, а завтра въ гимназіи я хорошенько разспрошу Шурочку и тогда ты поможешь какъ-нибудь ея мамѣ. Не правда-ли, мамочка?

И голубые глазки Мери съ мольбою заглянули въ лицо матери.

— Не каждый бѣднякъ охотно принимаетъ помощь, нужно сдѣлать это умѣючи и очень обдуманно,—отвѣтила Нина Павловна дочери: — завтра ты ничего не скажешь Шурѣ Ивиковой въ гимназіи, а послѣ окончанія уроковъ мы проѣдемъ къ нимъ и переговоримъ съ ея мамой. А Валетку мы, разумѣется, оставимъ у насъ. Я увѣрена, что онъ будетъ чувствовать себя весьма пріятно въ обществѣ Негри и Дези.

При послѣднихъ словахъ Снѣгорской Валетка навострилъ уши, услыша собственное имя и, умильно поглядѣлъ на своихъ новыхъ знакомыхъ, какъ-бы желая заручиться ихъ сочувствіемъ. И радостно завилялъ хвостомъ.

Получасомъ позднѣе онъ уже наслаждался, въ

обществѣ Негри и прелестной четвероногой блондинки Дези, вкуснѣйшимъ мяснымъ супомъ съ косточками и обрѣзками жаркого. А сытно пообѣдавъ, улегся на коврѣ въ гостиной, въ обществѣ тѣхъ же новыхъ друзей и сладко всхрапнулъ до вечера, пока молоденькая хозяйка Мери готовила уроки со своей гувернанткой Екатериной Васильевной, добрѣйшимъ въ мірѣ существомъ и кстати сказать большой покровительницей всего собачьяго рода.

За то, вечеромъ какую они подняли возню, Негри, Дези и Валетка! Послѣднему почему-то особенно понравился пушистый, заканчивающійся кисточкой хвостъ чернаго пуделя и онъ ласково хватался за него зубами. Черный пудель какъ могъ увертывался отъ этихъ своеобразныхъ Валеткиныхъ ласкъ. А Мери хохотала, какъ сумасшедшая, и наускивала на обоихъ пріятелей бѣленькую Дези.

Въ эту ночь Валетка спалъ въ собачьемъ обществѣ на мягкой подстилкѣ въ углу прихожей. Въ прихожей дома Снѣгорскихъ было тепло и уютно, топили съ вечера большой каминъ и Валетка чувствовалъ себя прекрасно между Негри и бѣленькой Дези. Чудесный сонъ снился въ эту ночь Валеткѣ; ему грезилась вкусная-превкусная мясная похлебка и какія-то удивительно нѣжныя косточки, и Мери, и Шурочка, и Коля, которые наперерывъ ласкали его.

VII.

На слѣдующій день, около трехъ часовъ, нарядный кабріолетъ Снѣгорскихъ остановился у сѣраго мрачнаго дома, съ облупившейся штукатуркой, ветхаго и грязнаго на видъ.

Такими домами кишмя кишатъ улицы петербургскихъ окраинъ.

На этотъ разъ со Снѣгорскими не было ни чернаго Негри, ни бѣленькой Дези. Онѣ какъ и новый членъ семьи Валетка были оставлены на мызѣ, дома.

Хорошенькая Мери Снѣгорская была очень взволнована. Пріѣхавъ сегодня въ гимназію, она узнала отъ подругъ что Шура Ивикова должно быть заболѣла серьезно, потому что уже второй день ее нѣтъ на урокахъ.

Всю дорогу отъ гимназіи до дома, гдѣ согласно адресу на визитной карточкѣ жили Ивиковы, Мери не переставала волноваться.

— Вотъ видишь, мамочка, сама судьба послала намъ вчера Валетку. Бѣдная дѣвочка больна и ее, навѣрное, утѣшитъ извѣстіе о томъ, что ея песикъ попалъ въ хорошія руки,—говорила она матери.

— Ее утѣшитъ и еще кое-что другое, если семья ея дѣйствительно такъ бѣдна, какъ это говорится въ запискѣ,—загадочно отвѣтила госпожа Снѣгорская.

Нина Павловна много видѣла и испытала въ своей жизни. Видѣла она вокругъ себя и настоящихъ бѣдняковъ и людей, обманывающихъ, съ цѣлью наживы, другихъ, и только притворяющихся бѣдняками. Ея богатство и положеніе въ обществѣ давали ей широкую возможность помогать людямъ. А отзывчивое доброе сердце постоянно требовало этого. Но Нинѣ Павловнѣ приходилось не разъ быть обманутой тѣми, кому она помогала съ такой охотой. Поэтому теперь, наученная горькимъ опытомъ, Снѣгорская, прежде чѣмъ щедрою рукою одѣлять бѣдныхъ, разузнавала осторожно и тонко, на сколько тѣ, дѣйствительно, нуждались въ помощи.

Вчерашнее происшествіе съ собакой, которую бѣдные дѣти поручали добрымъ людямъ, за неимѣніемъ возможности содержать ее самимъ, глубоко затронуло Нину Павловну. Но и тутъ нѣкоторое

сомнѣніе безпокоило ее.—А что, если дѣти сообща со старшими продѣлали весь этотъ изъ ряда вонъ выходящій инцидентъ, чтобы поэксплоатировать руку дающаго помощь? Почему здѣсь отмѣченъ адресъ на карточкѣ? Вѣдь они могли предполагать, что богатые люди, прибравшіе собаку, пожелаютъ познакомиться съ ними. А тутъ такая удобная арена могла представиться для эксплоатаціи благотворителей. Сколько разъ Нинѣ Павловнѣ приходилось быть жертвою ея.

Сѣрый облупившійся, не презентабельнаго вида домъ, передъ которымъ остановился блестящій экипажъ Снѣгорской, еще ничего не говорилъ пріѣхавшей сюда аристократкѣ. Вѣдь сколько представлявшихся бѣдняками людей селились въ такихъ же жалкихъ вертепахъ, чтобы нагляднѣе доказать свою нищету богатымъ благодѣтелямъ.

— Посмотримъ! посмотримъ!—мысленно повторяла Снѣгорская.

Она взяла за руку Мери и стала подниматься съ нею по узенькой, довольно сомнительной чистоты, лѣстницѣ, предварительно спросивъ у подвернувшагося имъ дворника, куда надо идти.

Ивиковы жили въ четвертомъ этажѣ. Дверь на лѣстницу была открыта и въ ту минуту, когда Снѣгорскіе переступали порогъ полутемной кухоньки, Марья Ивановна Ивикова съ засученными по локти рукавами кофты и въ пестромъ куханномъ передникѣ стирала бѣлье въ корытѣ съ пылающимъ отъ усердія и жары лицомъ.

Она ужасно сконфузилась, увидя пріѣхавшихъ нарядныхъ, богато одѣтыхъ посѣтительницъ. На ея измученномъ, худомъ лицѣ отразились въ одно время и испугъ, и стыдъ, и неудовольствіе.

— Чѣмъ могу служить?—нѣсколько рѣзко обра-

тилась она къ старшей Снѣгорской и, не дожидаясь отвѣта, быстро добавила, вытирая о передникъ мокрыя руки:—если съ заказомъ, то я не беру больше шитья... Положительно нѣтъ возможности. У меня дочурка второй день больна. Вчера только переѣхали съ лѣтней квартиры, а она уже умудрилась простудиться бѣдняжка. Да и уроки у меня начинаются. Придется цѣлый день по нимъ бѣгать. Совершенно не хватаетъ времени для шитья; сперва предполагала портняжничать, теперь и сама вижу на сколько это трудно.

— Какъ? вы и уроки даете и занимаетесь шитьемъ? удивленно спросила хозяйку Снѣгорская.

— Приходилось. А вотъ теперь вижу, что совмѣстить то и другое невозможно, вотъ, какъ видите, надо и постирать на дѣтей да и обѣдъ имъ приготовить,—прислугу я держу только въ лѣтнее время. Вчера же ее отпустила. Все приходится дѣлать самой.

Марья Ивановна проговорила все это довольно рѣзкимъ тономъ безо всякаго намѣренія разжалобить пріѣхавшую къ ней Богъ вѣсть зачѣмъ богатую барыню.

Но этотъ тонъ больше всего и убѣдилъ Нину Павловну въ искренности говорившей. Только настоящая гордая бѣдность, бѣдность, привыкшая бороться одна и не прибѣгать къ посторонней помощи, могла говорить съ такой искренностью и простотою.

— Госпожа Ивикова, простите ради Бога,—начала Снѣгорская задушевнымъ ласковымъ тономъ,—простите насъ, что мы такими непрошенными гостями врываемся въ вашъ уголокъ, но... но моя дочь Мери одноклассница по гимназіи вашей дѣвочки и мы пріѣхали навѣстить вашу дочку, узнавъ, что она нездорова, а кстати и порадовать ее однимъ очень

пріятнымъ извѣстіемъ. Ея болѣзнь, надѣюсь, не опасна и не заразительна?

По измученному нервному лицу Марьи Ивановны неожиданно проскользнула улыбка и сразу помолодѣло и ожило подъ лучемъ ея это усталое, болѣзненное лицо.

— Благодарю васъ, что пріѣхали, сударыня, и привезли дочку. У Шурочки нѣтъ ничего опаснаго,—просто кашляетъ дѣвочка, продуло въ паровой конкѣ, должно быть, когда возвращались съ дачи. Шурочка, Коля! Куда вы спрятались? Встрѣчайте гостей!—крикнула Марья Ивановна дѣтямъ!—А вы пожалуйте въ комнату... И ужъ извините за обстановку. Въ тѣснотѣ, да не въ обидѣ!—снова улыбнулась она гостьямъ.

Дѣйствительно, не въ обидѣ!

Нина Павловна тотчасъ же, едва переступивъ порогъ, замѣтила это. Удивительной чистотою и порядкомъ вѣяло отъ единственной большой свѣтлой комнаты этого болѣе нежели бѣднаго жилища!

Несмотря на то, что хозяева его перебрались сюда только наканунѣ, всѣ вещи были уже аккуратно разставлены по своимъ мѣстамъ. Пыль всюду тщательно стерта. Полъ чисто вымытъ и прибранъ. Бѣлая вязанная салфетка лежала на столѣ. Книги аккуратно разставлены на этажеркѣ. Три кровати, покрытыя бѣлыми пикейными одѣялами съ самодѣльными вязанными накидками на подушкахъ, поражали своей бѣлоснѣжной чистотой.

Молодые Ивиковы встрѣтили безъ всякой застѣнчивости вновь прибывшихъ. Шурочка и Коля, одѣтые очень чистенько и скромно, какъ вполнѣ воспитанные дѣти, раскланялись съ гостями. Вообще, все, начиная съ самой хозяйки и ея дѣтей, кончая послѣдней мелочью въ обстановкѣ бѣднаго жилища, говори-

ло о порядочности, интеллигентности и благородствѣ этой маленькой семьи.

Нину Павловну особенно растрогала сама Ивикова. Интеллигентная труженица, бѣдная женщина, въ силу обстоятельствъ не гнушалась никакой работой и мѣшала трудъ учительницы съ трудомъ простой прачки? И все это ради любимцевъ своихъ дѣтей.

Пока Мери знакомилась съ Колей и разспрашивала о здоровьѣ Шурочку, подоспѣла къ гостямъ и Марья Ивановна, успѣвшая сбросить свой рабочій передникъ и принять нѣсколько менѣе будничный видъ.

Дамы усѣлись въ уголокъ и повели между собой въ полъ-голоса бесѣду.

Въ тоже время Мери сообщала, захлебываясь отъ волненія, обоимъ дѣтямъ о томъ, какъ вчера къ нимъ присталъ Валетка, какъ она, Мери, своими собственными глазами нашла и прочитала Шурочкину записку, какъ съ радостью узнала свою старую знакомую одноклассницу по этой запискѣ и какъ упросила маму оставить у нихъ въ домѣ Валетку.

— Вы не безпокойтесь, Шурочка и Коля,—волнуясь лепетала дѣвочка:—ему у насъ будетъ хорошо. Совсѣмъ хорошо, право! Онъ уже и съ Негри подружился и съ Дези тоже. Очень забавный и милый песикъ. Если-бы вы видѣли вчера, какъ онъ возился съ ними, такой шумъ подняли, лай и визгъ, что хоть изъ дома бѣги. Ужасъ!—разсказывала съ увлеченіемъ маленькая Снѣгорская.

— Значитъ насъ онъ совсѣмъ забылъ? — неожиданнымъ вопросомъ огорошилъ ее Коля.—Такъ-таки и не скучалъ по насъ и не поплакалъ?—допытывался мальчикъ.

Мери запнулась и покраснѣла. Ей не хотѣлось огорчать дѣтей Ивиковыхъ сообщеніемъ о равно-

душномъ отношеніи къ нимъ Валетки, и лгать ей не хотѣлось тоже.

— Вотъ видите-ли...—начала она, вся розовая отъ смущенія—можетъ быть, онъ и очень скучалъ, Валетка... Но!.. но... почувствовавъ себя въ обществѣ такихъ милыхъ, веселыхъ существъ, какъ Негри и Дези, онъ, разумѣется, не могъ не развеселиться и не разойтись немножко. Вѣдь Валетка молодъ... Онъ щенокъ, значитъ совсѣмъ какъ ребенокъ, а дѣти всегда чувствуютъ себя веселѣе и оживленнѣе въ подходящемъ для нихъ юномъ обществѣ!

— Моя дочь совершенно права, вы слышали, что она сейчасъ сказала, Марья Ивановна?—обратилась тихо, тихо почти шепотомъ къ своей собесѣдницѣ госпожа Снѣгорская,—я нахожу тоже, что для дѣтей необходимо дѣтское общество. А моя бѣдненькая Мери постоянно одна. Скоро уѣзжаетъ отъ насъ ея воспитательница Екатерина Васильевна къ себѣ на родину, къ старушкѣ матери, которая постоянно проситъ дочь вернуться къ ней и пожить съ нею. Новой же воспитательницы и репетиторши я не могла еще подыскать для моей баловницы. И вотъ, еслибы вы согласились, Марья Ивановна, занять мѣсто уходящей отъ насъ гувернантки и вмѣстѣ съ вашими милыми дѣтками переѣхать на нашу мызу? Право, ѣздить всѣмъ троимъ въ гимназію и обратно было-бы веселѣе и для Мери и для вашихъ дѣтей. У насъ свои лошади, слѣдовательно, время здѣсь не будетъ играть никакой роли, а что касается утренняго пребыванія дѣтей на свѣжемъ воздухѣ, то отъ этого можетъ ожидаться только одна польза. Кстати, вы поможете мнѣ вести хозяйство, а вечеромъ придется порепетировать уроки съ Мери. Это не трудно, такъ какъ она довольно способная и трудолюбивая дѣвочка. Что-же касается вознагражденія, то вы наз-

начьте его сами. Двѣ комнаты въ моемъ домѣ къ вашимъ услугамъ. Я думаю, не слѣдутъ прибавлять, что лѣтомъ у насъ на мызѣ чудесно! Совсѣмъ не чувствуется Петербурга по близости. Мы съ Мери ежегодно въ лѣтнее время уѣзжаемъ за границу и вы останетесь полновластными хозяевами дома съ дѣтьми.

Съ каждымъ новымъ словомъ, съ каждою новою фразою, произносимою Снѣгорской, щеки Марьи Ивановны Ивиковой разгорались все ярче и ярче. Сильное волненіе захватило бѣдную учительницу. Ей казалось, что добрая фея спустилась къ ней изъ міра волшебныхъ грезъ и принесла съ собою это неожиданное, жгучее счастье. Въ первую минуту она ничего не могла отвѣтить; она задыхалась отъ волненія. Слезы готовы были брызнуть изъ ея глазъ, руки дрожали. Яркія пятна румянца то вспыхивали, то пропадали на ея исхудаломъ лицѣ. Могла-ли она ожидать подобнаго счастья. Имѣть хорошій столъ для ея ненаглядныхъ Шуры и Коли, удобныя свѣтлыя сухія комнаты, свѣжій загородный воздухъ, получать обезпеченное содержаніе, не бѣгая по урокамъ и, наконецъ, имѣть возможность быть близко къ дѣтямъ, слѣдить за ихъ каждымъ шагомъ, заниматься наравнѣ съ воспитаніемъ чужой дѣвочки и ихъ воспитаніемъ, о это было слишкомъ хорошо для нея, бѣдной труженицы—вдовы!

Мало-по малу, Марья Ивановна успокоилась немного и отъ души поблагодарила Снѣгорскую.

Обѣ женщины рѣшили, что, не откладывая дѣло въ долгій ящикъ, Ивиковы переѣдутъ на мызу какъ только Шурочка поправится отъ своего кашля. Тѣмъ болѣе, что срокъ отъѣзда Екатерины Васильевны, старой гувернантки, наступалъ въ ближайшіе дни.

До поры до времени рѣшено было ничего не со-

общать дѣтямъ. Но Мери на обратномъ пути допыталась, однако, у своей баловницы мамы о готовившихся въ ихъ домѣ перемѣнахъ. И восторгу дѣвочки не было границъ.

Не менѣе ея обрадовались и дѣти Ивиковы предстоящему въ ихъ жизни событію.

Особенно счастлива была Шурочка.

— Это все Валетка! Милый нашъ Валетка устроилъ. Какъ мы должны его за это любить и нѣжить и баловать—повторяла она нѣсколько разъ на дню, принимаясь отъ избытка радости цѣловать то мать, то брата.

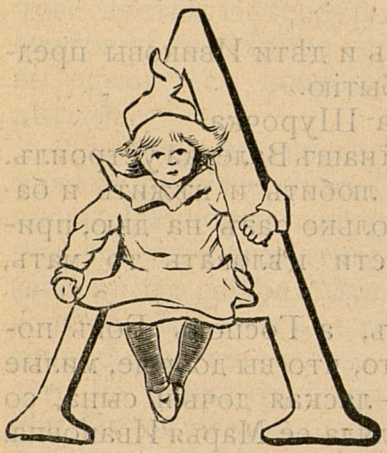
— Не Валетка устроилъ, а Господь Богъ послалъ вамъ это счастье за то, что вы добрые, милые дѣти и любите свою маму!—лаская дочь и сына, со своей милой улыбкой поправляла ее Марья Ивановна.

Не позже какъ черезъ недѣлю обѣ маленькія семьи соединились въ одну большую. Не обмануло вѣщее сердце Нину Павловну. Снѣгорская нашла вѣрнаго друга и помощницу въ лицѣ Марьи Ивановны Ивиковой, добрую, исполнительную и работящую.

Дѣти подружились. Они всѣ трое были неразлучны теперь. Нечего и говорить, что къ этому тріумвирату примкнулъ и другой. Негри, Дези и Валетка были постоянными товарищами и спутниками троихъ друзей.

И, разумѣется, первенствующее мѣсто въ симпатіи дѣтей занималъ Валетка.

— Не было-бы Валетки, не выпало-бы намъ на долю такого хорошаго житья. и бѣдная наша мамочка, въ концѣ концовъ, надорвалась-бы въ работѣ,—повторяли часто Шурочка и Коля и непрерывно ласкали Валетку, принимавшаго эти ласки какъ должную дань.



Первое слово.

НННОЧКА! Что это за безобразіе, право, куда могли дѣваться мои калоши?

— Послушайте, Анночка! Вчера я оставилъ на папиномъ письменномъ столѣ мою задачу по алгебрѣ. Куда она запропастилась?

— Анночка! Анночка! Пускай Витька отдастъ мнѣ мой паровозъ! Это мнѣ подарили паровозъ, а не Витькѣ! Скажите ему, чтобы не смѣлъ таскать у меня моихъ игрушекъ.

— Анночка, да гдѣ же вы, наконецъ? Причешите меня! Черезъ полчаса надо уѣзжать, папа торопитъ, а вы куда-то исчезли. Терпѣть не могу пріѣзжать въ оперу послѣ поднятія занавѣса на сценѣ! Ахъ, Анночка, да поторопитесь-же, ползаете какъ черепаха!

— Анночка! Разотрите мнѣ ноги! Опять начались эти ужасныя боли. Что это, вѣрно снова оттепель на дворѣ?.. Боже мой, какая вы счастливица, Анночка, что вы всегда здоровы... А въ аптеку сбѣгали за летучей мазью? Нѣтъ еще? Ахъ, какая вы право! Вѣдь отлично знаете, что одно для меня спасенье отъ моихъ болей, это—летучая мазь.

Маленькая, некрасивая, съ легкой просѣдью въ жидкихъ волосахъ женщина лѣтъ сорока съ неболь-

Первое слово.

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

шимъ и какими-то растерянными глазами, летала изъ комнаты въ комнату, едва касаясь ногами пола большой квартиры Звенигородскихъ. На ней лежала едва-ли выполнимая задача: надо было отыскать Лялины калоши, брошенныя второпяхъ по возвращеніи изъ гимназіи посреди прихожей, и благополучно увлеченныя игривымъ щенкомъ Дотикомъ подъ сумрачную сѣнь платяного шкапа. Лялечка—гимназистка, нетерпѣливая, юная четырнадцатилѣтняя особа, торопилась на катокъ и злополучныя калоши надо было сыскать сейчасъ же. Ванѣ найти его алгебраическую задачу, которую онъ могъ оставить всюду, но только не на отцовскомъ письменномъ столѣ, гдѣ ея не было. Слѣдовало разнять дравшихся изъ-за игрушечнаго паровоза близнецовъ Витю и Алю. Необходимо было завить и причесать передъ театромъ, куда она ѣхала слушать оперу съ отцомъ, старшую барышню Звенигородскую, бѣлокурую, очень много занимавшуюся своей внѣшностью Вѣрочку. И, наконецъ, растереть летучей мазью распухшія отъ ревматическихъ болей ноги самой Софьи Степановны Звенигородской.

Мази подъ рукою не было. Слѣдовательно, необходимо было бѣжать за нею въ аптеку. Но еще необходимѣе напоить всѣхъ чаемъ и перемыть чайную посуду, потому что горничная Даша больше умѣетъ бить, нежели приводить въ порядокъ чайный сервизъ.

Но, какъ это ни странно, „вездѣсущая“ Анночка поспѣваетъ всюду и исполняетъ какъ по щучьему велѣнью все, рѣшительно все, что требуется отъ нея. Она отыскиваетъ засунутыя подъ шкапъ калоши, находитъ гдѣ-то за умывальникомъ алгебраическую задачу: умудряется подѣлить между двумя разодравшимися мальчиками паровозъ, сооружаетъ великолѣпную прическу на головѣ Вѣрочки, не упу-

ская въ то же время случая сбѣгать въ аптеку и принести требуемую мазь. Пока всѣ заняты чаепитіемъ, она проворно, ловко и искусно, не хуже любой фельдшерицы, растираетъ больныя, опухшія ноги Софьи Степановны. Потомъ наскоро моетъ руки и бѣжитъ снова въ столовую наливать желающимъ чая по второму стакану.

А тамъ уборка посуды, укладываніе спать младшихъ членовъ семьи, поджиданіе возвращенія изъ оперы старшихъ. Снова приготовленіе тартинокъ къ ужину, снова разливаніе чая и мытье стакановъ и чашекъ. И такъ до двухъ часовъ ночи. А утромъ ровно въ шесть надо вставать, снова будить кухарку, заказывать ей обѣдъ и идти съ нею на рынокъ.

Къ семи необходимо уже быть дома, поднимать и снаряжать въ гимназію дѣтей. Затѣмъ заниматься до завтрака съ малышами. Идти послѣ завтрака за Лялей въ школу, а послѣ нея дрогнуть на каткѣ, пока барышня наслаждается тамъ катаньемъ.

Обѣдъ въ пять часовъ. Необходимо еще успѣть приготовить соусъ и салатъ къ жаркому. Потомъ, послѣ обѣда заняться починкой бѣлья и платья и опять причесывать на балъ или на вечеръ Вѣрочку; растирать ноги больной Софьѣ Степановнѣ, поиграть съ Алей и Витей, напоить всѣхъ снова чаемъ, накормить холоднымъ ужиномъ, и такъ все время до поздней глубокой ночи.

* * *

— Откуда вы пріобрѣли вашу Анночку? Вѣдь это незамѣнимое сокровище у васъ въ домѣ!—часто спрашиваютъ Звенигородскихъ ихъ родственники и знакомые.

— А, помилуйте! Ничего въ ней нѣтъ особеннаго, въ этой Анночкѣ. Какое тамъ сокровище!—

слышатся недовольныя возраженія.—Правда, она работящая и трудолюбивая, но зато ужъ и характерецъ! Никогда не услышишь у нея ни одного ласковаго слова. Сухая, черствая какая-то, безсердечная. Никогда никто изъ дѣтей не видалъ ея ласки, не слышалъ нѣжнаго слова. Просто машина какая-то. Исполнительная, трудолюбивая, а все-таки машина. Настоящая старая дѣва.

— Но она такъ привязана къ вашей семьѣ, точно родная, такъ живетъ вашими интересами! — не унимается гостья.

— Да къ кому же и быть привязанной, какъ не къ намъ, подумайте сами! Вѣдь она сирота, одна одинешенька на бѣломъ свѣтѣ. Никого у нея нѣтъ кромѣ насъ. Такъ мудрено ей было бы насъ не любить и не привязаться къ нашей семьѣ. Мы ее двадцать лѣтъ тому назадъ взяли въ домъ бонной къ нашей Вѣрочкѣ, вотъ съ тѣхъ поръ она у насъ и осталась. При ней родились Ляля, Ваня, Аля и Витя. Словъ нѣтъ, она хорошая, мы всѣ къ ней привыкли, несмотря на ея черствость и сухой характеръ,—заключала постоянно этими словами свой разсказъ объ Анночкѣ Софья Степановна.

Анночка, или Анна Михайловна, казалась дѣйствительно неласковой по виду. Да ей некогда было проявлять эту ласковость и нѣжность. Всѣ ея мысли были направлены къ одному: какъ бы не упустить чего-нибудь изъ памяти, какъ бы не забыть выполнить чего-либо изъ своей повседневной работы. Она, эта работа, вертѣла Анночкой какъ вертитъ бѣлка колесо, не давая ей опомниться ни на минуту. И когда только заболѣвалъ кто-либо изъ дѣтей и Анночка, забывъ все остальное, день и ночь не отходила отъ кровати больного, тогда глаза ея пріобрѣтали какой-то мягкій влажный блескъ, лицо одухотворялось

сразу, мягко ложилась улыбка, милая и тревожная въ одно и то же время на ея обычно закаменѣвшее въ своей сухой озабоченности лицо, и даже голосъ звучалъ какъ-то иначе.

Анночка выхаживала ребенка, иногда болѣвшаго очень серьезно, и снова исчезала мягкость и милая тревога, и нѣжность съ ея лица; и снова суховато-дѣловымъ видомъ носилась она изъ одного конца квартиры въ другой, хозяйничая, работая, исполняя безчисленныя порученія хозяевъ.

— Анночка совсѣмъ насъ не любитъ, никогда не приласкаетъ,—капризно надувая губки, часто жаловалась гимназистка Ляля своимъ друзьямъ и знакомымъ.

И Аля съ Витей часто отходили недовольные отъ Анночки, занятой дѣломъ, къ которой они вдругъ получали желаніе приласкаться.

— Черствая, холодная старая дѣва! — говорила Вѣрочка Звенигородская своимъ молоденькимъ пріятельницамъ, недовольная тѣмъ, что Анночка недостаточно восторженно слушаетъ ея разсказы объ успѣхахъ Вѣрочки въ обществѣ.

Такое мнѣніе прочно и непоколебимо слышалось объ Анночкѣ и иначе какъ черствой, холодной старой дѣвой никто ее и не считалъ.

*
* * *

Это было въ очень холодный, январскій день, когда, продрогнувъ съ двухъ часовъ до пяти, пока Ляля бѣгала на конькахъ, Анночка вернулась вся закоченѣвшая домой въ своей довольно легкой шубенкѣ. За обѣдомъ, разливая супъ, она продолжала трястись отъ озноба, а къ вечеру, прикурнувъ на одну минуту головой къ подушкѣ, уже не могла больше подняться съ постели. Къ серединѣ ночи

поднялась температура, а къ утру Анночка вся горѣла въ жару. Позвали доктора и тотъ коротко констатировалъ болѣзнь однимъ словомъ: тифъ.

На другое утро безчувственную, бредившую Анночку увозили уже въ санитарной каретѣ въ больницу. Звенигородскіе никакъ не рѣшались оставить больную дома изъ боязни заразить и напугать дѣтей, и Анночку устроили въ клинику. Изъ клиники приходили тревожныя вѣсти. Больная не поправлялась, напротивъ, Анночкѣ становилось все хуже и хуже съ каждымъ днемъ.

Наконецъ пришла и послѣдняя печальная вѣсть изъ больницы: Анна Михайловна скончалась поздно вечеромъ, не приходя въ себя. Семья Звенигородскихъ сидѣла вся въ сборѣ за вечернимъ чаемъ, когда больничный служитель принесъ эту печальную вѣсть. Софья Степановна сильно разстроилась. Ей было жаль Анночки какъ погибшаго безвременно человѣка, но еще болѣе жаль какъ преданнаго, вѣрнаго слугу, впродолженіи двадцати лѣтъ подъ-рядъ ревностно соблюдавшую интересы ея семейства.

Хорошенькая Вѣрочка, услышавъ про Анночкину кончину, прослезилась.

— Жаль Анночку... — прошептала она. И тутъ же совсѣмъ не во-время и некстати пришла мысль о томъ, какъ хорошо умѣла дѣлать прически Анночка и что теперь никто уже не съумѣетъ угождать ей, Вѣрѣ.

Ваня въ свою очередь пожалѣлъ умершую, не приминувъ вспомнить, какъ умѣла она держать въ порядкѣ его ранецъ, книги и всѣ его школьныя принадлежности.

Младшія дѣти Аля и Витя не совсѣмъ хорошо поняли того, что умерла Анночка и что они никогда, никогда уже ее не увидятъ и не услышатъ

больше. Пятилѣтніе мальчики были еще слишкомъ молоды для того, чтобы понять всю важность ихъ потери. Но увидя слезы на глазахъ матери и старшей сестры, они заплакали тоже, сами не зная, отчего плачутъ.

— Ну, что-жъ дѣлать, плачь не плачь, а Анночку не вернешь этимъ къ жизни, —произнесъ Александръ Павловичъ Звенигородскій.—Хорошій былъ человѣкъ Анночка, помянуть ее надо, помолиться за нее хорошенько, а плакать нечего. Богъ знаетъ, чѣмъ бы осложнился тифъ, если бы даже Анночка и выздоровѣла кое-какъ. Вѣдь она сильно простудила голову на каткѣ, помните, все жаловалась на головную боль? Тифъ могъ легко перейти на воспаленіе мозга, а воспаленіе часто заканчивается сумасшествіемъ.

Александръ Павловичъ еще не договорилъ послѣдняго слова, какъ гимназистка Ляля, тихонько отодвинувъ свой стулъ, незамѣтно вышла изъ столовой. Сердце дѣвочки билось тревожно; мысли одна другой мрачнѣе лѣзли въ голову. Да, она не сомнѣвалась больше: бѣдная Анночка погибла изъ за нея... Она заболѣла оттого, что простудилась на каткѣ въ то холодное вѣтряное воскресенье. Ахъ, какъ могла она Ляля такъ мучить бѣдную Анночку! Ей, Лялѣ, было весело кататься съ подругами и ихъ братьями, порхать носиться по гладкому льду подъ звуки музыки военнаго оркестра. А каково-то было Анночкѣ зябнуть, сидя на мѣстѣ въ ея холодной шубенкѣ. Она и въ грѣлку-избушку не заходила почти совсѣмъ, чтобы не выпускать изъ вида Лялю, чтобы быть около нея въ случаѣ Лялинаго паденья, ушиба или какой либо другой нежелательной случайности. Да, несомнѣнно бѣдная Анночка погибла жертвою своей привязанности къ другимъ.

Эта мысль такъ сильно захватила Лялю, такъ

глубоко и болѣзненно защемила ея сердце, что Лялю нестерпимо потянуло увидѣть сейчасъ, если не самое Анночку (увы, уже мертвую теперь!), такъ хотя бы ея изображеніе. Дѣвочка знала, что въ комнаткѣ Анночки, въ письменномъ столѣ послѣдней, всегда хранились портреты всей семьи Звенигородскихъ, даренные въ разное время Анночкѣ; что среди этихъ фотографическихъ карточекъ есть и общія группы, гдѣ снята и покойная Анночка вмѣстѣ со всѣми. Значитъ, она можетъ отыскать и увидѣть ея изображеніе. Быстро, почти бѣгомъ, Ляла, прошла въ маленькую, невзрачную по обстановкѣ, но удивительно чистенькую комнатку Анночки, чиркнула найденными въ темнотѣ спичками, зажгла лампу и присѣла къ письменному столу, оказавшемуся не закрытымъ на ключъ, по счастью.

Вотъ ихъ группа! Вотъ и сама Анночка съ ея серьезнымъ суховатымъ лицомъ безъ улыбки, и дѣловито-озабоченными глазами. А это что за тетрадка или записная книжечка лежитъ въ сторонѣ? Ляля помимо собственной воли, руководимая далеко не любопытствомъ, а какимъ-то страннымъ, ей самой непонятнымъ желаніемъ, протягиваетъ руку къ небольшой клеенчатой тетрадкѣ, ветхой, пожелтѣвшей отъ времени и раскрываетъ ее. На первой страницѣ запись бѣлья, сданнаго прачкѣ, сдѣланная хорошознакомымъ неровнымъ почеркомъ Анночки. На второй счетъ обѣда... На третьей опять счетъ... Давнишніе счета! Они относятся еще къ тому времени, когда сама Ляля была крошечной дѣвочкой-бэби, а Вани, Вити и Али не существовало еще на свѣтѣ.

— Ахъ, вотъ какъ разъ записанъ и годъ рожденія Вани тѣмъ же характернымъ почеркомъ Анночки: «такого-то января, года 18... у насъ родился маль-

чикъ. Боже, помилуй его и дай ему подняться на ноги честнымъ, здоровымъ и хорошимъ человѣкомъ».

И дальше: «Такого-то марта заболѣла Вѣрочка. Храни ее Господь... Страшно подумать, что мы лишимся этого милаго ласковаго ребенка...»

«Такого-то іюля, такого-то года: вернулись наши изъ заграничной поѣздки. Слава Богу, а я ужъ думала, что умру съ тоски по нимъ».

Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ записей, возвѣщающихъ о болѣе или менѣе важныхъ событіяхъ въ жизни Звенигородскихъ. И, наконецъ, глаза Ляли упали на четко выписанную строчку.

«Такого-то года, февраля такого-то: Она, моя любимая крошка Лялечка, произнесла своимъ милымъ ротикомъ первое слово: кукла. Любимая моя дѣточка, да хранитъ тебя Господь!»

Старая тетрадка выскользнула изъ рукъ Ляли и сама Ляля, упавъ головою на столъ, глухо, судорожно разрыдалась на всю квартиру. Когда встревоженные, испуганные родители, сестра и братья, заслыша эти душу раздирающія рыданья, прибѣжали въ маленькую Анночкину комнату и наперерывъ засыпали Лялю вопросами о причинѣ ея слезъ, дѣвочка могла только проронить едва понятно, между всхлипываніями и стонами, такъ и рвавшимися изъ ея груди:

— Милая, добрая, ласковая, хорошая! Какъ она насъ любила! Какъ относилась къ намъ всѣмъ дѣтямъ... А мы-то... Мы-то... не понимали ее... Сухою... черствою старой дѣвой называли... И я... И я... тоже... А она... она... умерла изъ-за любви ко мнѣ... Изъ за меня простудилась... Да... да... да!.. И любила насъ такъ сильно...—и новый взрывъ рыданій огласилъ комнату.

Матреша.

I.

Степановны на кухнѣ сидѣла гостья изъ деревни, ея четырнадцатилѣтняя племянница Матреша. Степановна, дородная, внушительнаго вида женщина, уже двадцать лѣтъ служитъ на мѣстахъ въ большомъ городѣ «одною прислугою». Двадцать лѣтъ не малое время, чтобы изъ простой крестьянки превратиться въ настоящую городскую жительницу, узнать столицу вдоль и поперекъ, знать, гдѣ и что можно купить подешевле, какъ пройти или проѣхать на электричкѣ, либо на конкѣ поскорѣе, не теряя времени на лишній путь,—словомъ научиться всему тому, что недоступно вовсе простой деревенской жительницѣ.

Матреша, Степановнина племянница, напротивъ, была настоящею «деревенщиною», какъ ее то и дѣло

съ ласковымъ упрекомъ называла тетка. Оторванная отъ косы и плуга, отъ коровы Буренки и пѣгаго Гнѣдки, отъ маленькой избенки, гдѣ домовничала ея мать, вдова съ двумя взрослыми сыновьями, Матрешиными братьями, дѣвочка со случайной попутчицей пріѣхала на побывку къ теткѣ погостить съ недѣльку въ городѣ.

Городъ и испугалъ, и оглушилъ, и изумилъ Матрешу съ первой же минуты ея появленія въ немъ. Толпа на вокзалѣ, суетня носильщиковъ, крики извозчиковъ, звонки трамваевъ, роскошныя витрины магазиновъ и огромные подъ «самое небо», какъ казалось маленькой деревенской обывательницѣ, дома, все это поражало и несказанно смущало Матрешу. Теперь она сидѣла распаренная и красная, какъ вареный ракъ, отъ восьми чашекъ чая съ малиновымъ вареньемъ и отъ массы пережитыхъ впечатлѣній.

— И какъ это вы здѣсь спать можете, тетенька... Лошади то мимо дома да машины эти самыя то и дѣло скачутъ да гремятъ!—ахала и охала дѣвочка.

— Ахъ ты, деревня-матушка,—добродушно смазавъ ее по лицу всей своей пухлой пятернею, произнесла съ усмѣшкой Степановна: небось привыкши мы ко всему этому. Да и какъ уморимся за день-то съ работой, такъ не только тебѣ топота лошадинаго да трамвайныхъ звонковъ, грома, кажись, небеснаго не услышишь. А ты вотъ что, дѣвушка, попила-поѣла, теперь пособи мнѣ съ посудой управиться. У насъ черезъ часъ обѣдъ. А мнѣ еще пирожки дѣлать надо.

— Ладно, тетенька, пособлю! Я работать-то гораздъ какъ шибко умѣю,—не безъ доли нѣкотораго хвастовства замѣтила Матреша. Степановна ухмыльнулась только и, сунувъ въ руки племянницѣ мочалку, мыло и полотенце, кивнула ей въ сторону

наваленной послѣ завтрака на кухонномъ столѣ груды невымытой посуды. Матреша, подоткнувъ свою хрустящую новую юбку изъ пестраго ярко-розоваго ситца и повязавшись сверхъ своего чистенькаго бѣлаго вышитаго по деревенски пѣтушками передника, грязнымъ теткинымъ, бойко приступила къ работѣ. Съ какимъ-то благоговѣніемъ и душевнымъ трепетомъ перемывала она всѣ эти изящныя, красивыя фарфоровыя тарелки большія и маленькія съ рисунками посерединѣ и золотымъ ободкомъ по краямъ. Нѣжно перетирая ихъ полотенцемъ, точно это были живыя существа, Матреша любовно, съ ласковой осторожностью прикасалась къ нимъ пальцами. Вотъ, среди общей груды попалась одна вещица менѣе похожая на другія. Это было очаровательное хрупкое большое блюдце-вазочка для конфектъ или печенья изъ тончайшаго прозрачнаго хрусталя. Увидя эту вещицу, Матреша такъ и замерла на мѣстѣ отъ восторга. Вѣдь надо же было умудриться сдѣлать такую! Взявъ двумя пальцами одной и другой руки за края хрустальной тарелочки, она приподняла ее повыше къ самому лицу и, разсматривая на свѣтъ, громко выражала свой восторгъ и удивленье.

Неожиданный звонокъ въ передней возвѣстилъ о возвращеніи домой господъ. Этотъ звонокъ своей внезапностью такъ напугалъ Матрешу, что пальцы ея невольно разжались, а руки выпустили хрустальную тарелочку...

— Дзинь! Дзинь! Дзинь!—прозвучала жалобно послѣдняя, разбиваясь на десятокъ маленькихъ осколковъ на полу кухни.

— Ахъ, чтобъ тебя!—вырвалось изъ груди Степановны,—ахъ, ты, Господи... Батюшки-свѣты, что мнѣ дѣлать съ тобою теперь, обломъ ты несча-

стный, косолапая деревенщина! Вѣдь угораздило же тебя заграничную вазочку расколотить. Барыня ее изъ-за границы привезла, всѣмъ ею хвастала, цѣны ей этой вазочкѣ нѣтъ, а ты ее разбила!.. И я то, дурья голова, дала тебѣ ее со всею прочею посудою... Бить меня за это мало! Ну, дѣвушка, одно теперь тебѣ спасенье... Ступай ты, какъ отобѣдаютъ господа, прямо въ гостиную да имъ въ ноги и повинись—разбила, молъ, заграничную тарелку хрустальную, что хотите, то и дѣлайте, виновата, молъ, либо помилуйте, либо казните, ваша, молъ, воля на то! Поняла?

— Поняла!—убитымъ голосомъ отозвалась Матреша, вся дрожа какъ въ лихорадкѣ отъ испуга и отчаянія.

Должно быть, ужъ очень взволнованнымъ показалось ея лицо Степановнѣ, потому что послѣдняя сразу смягчилась и даже по головѣ погладила Матрешу:

— Ну-ну, ладно, не хнычь! Господа то у насъ добрые. Небось головы не снимутъ. Ты, Матрешенька, не робѣй. И такъ какъ звонокъ все еще продолжалъ энергично звонить на всю квартиру, Степановна, опрометью, насколько позволяли ей ея отяжелѣвшія подъ старость ноги, бросилась въ переднюю открывать дверь.

II.

Семья Ракитовыхъ, состоящая изъ отца, матери и двухъ дочекъ гимназистокъ, съ удовольствіемъ и аппетитомъ пообѣдала сегодня. Передъ обѣдомъ была сдѣлана большая прогулка пѣшкомъ, которая не мало способствовала развитію аппетита. Къ тому же и пирожки къ супу, и рулетъ съ гарниромъ, и блинчики

съ вареньемъ особенно удались нынче Степановнѣ и словно «сами влетали въ ротъ» по выраженію старшей дѣвочки Ракитовыхъ Маруси. Алексѣй Григорьевичъ (самъ Ракитовъ) былъ въ особенно хорошемъ настроеніи сегодня. Во первыхъ, Маруся и Соня радовали своими успѣшными занятіями родителей. Обѣ дѣвочки принесли въ послѣдней четверти круглую пятерку и были на счету первыхъ лучшихъ ученицъ въ классѣ. Во вторыхъ, чтобы порадовать и вознаградить дѣтей, Алексѣй Григорьевичъ купилъ по случаю нѣсколько дней тому назадъ очень хорошую вещицу у своихъ знакомыхъ.

Вещица оказалась прекраснѣйшимъ граммофономъ, исполняющимъ и аріи Шаляпина, и цыганскія пѣсни, и комическіе разсказы. Вотъ уже три дня каждое послѣ-обѣда, пока пили кофе въ столовой, Маруся или Соня заводили машину по желанію отца, и грамофонъ развлекалъ своей музыкой маленькое семейство.

— Ну, наши то обѣдъ кончаютъ, ты не мямли. Ступай скорѣе, да, какъ я говорила, барынѣ-то въ ноги бухъ! Такъ, молъ, и такъ: разбила тарелочку, не взыщите,—поучала Степановна племянницу, тихонько выталкивая ее за дверь кухни. Вся трепеща отъ страха, перешагнула роковой порогъ Матреша, поминая въ мысляхъ царя Давида и всю кротость его и крестясь истовымъ деревенскимъ крестомъ.

За прихожей находилась гостиная, за гостиной столовая, откуда слышались голоса, звонъ ножей и вилокъ и веселый смѣхъ. Вдругъ застучалъ отодвинутый стулъ въ столовой и не успѣла Матреша отпрянуть назадъ въ прихожую, какъ дѣвочка лѣтъ двѣнадцати въ коричневомъ платьѣ и черномъ передникѣ быстро вбѣжала въ гостиную и, не замѣчая Матреши, подскочила къ столу. Матрешѣ не видно было, что она дѣлала у стола, потому что дѣ-

вочка стояла къ ней спиною, да и сама Матреша со страха спряталась за портьеру, закрывающую смежную съ прихожей дверь.

Но вотъ дѣвочка убѣжала снова и Матреша выступила изъ своего убѣжища. Теперь робкими, нерѣшительными шагами она направилась къ дверямъ столовой, не обращая вниманія на непривычную ей обстановку господской квартиры, съ мыслью какъ-бы предотвратить непріятность изъ-за разбитой вещи.

Вотъ она уже почти приблизилась къ порогу столовой. И вдругъ... Какой-то глухой крикъ, какое то не то шипѣнье, не то кряхтѣнье либо умирающаго человѣка, либо сердитаго звѣря (такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Матрешѣ) наполнило сразу своими звуками комнату. Обезумѣвшая отъ страха, дѣвочка ринулась въ сторону и забилась въ уголъ. Хрипѣнье, сопѣнье и оханье продолжались не долго. Неожиданно они перешли въ громкое пѣніе. Невидимый человѣкъ, очевидно, спрятавшійся подъ столомъ гостиной, откуда, какъ казалось, Матрешѣ летѣли звуки, громкимъ басистымъ голосомъ пѣлъ-гремѣлъ теперь на всю квартиру, грозя убить, погубить кого-то.

Никогда не слышала такого громкаго голоса Матреша, никогда не слышала, чтобы люди въ пѣсняхъ грозились убійствомъ, все это являлось такимъ внезапнымъ и страшнымъ для бѣдной деревенской дѣвочки, что она, не помня себя, заорала въ свою очередь источнымъ голосомъ на всю квартиру:

— Не убивай, дяденька, не буду, ей-Богу не буду! Прости, дяденька, тарелку разбила! Не буду никогда болѣ! Ей Богу не буду, только не убивай!

И залилась горькими слезами.

Бѣдная Матреша! Она самымъ чистосердечнымъ образомъ вообразила, что забравшійся подъ столъ чело-

вѣкъ, узнавъ о ея проступкѣ, грозилъ убить ее за него.

— Что такое? Что случилось? Кто это плачетъ?

И всѣ четверо Ракитовыхъ, выскочивъ изъ-за стола, бросились въ гостиную.

— Дѣвочка! Ты откуда? Чего ты плачешь? Кто такая? Да перестань-же! — наперерывъ роняли и Алексѣй Григорьевичъ, и Екатерина Сергѣевна, и Маруся, и Соня.

— Да откуда-же ты взялась, дѣвочка? Чья ты?— допрашивали они.

Между тѣмъ, страшный голосъ, выходившій изъ-подъ стола гостиной, продолжалъ гудѣть и грохать попрежнему, все больше и больше пугая Матрешу. И она теперь только и твердила одно и то же:

— Боюсь! Боюсь! Боюсь!

Неожиданно выглянула изъ кухни Степановна. Ея лоснящееся лицо, да и вся рыхлая фигура носили слѣды явнаго смущенія.

— Барыня-матушка! Баринъ, голубчикъ! Простите ради Господа!.. Племянница это моя, Матрешка, изъ деревни ко мнѣ въ отсутствіе ваше погостить пріѣхала, а тутъ и несчастье это случилось, ну и напугалась до смерти дѣвочка, сама не своя, дрожмя дрожитъ...

— Какое несчастье?—въ одинъ голосъ прервали Ракитовы Степановну, и явная тревога отразилась на ихъ лицахъ.

— Ахъ, ты, Господи—напасть сущая, дала ей посуду перемыть, а она, косолапая, тарелку разбила, обломъ этакій, деревенщина!

— Ахъ, ты, Господи! Я думала, правда, несчастье,— умеръ, заболѣлъ кто нибудь у дѣвочки! — со вздохомъ облегченія вырвалось у Екатерины Сергѣевны Ракитовой.

— Да какъ же не несчастье, барыня-голубушка! Тарелочка-то какая! Хрустальная, заграничная! Бросайся-же въ ноги барынѣ, обломъ, чего стоишь выпуча глаза, зря-то!—прикрикнула строгимъ голосомъ на племянницу Степановна.

— Ахъ, оставь ее... Ты развѣ не видишь—сама не своя дѣвочка... Богъ съ ней и съ хрустальной тарелкой,—вмѣшался Алексѣй Григорьевичъ. - Успокойся, дѣвочка, никто тебя не накажетъ!—ласково обратился онъ ко все еще рыдавшей Матрешѣ.

Въ эту минуту страшный голосъ замолкъ и относительная тишина наступила въ гостиной. А разъ угрозы громоваго голоса прекратились, Матрешѣ нечего было уже бояться и она мало-по-малу пришла въ себя. А тутъ еще добрая барыня говорила ей такія ласковыя слова, обѣщая забыть разбитую тарелку и отпустить вину ей, Матрешѣ. А двѣ хорошенькія господскія барышни успѣли уже сбѣгать въ столовую и принести оттуда одна яблоко, другая апельсинъ, которыя и совали незамѣтно ей въ руки.

Потомъ всѣ ушли доканчивать обѣдъ въ столовую, пить кофе. А Матреша, уведенная въ кухню Степановной, долго еще всхлипывала, вытирая слезы узорчатымъ рукавомъ ситцевой кофты.

— Ну, чего теперь-то ревешь, глупая!—вышла, наконецъ, изъ себя обычно добродушная Степановна, которой уже надоѣли слезы племянницы.—Видишь, какъ ладно все вышло!.. Ты разревѣлась кстати, господа сами пришли, напуганные... Простили тебя... Чего-жъ ты? Садись обѣдать лучше... Пирожкомъ угощу, да такимъ, какого ты и въ жизни не ѣдала, дѣвушка!

— А енъ не придетъ, развѣ, тетенька?—съ опаской косясь на дверь кухни, спросила Матреша.

— Да кто не придетъ-то? Баринъ? Да ежели и

Матреша.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

придетъ, такъ тебѣ печаль какая? Сказано русскимъ языкомъ, кажись: простили тебѣ, не будетъ взыска за тарелку разбитую. Чего ужъ тутъ...

— Да я не о баринѣ... Я про другого... Подъ столомъ сидѣлъ который, да оралъ такъ страшнѣюще оттеда, убить грозился. Убью, гритъ, али поетъ што-ли—убью! Ой боязно, тетенька!

И Матреша, закрывъ лицо рукавомъ, снова приготовилась, было, завыть въ голосъ на всю квартиру. Но тутъ уже Степановна, сообразивъ въ чемъ дѣло, пришла въ неописуемо-веселое настроеніе.

— Такъ это ты граммофона испугалась, дура ты, деревенщина! — расхохоталась она,—а я-то думала, она со страху отъ разбитой тарелки реветъ. Такъ вѣдь это былъ не человѣкъ, а машина, Матреша! Понимаешь, машина, граммофонъ, называется, у нихъ, по господскому. Видѣла на столѣ въ гостиной ящикъ стоитъ съ трубой. Ее заведи только, такъ она тебѣ и по человѣчьему споетъ, и по собачьему слаетъ, и поѣздъ какъ свиститъ представитъ, и опять-таки какъ трубачи затрубятъ, али тамъ скрипки запиликаютъ, не то гармонь...

— Царь Небесный!—съ благоговѣйнымъ ужасомъ проронила Матреша,—и по человѣчьи говоритъ, и по собачьи лаетъ?

— Обязательно. И музыку, и пѣніе разное повторяетъ... Слышишь? Завели опять!

Дѣйствительно, изъ гостиной на кухню долетало теперь громко и ясно новое пѣніе. Оно сразу показалось знакомымъ Матрешѣ. У нихъ въ деревнѣ дѣвушки поютъ ее...

— Во саду-ли, въ огородѣ,—выводилъ на этотъ разъ граммофонъ высокимъ женскимъ голосомъ.

— Пѣсня-то никакъ наша, деревенская? Правду-ль говорю, тетенька?—вся внезапно радостно просіяла

Матреша и уже безо всякаго страха подошла къ дверямъ гостиной, притаилась за нею и съ наслажденіемъ вслушивалась въ знакомыя слова и мотивъ.

Когда черезъ недѣлю Матреша вернулась съ побывки въ свою родную деревню, разсказамъ ея о городской жизни не было конца. Вмѣстѣ съ десятками поклоновъ отъ городской тетеньки и столичными гостинцами въ видѣ фунта кофе, двухъ фунтовъ сахару, четвертушки чая, куска шерстяныхъ „остатковъ“ и сапогъ матери, она привезла неисчерпаемый запасъ всякихъ новостей о столичной жизни.

Разсказывала Матреша въ деревнѣ и о широкихъ улицахъ, и о высокихъ домахъ, и о богатѣйшихъ магазинахъ, и о трамваяхъ, и о господахъ въ нарядномъ платьѣ, и о машинѣ, наконецъ, которая говоритъ и поетъ по человѣчьему, лаетъ по собачьему и свиститъ какъ соловей.

Всему повѣрили, всѣмъ разсказамъ Матреши, кромѣ послѣдняго.

— Ну, ужъ это ты оставь, это ты завралась, дѣвушка! — прикрикнулъ на нее старшій братъ и обѣщалъ прописать ей «баню», ежели она совретъ еще разъ что-либо подобное. Матреша обидѣлась не на шутку и рѣшила казнить близкихъ своихъ молчаніемъ—не разсказывать имъ больше ничего о своей богатой впечатлѣніями городской поѣздкѣ.

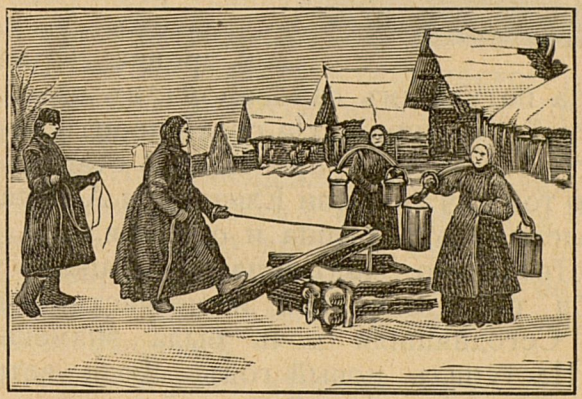
Каково же было торжество Матреши нѣкоторое время спустя: изъ оконъ дома лавочника Кузьмы Демьяновича полились гулкою волною знакомые уже Матрешѣ звуки нѣкогда напугавшей ее до полусмерти „машины“.

Лавочникъ Кузьма Демьяновичъ пріобрѣлъ граммофонъ и услаждалъ имъ слухъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. Теперь передъ лавкою въ тѣ часы, когда дѣйствовала „машина“, собиралось всегда не

малое число слушателей. Матреша почти всегда находилась среди нихъ, простаивала часами подъ окнами лавочникова дома и потомъ торжествующая возвращалась домой.

— Ага, что? Наврала! Нѣтъ такой машины, скажешь, соврала тебѣ Матрешка, соврала? а?—приставала она къ обидѣвшему ее еще недавно недовѣріемъ старшему брату.—Небось, сами видите таперича, что это за машина такая! заключала она съ полнымъ торжествомъ и уже совсѣмъ тихо, чуть слышно прибавляла, съ опаской, однако, бросая презрительно-негодующій взглядъ на брата:

— Деревеньщина!



Подъ новый годъ.

Докторша Елизавета Александровна Гринецкая сидѣла за потухшимъ самоваромъ въ своей маленькой уютной квартиркѣ. На столѣ передъ нею стоялъ нетронутый ужинъ. А простывшій стаканъ чая говорилъ о томъ, что мысли Елизаветы Александровны были далеки и отъ ужина и отъ чая.

Дѣйствительно, докторша Гринецкая чувствовала себя такой одинокой и несчастной въ этотъ вечеръ. Сегодняшняя ночь была знаменательною ночью. Наступалъ новый годъ. Люди встрѣчаютъ его всегда или въ тѣсной родной семьѣ или въ веселомъ обществѣ. Но Елизавету Александровну не тянуло въ веселое общество, а семьи у нея не было съ тѣхъ поръ, какъ... Вотъ это-то „съ тѣхъ поръ какъ“, это-то печальное обстоятельство, самое тяжелое, что было въ жизни Гринецкой, и приводило ее въ такое угнетенное состояніе духа, заставляя забывать объ ѣдѣ.

А между тѣмъ, четыре года тому назадъ она еще была такъ счастлива эта бѣдная, одинокая Елизавета Александровна.

Вдова офицера, оставившаго ее послѣ смерти безо всякихъ средствъ съ крохотной пенсіей, молоденькая еще въ то время Гринецкая рѣшила пойти на медицинскіе курсы, чтобы вырастить и поднять на ноги свою единственную малютку дочь, оставшуюся трехлѣтней сироткой послѣ смерти отца.

Цѣлыя пять лѣтъ усердно занималась молодая женщина. И наконецъ труды ея увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Она получила дипломъ доктора и могла начать практику. Ея дочурка Лидочка подросла къ этому времени и Елизавета Александровна лично подготовила ее въ гимназію. Но Лидочка училась неважно. Это была лѣнивая, избалованная и легкомысленная дѣвочка, большая кокетка по натурѣ, не умѣвшая къ тому же выбирать себѣ достойныхъ, хорошихъ подругъ. И подруги, выбранныя Лидочкой, были такія же, какъ она, лѣнивыя, эгоистичныя, пустыя. Елизавета Александровна, цѣлыми днями ѣздя по больнымъ или принимая ихъ у себя, не могла удѣлять своей дѣвочкѣ столько времени, сколько ей этого хотѣлось. Возвращаясь къ обѣду домой, она перекусивъ наскоро, принималась помогать въ приготовленіи уроковъ Лидочкѣ.

Разсѣянность и лѣнь дѣвочки часто заставляли тяжело задумываться ея мать. А любовь Лидочки къ нарядамъ, къ мишурному блеску и ея желаніе непремѣнно заставлять людей обращать на себя вниманіе часто огорчали Гринецкую.

Наконецъ Лидочка кое-какъ, несмотря на помощь матери, окончила гимназію.

Тутъ Елизавета Александровна вздохнула нѣсколько свободнѣе. Она думала, что съумѣетъ убѣ-

дить свою теперь уже большую дѣвочку продолжить образованіе, заняться пѣніемъ, благо у Лидочки оказался очень красивый голосокъ, словомъ, внушить своей дочуркѣ ту любовь къ труду, которая наполняла все ея собственное существо. Но, противъ ожиданія, Лидочка наотрѣзъ отказалась идти въ консерваторію или брать уроки пѣнія у частныхъ учителей. Ее не занималъ никакой трудъ, никакое дѣло. За то она съ жадностью набросилась на всевозможныя развлеченія; особенно любила она посѣщать вечеринки въ домахъ тѣхъ подругъ, которыя очень не нравились Елизаветѣ Александровнѣ. Первое время докторша Гринецкая успокаивала себя мыслью, что Лидочка еще очень молода, что ей въ диковинку всѣ эти вечеринки, оперетки и кинематографы, что время возьметъ свое, что дѣвушкѣ надоѣстъ, въ концѣ концовъ, такая праздная жизнь. Но увы! время уходило, годъ пролеталъ за годомъ, а Лидочка ничуть не измѣнялась къ лучшему.

Такъ минуло ей 18 лѣтъ. Теперь она держала себя совсѣмъ какъ самостоятельная особа, уходила въ гости и въ театръ, не спрашивая разрѣшенія матери, не совѣтовалась съ нею въ выборѣ знакомыхъ, чѣмъ очень огорчала бѣдную Елизавету Александровну.

И вотъ однажды сердцу матери былъ нанесенъ самый тяжелый, самый ужасный ударъ. Это случилось тому назадъ четыре года. И этого дня никогда не забудетъ докторша Гринецкая.

Вернувшись полуживою отъ усталости со своей докторской практики (ей приходилось работать теперь вдвое болѣе прежняго, потому что наряды и выѣзды Лидочки требовали большихъ расходовъ), она не нашла дочери дома. На столовомъ приборѣ ее ждала записка, написанная знакомымъ почеркомъ Лидочки:

„Милая мамочка! Прости меня, пожалуйста, что я поступаю безъ твоего разрѣшенія. Но я случайно познакомилась съ людьми, которые нашли у меня прекрасный голосъ. И вотъ я поступаю на сцену пѣвицей, благо мнѣ предложили очень хорошее мѣсто въ провинціи. Пожалуйста, мамочка, не сердись на меня за то, что я уѣхала отъ тебя потихоньку. Но ты-бы, иначе, не отпустила-бы меня, стала-бы отговаривать и тѣмъ помѣшала-бы мнѣ развивать мой талантъ и сдѣлаться знаменитой пѣвицей. Мои знакомые, кстати, говорятъ, что для этого вовсе не надо поступать въ консерваторію. Я возьму нѣсколько уроковъ на мѣстѣ и буду сразу выступать въ провинціи. Не сердись же. Цѣлую тебя. Твоя Лидочка“.

Какъ громомъ сразило это письмо Елизавету Александровну. Ноги у нея подкосились. Вся кровь бросилась въ голову. Закружилась голова и съ тихимъ стономъ она рухнула безъ чувствъ на полъ...

О, какое тяжелое время потянулось вслѣдъ за этимъ!

Одна только старая прислуга Аннушка, бывшая Лидочкина нянька, оставленная впослѣдствіи, когда подросла Лидочка, одною прислугою Елизаветой Александровной у нея въ домѣ, одна только вѣрная Аннушка видѣла и чувствовала муки своей госпожи.

Ударъ, нанесенный опрометчивымъ поступкомъ Лидочки, уложилъ надолго въ постель заболѣвшую очень серьезно Гринецкую. А когда Елизавета Александровна поправилась, ея черные до тѣхъ поръ волосы стали бѣлыми, какъ лунь, а на моложавомъ до сихъ поръ лицѣ протянулись глубокія борозды и морщины. Добрая Аннушка съ трогательной заботливостью ухаживала за своей госпожей. У нея на груди Елизавета Александровна и выплакала всѣ слезы.

— Ахъ, Лидочка, милая моя Лидочка! Что ты сдѣлала со мною! — заливаясь слезами, не разъ на дню повторяла въ первое время своего выздоровленія несчастная покинутая мать.—Зачѣмъ только ты не была откровенна со мною, моя Лидочка, моя бѣдная дѣтка! Зачѣмъ послушалась чужихъ, недобрыхъ людей? Какъ же можно было безо всякой подготовки поступать на сцену, мечтать сдѣлаться пѣвицей, да еще знаменитостью, какъ ты пишешь объ этомъ, моя бѣдная, неопытная дѣточка! Вернись ко мнѣ, Лидочка! Вернись, дорогая моя, ненаглядная дѣвочка. Я не сержусь на тебя, я все простила тебѣ. Только вернись!

И Елизавета Александровна протягивала руки, какъ бы призывая къ себѣ свою взбалмошную, легкомысленную дочку. И жгучія слезы текли по ея лицу, печальныя материнскія слезы. Но не видѣла этихъ слезъ Лидочка, не слышала материнскихъ призывовъ. Одна только вѣрная старая Аннушка была свидѣтельницей этого большого-большого, тяжелаго горя...

— Барыня-голубушка, родная моя, не убивайтесь, пожалѣйте себя... Вѣдь вы сколькимъ людямъ нужны-то! Сколько помощи да облегченья больнымъ-то своимъ даете... Что они безъ васъ дѣлать то будутъ, коли, не приведи Господь, стрясется съ вами бѣда! А о Лидочкѣ не сумлѣвайтесь. Прибѣжитъ, небось, обратно. Вотъ увидите, скоро письмо пришлетъ, а тамъ и сама какъ ни въ чемъ не бывало явится,—утѣшала свою барыню вѣрная Аннушка. Слушая ее, Елизаветѣ Александровнѣ такъ хотѣлось вѣрить и надѣяться, что она снова скоро увидитъ Лидочку, или хоть, по крайней мѣрѣ, получитъ отъ нея письмо. Но дни проходили за днями, а ни письма отъ Лидочки, ни самой ее не было. Глухое

отчаяніе навсегда осталось въ душѣ Елизаветы Александровны и постоянная тоска по дочери не утихала въ ея сердцѣ. Такъ прошло около четырехъ лѣтъ.

Наступилъ канунъ Новаго Года, четвертый канунъ, который встрѣчала безъ дочери осиротѣвшая Елизавета Александровна. За окнами разыгралась зимняя непогода. Свистъ вѣтра, вой мятелицы—все это угнетало еще больше опечаленную душу докторши. Невольно представлялось въ воображеніи прежнее счастливое время, когда Лидочка была еще маленькою дѣвочкою. У нихъ бывала всегда подъ новый годъ вечеринка для ея подругъ-сверстницъ. Всегда веселая Лидочка въ этотъ вечеръ щебетала какъ птичка. Ее особенно радовали въ такихъ случаяхъ нарядныя платья, которыя дѣлала ей къ новому году мать. Елизавета Александровна вспомнила, что одно изъ такихъ Лидочкиныхъ платьицъ какимъ-то чудомъ сохранилось у нея. (Обыкновенно всѣ Лидочкины старые наряды, какъ и гардеробъ самой Гринецкой, передавались бѣднымъ женщинамъ и дѣтямъ, которыхъ лѣчила безъ платы Елизавета Александровна).

Вспомнивъ о платьѣ, Гринецкая пришла въ свою спальню, открыла ящикъ комода, вынула изъ него драгоцѣнную ей вещицу и беззвучно зарыдала надъ платьемъ своей дѣвочки. А за окномъ, словно вторя слезамъ матери, рыдалъ вѣтеръ, всхлипывала вьюга, стоная и воя своими чудовищными голосами.

Неслышными шагами вошла въ комнату Аннушка и сама, едва удерживаясь отъ слезъ, стала утѣшать свою госпожу:

— Полно вамъ, полно, матушка-барыня, не сокрушайтесь вы такъ. Ну что-жъ дѣлать, кажинному

свой крестъ даденъ. Ахъ, ты, Господи Милостивый, и когда толь...

Вѣрная служанка не успѣла докончить своей фразы. Настойчиво и смѣло затрещалъ на всю квартиру звонокъ въ передней... Сердце Елизаветы Александровны дрогнуло и упало.

— Письмо отъ Лидочки... можетъ быть телеграмма... можетъ быть сама она наконецъ! — мелькнуло робкою мыслью у нея въ головѣ. — Вѣдь сегодня канунъ Новаго года... Можетъ быть одумалась Лидочка, вспомнила мать... Поздравляетъ... сообщаетъ свой адресъ... Даетъ вѣсточку о себѣ.

— Аннушка! Поскорѣе открывай дверь! Поскорѣе Аннушка, ради Бога! — произнесли дрогнувшія губы докторши и сердце ея забилось сильно-сильно.

— Да что вы безпокоитесь! Жалко глядѣть-то на васъ... — произнесла съ досадой и горечью Аннушка—навѣрное, отъ кого-нибудь изъ больныхъ принесли. Требуютъ васъ... Нѣшто хоть часокъ дадутъ они вамъ отдохнуть! И съ обычной добродушной своей воркотнею Аннушка понеслась открывать дверь въ прихожую.

Черезъ двѣ минуты она возвратилась снова и, встрѣтивъ измученный ожиданіемъ взглядъ своей госпожи, заворчала опять:

— Ну, понятно, такъ и есть больной прислалъ за вами, Ильменскій какой-то... Говоритъ мальчишка посланный,—въ гостинницѣ остановился. Бѣдный очень... Плохо ему... Васъ безпремѣнно пріѣхать проситъ. Хозяинъ гостинницы боится, чтобы не померъ, въ больницу хотѣлъ отправить. Да нынче ночь-то какая, — кому охота Новый годъ на улицѣ встрѣчать. Такъ никто и не хочетъ отвезти больного... Все это мальчишка разсказалъ. А по моему глупому разсудку вамъ барыня нечего туда ѣхать.

Погода-то, гляньте, какая! Не зги не видать. Хорошій хозяинъ собаку въ такую погоду не выпуститъ... Такъ неужто же вы...

— Ѣду, Аннушка, ѣду, милая! Дай мнѣ шубку, калоши, да сумочку съ моими инструментами! — перебивъ прислугу, торопливо проговорила Гринецкая.

Въ нѣсколько минутъ она уже была совсѣмъ готова. Въ прихожей ее ждалъ небольшой мальчуганъ, весь запушенный снѣгомъ.

— Далеко отсюда живетъ больной? — коротко бросила ему докторша.

Мальчуганъ назвалъ улицу. Оказалось на самомъ краю города.

Пришлось взять извозчика. Елизавета Александровна проворно вскочила въ сани, велѣла садиться мальчугану и они поѣхали навстрѣчу вьюгѣ, вѣтру и зимней ненастной ночи.

Протрусивъ добрые полчаса, замерзшіе и измученные путники вылѣзли, наконецъ, изъ саней передъ подъѣздомъ какой-то убогой третьестепенной гостинницы для пріѣзжающихъ.

— Суда пожалуйте! Ступеньки тутъ у насъ, не упадите, барыня,—предупреждалъ Елизавету Александровну ея маленькій спутникъ.

Она съ трудомъ поднялась по полуосвѣщенной деревянной очень узкой и крутой лѣстницѣ въ третій этажъ, вступила въ длинный корридоръ, тоже едва освѣщенный коптившей и чадившей жестяной лампочкой, и остановилась у двери, на которую указалъ мальчикъ. Тотъ сразу же безо всякаго стука и предупрежденья распахнулъ ее настежь передъ Гринецкой.

Въ первое мгновенье Елизавета Александровна ничего не могла различить. Въ комнатѣ не горѣло ни свѣчи, ни лампы. Слабо теплился мигая одинъ только огонекъ лампады передъ образомъ, скудно

озаряя горницу. Прежде всего докторша увидѣла широкую постель въ углу и на ней высоко поднятое на подушкахъ страшно блѣдное изможденное мужское лицо.

Рядомъ съ постелью копошилась какая-то темная женская фигура въ большомъ платкѣ. Откуда то изъ угла доносился пискъ грудного ребенка.

Больной тяжело дышалъ. Хрипъ и свистъ вылетали изъ его изможденной впалой груди. Темныя тѣни ложились на лицо такія, какія приступаютъ обыкновенно только передъ смертью. Одни глаза лихорадочно горѣли и казались огромными среди этого исхудалаго, вымученнаго лица.

— Нельзя-ли дать свѣту... Свѣча, можетъ быть, найдется? Я должна выслушать и осмотрѣть больного—попросила Елизавета Александровна находившуюся тутъ-же въ комнатѣ женщину.

Та при первыхъ же звукахъ голоса докторши вся какъ-то съежилась, подалась назадъ и замерла, крѣпко стиснувъ на груди руки.

— Я ничего не вижу, здѣсь такъ темно, нельзя же осматривать больного при одномъ свѣтѣ лампады,—уже нетерпѣливо произнесла Гринецкая.

— Сейчасъ я принесу,—глухимъ, разбитымъ голосомъ отозвалась незнакомка и скрылась за дверью. Елизавета Александровна наклонилась къ груди больного и стала выслушивать его сердце; оно билось слабо, едва замѣтно. И все тѣло больного горѣло. Докторша Гринецкая пощупала пульсъ. Онъ также былъ слабъ, какъ можетъ быть слабъ пульсъ у умирающаго. Тогда ощупью Елизавета Александровна открыла свою сумку съ инструментами, отыскивая нужный ей препаратъ для вспрыскиванія, подкрѣпляющее средство больному. Въ эту минуту снова открылась дверь въ корридоръ, кто-то внесъ за спи-

ной докторши лампу и поставилъ ее на столѣ въ головахъ у больного. Въ комнатѣ сразу стало свѣтло.

— Принесите мнѣ горячей воды пожалуйста. Я должна вымыть инструменты, неожиданно оборачиваясь въ сторону незнакомки, произнесла снова Гринецкая и вдругъ тихій полный радостной неожиданности вопль пронесся по комнатѣ:

— Лидочка!

— Мама!

Въ одну минуту молодая особа упала къ ногамъ докторши, обвила ея колѣни и, рыдая, лепетала сквозь слезы:

— Мама! Мамочка! Прости меня! Умоляю тебя, прости! Забудь все, что я причинила тебѣ дурного. Прости и спаси моего мужа... Онъ очень боленъ, мамочка! А я его такъ люблю... Его и моего ребенка... Я уже два года замужемъ... Ахъ, мамочка! Мамочка!...

И Лидочка замолчала, вся подавленная тяжестью непосильныхъ страданій. Горячими поцѣлуями смѣясь и плача покрывала лицо и голову дочери Елизавета Александровна. Смѣялась, плакала отъ счастья и не вѣрила своимъ глазамъ. Неужели это она, ея Лидочка тутъ съ нею? Неужели это не сонъ? Не обманъ? Ея Лидочка здѣсь, возвращенія которой она такъ трепетно ждала всѣ эти четыре года! При свѣтѣ лампы она не узнавала въ этой исхудавшей, поблѣднѣвшей, измѣнившейся до неузнаваемости женщинѣ свою прежнюю нарядную, безпечную, легкомысленную Лидочку. Ея, еще четыре года тому назадъ, юное свѣжее личико теперь осунулось, заострилось и постарѣло. И прежній звонкій голосокъ сталъ хриплымъ, глухимъ, беззвучнымъ.

Бѣдная Лидочка, ей не мало, должно быть, пришлось пережить за эти годы. Сердце матери разры-

валось отъ жалости и боли за свою любимицу. Ей такъ хотѣлось разспросить Лидочку обо всемъ, что она пережила, что вынесла, хотѣлось броситься къ ребенку Лидочки, приласкать, поняньчить его, но стонъ, сорвавшійся съ губъ больного, напомнилъ Елизаветѣ Александровнѣ, что прежде всего надо было заняться несчастнымъ страдальцемъ. А тутъ еще Лидочка прошептала, прижимаясь въ тоскѣ и отчаяніи къ матери:

— Спаси его, мамочка, спаси моего мужа! Сдѣлай все возможное, чтобы его поднять на ноги, вырвать изъ рукъ смерти!—И тутъ же прибавляла въ отчаяніи, ломая руки: — Нѣтъ, мамочка, ты не можешь его спасти... Всѣ доктора, къ которымъ мы обращались, приговорили его къ смерти. Вѣдь у моего Николая скоротечная чахотка!

И, произнеся совсѣмъ шопотомъ послѣднія слова, она зарыдала.

Лидочка была права: часы ея молодого мужа были сочтены. Какъ ни билась съ нимъ, какъ ни отстаивала эту хрупкую жизнь всю ночь Елизавета Александровна, Николай Ильменскій къ утру скончался. А нѣсколькими часами позднѣе Елизавета Александровна привезла къ себѣ домой чуть живую отъ страданій Лидочку и ея крошечнаго сынишку Валю. Сдавъ на руки Аннушки дочь и ея ребенка и оказавъ первую помощь Лидочкѣ, Елизавета Александровна принялась хлопотать съ похоронами ея молодого зятя. Изъ бумагъ, найденныхъ въ вещахъ покойнаго, она узнала, что мужъ Лидочки былъ пѣвецъ-актеръ, странствующій по провинціямъ.

И Лидочка вмѣстѣ съ нимъ работала на сценѣ. Узнала она отъ прислуги гостинницы, что они всего нѣсколько дней жили въ столицѣ, и что молодой человѣкъ пріѣхалъ сюда полечиться у хоро-

шихъ докторовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поискать мѣста въ Петербургѣ, такъ какъ на сценѣ онъ уже не могъ выступать изъ-за серьезной, внезапно открывшейся у него болѣзни.

Съ болью въ сердцѣ выслушала Елизавета Александровна всѣ эти отрывки повѣсти жизни ея ненаглядной дочери. Спѣшно похоронивъ зятя, она вся отдалась уходу за больной Лидочкой. Сама Лидочка находилась на краю смерти. Пережитое ею горе въ связи съ волненіями и лишеніями послѣднихъ лѣтъ тяжело отозвалось на нѣжномъ организмѣ такого избалованнаго въ дѣтствѣ и юности существа, какимъ была Лидочка. Елизавета Александровна день и ночь дежурила у постели больной дочери, ни на шагъ не отходя отъ нея. Всѣ ея больные были переданы временно заботамъ другого доктора.

Къ маленькому внуку Валѣ Гринецкая взяла здоровую веселую кормилицу, поручивъ Аннушкѣ наблюдать за нею, а сама вся ушла въ заботы о больной дочери.

Долго боролась между жизнью и смертью Лидочка. Она то металась по постели, пылая отъ жара и бредя пережитыми за послѣдніе четыре года лишеніями, то затихала минутами и лежала, чуть живая отъ слабости, ничего не видя и не сознавая, что дѣлалось вокругъ нея. Затаивъ дыханіе, съ трепетомъ вглядывалась въ измѣнившееся до неузнаваемости личико дочери Елизавета Александровна, ловя малѣйшія перемѣны въ ходѣ ея болѣзни. Наконецъ, эта болѣзнь сдѣлала неожиданный скачокъ. Молодой организмъ выдержалъ борьбу со смертью; помогъ неустанный уходъ любящей матери; помогло и леченье опытнаго хорошаго врача, какимъ, помимо всего прочаго, являлась Елизавета Александровна, и Лидочка была спасена.

Прошло еще нѣсколько дней и она уже узнавала мать, улыбалась ей слабою улыбкою, звала Валю, просила ей его показать.

О мужѣ она не спрашивала. Она знала, что его уже нѣтъ въ живыхъ. И когда Елизавета Александровна сообщила со всякими осторожностями уже вставшей съ постели и почти выздоровѣвшей Лидочкѣ о томъ, что ея Николай уже похороненъ, та тихо залилась слезами и еще тише отвѣтила матери:

— Я знала, мамочка, я это знала! Вѣдь Богъ справедливъ и Онъ заслуженно наказалъ меня, отнявъ у меня Колю, котораго я горячо любила. Я когда-то принесла тебѣ горе, такъ и меня лишилъ самаго дорогого Господь!

И она снова заплакала, склонивъ на грудь матери свою когда-то безпокойную, а теперь такую покорную и печальную голову.

— Лидочка! Лидочка! Что ты говоришь, милая!— попробовала было остановить дочь Елизавета Александровна.

— Нѣтъ, нѣтъ, мамочка, я правду говорю! не возражай, родная. Неужели теперь, да и тогда при жизни Коли, когда я почувствовала, что значитъ настоящее горе, неужели, ты думаешь, я не поняла какъ больно, какъ мучительно больно огорчила я тебя, оставя одинокой и несчастной мать, обожавшую меня! Но тогда я была большая эгоистка, мама. Да еще къ тому же мои знакомые мнѣ протрубили уши, что у меня талантъ, и что если я поѣду пѣть въ провинцію, то съ моимъ голосомъ и съ моей красотою я могу сдѣлаться знаменитостью и прославиться на весь міръ. И я, глупая дѣвченка, повѣрила этому и уѣхала отъ тебя. Первое время мнѣ дѣйствительно повезло. Меня приняли въ труппу, давали выступать въ маленькихъ партіяхъ. Но мнѣ

захотѣлось большаго. Хотѣлось быть первой, быть выше другихъ, блистать. Я потребовала, чтобы мнѣ дали возможность выступить въ главной партіи, просила, умоляла и вымолила, наконецъ. Ахъ, мамочка, какъ мнѣ теперь стыдно вспомнить объ этомъ! Пѣла и играла я въ тотъ вечеръ ужасно. Всѣ смѣялись тогда надо мною. А директоръ театра до того разсердился на меня, что отказалъ мнѣ тогда же отъ мѣста. Одинъ человѣкъ, который не смѣялся тогда надо мною и пожалѣлъ меня—это покойный Коля. Онъ сдѣлалъ мнѣ въ тотъ же вечеръ предложеніе и мы черезъ недѣлю обвѣнчались. Онъ былъ бѣденъ, вѣдь актерское жалованье не велико въ провинціи, но у него былъ недурной голосъ и пока онъ не пропалъ, мы коекакъ перебивались. А тутъ эта ужасная болѣзнь, переѣздъ сюда, леченье и... ты все поняла уже, все знаешь, моя дорогая мамочка! —прошептала Лидочка и снова залилась слезами.

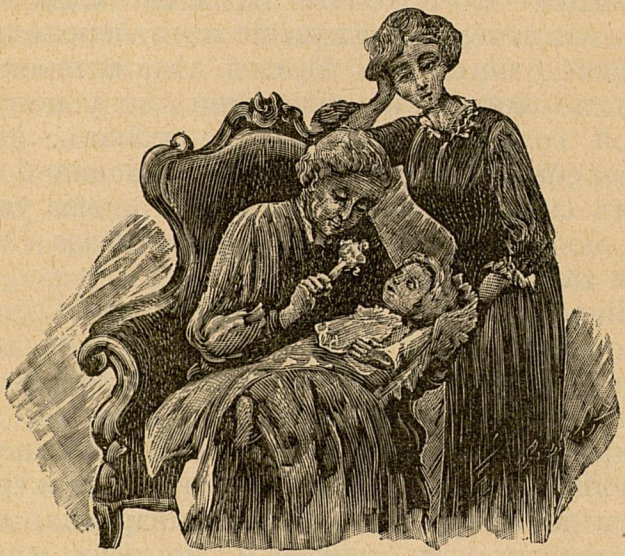
— Лидочка, бѣдная моя, ненаглядная! Отчего же ты не обратилась ко мнѣ? Почему не написала мнѣ ни единой строчки за все время! Вѣдь я помогла бы вамъ, я поддержала бы васъ. Вы были бы всегда желанными, дорогими въ моемъ домѣ, въ нашемъ домѣ, моя Лидочка,—съ нѣжнымъ упрекомъ и грустью говорила дочери Елизавета Александровна, и тутъ же разсказала, какъ искала ее повсюду, какъ наводила о ней справки, какъ сносилась письмами съ провинціей и все тщетно.

Лидочка медленно покачала головой.

— Ахъ, мама, мама, эта ужасная гордость и ложное самолюбіе, да къ тому же стыдъ мѣшали мнѣ давать знать о себѣ и просить твоей помощи. Ты помнишь, какъ независимо и глупо-гордо, съ какой самоувѣренностью ушла я тогда изъ дому. Какъ я вѣрила въ свои силы! Какъ надѣялась на свой та-

лантъ! Такъ ты можешь себѣ представить, какъ мнѣ тяжело было признаваться въ противномъ! А вѣдь я должна была сдѣлать это, если не для себя, то для больного мужа и для маленькаго Вали,—заключила съ тяжелымъ вздохомъ свое признаніе Лидочка.

— Теперь уже ничего нельзя вернуть, дитя мое, — съ грустью произнесла Елизавета Александровна,—да и врядъ-ли можно было спасти Николая

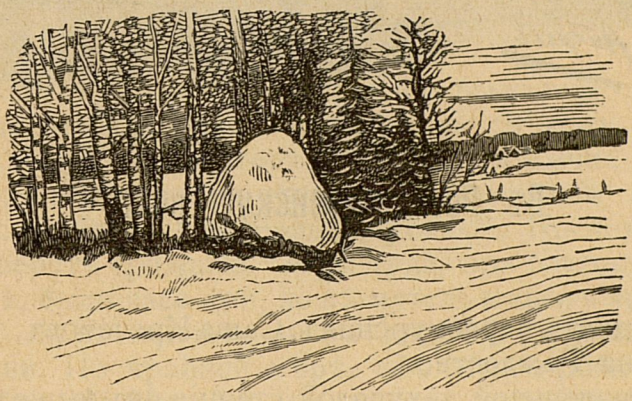


даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ болѣзнь его привела бы, такъ или иначе, къ печальному концу. Теперь надо намъ подумать съ тобою, какъ получше обставить жизнь Вали, какъ поумнѣе воспитать этого маленькаго человѣчка. Вѣдь ты теперь никуда не уѣдешь отъ меня, Лидочка?— и грустные глаза докторши поднялись на блѣдное, худенькое лицо ея выздоравливающей дочери.

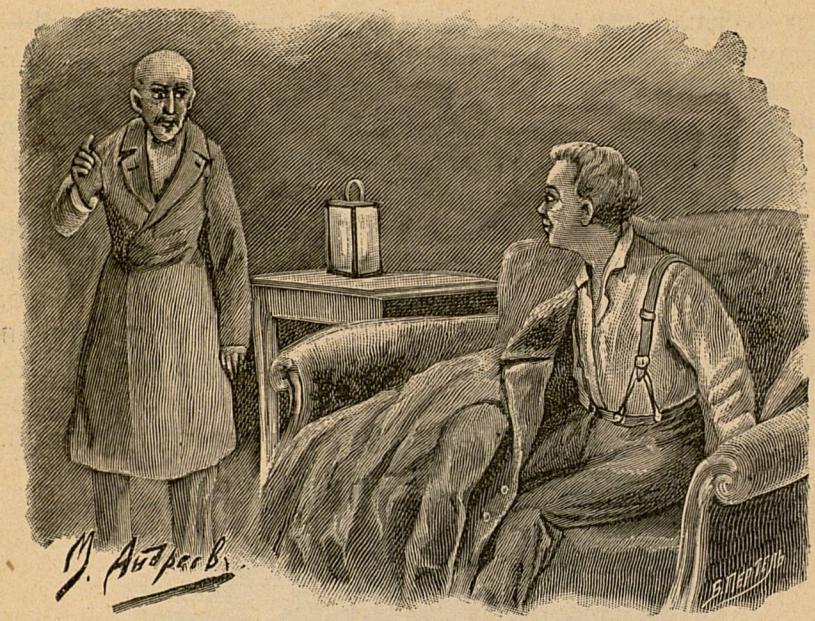
— Если ты сама, мамочка, не прогонишь меня!— получился тихій, но горячій отвѣтъ.

Вмѣсто всякихъ словъ Елизавета Александровна обняла дочь, прижала къ своей изстрадавшейся за нее груди ея головку и тихо прошептала, съ выступившими на глаза слезами:

— Никогда, дѣточка моя дорогая, никогда не разстанемся мы больше съ тобой. Будемъ вмѣстѣ поднимать на ноги и воспитывать нашего Валю, будемъ вмѣстѣ радоваться на нашего мальчика и вспоминать его отца. И вѣрь мнѣ, Лидочка, даже самое горе переживается легче, когда можно раздѣлить его съ вѣрнымъ другомъ и преданной душой.



Съ картины Бенуа.



Въ Рождественскую ночь.

I.

Студентъ первокурсникъ, Саша Кречетовъ, ѣхалъ домой на Рождество.

На маленькой захудалой станціи онъ вышелъ изъ вагона, сталъ прогуливаться по крыльцу вокзала и внимательно высматривать отцовскую пару среди подъѣхавшихъ къ поѣзду крестьянскихъ розвальней.

— Лександра Митричъ! съ пріѣздомъ! — услышалъ онъ веселый окликъ кучера Михайлы, и сквозь густую тучу мятели замелькала передъ нимъ знакомая запушенная снѣгомъ фигура и обычно рыжая, а теперь сѣдая, по милости той же мятели, голова.

— Здравствуй, здравствуй, Михайло! Радъ тебя видѣть! что наши? Отецъ, мамаша, Наташа, всѣ-ли здоровы? Сеня?..

— Всѣ, слава Богу, всѣ!.. А вотъ только погодка-то расходилась, баринъ, ужъ и не знаю какъ доберемся! Не замело бы въ дорогѣ!—отвѣчалъ Михайло, отряхивая съ шапки снѣгъ.

— Ничего, старикъ, доплетемся. Не впервой! — и Саша съ молодцеватой ловкостью прыгнулъ въ сани, примостилъ въ ногахъ несложный багажъ и рѣшительно крикнулъ Михайлѣ:—трогай.

Сивка и Кичка, Кречетовскія упряжныя, сразу взяли съ мѣста рысью, и сани мягко заскользили по заметенной снѣгомъ рыхлой дорогѣ...

II.

Сани скользили... Сначала все было еще сносно... Правда, мятель крутила, засыпала снѣгомъ, насвистывалъ въ уши вѣтеръ, но Сивка и Кичка бѣжали ходко, отдохнувъ на станціи въ ожиданіи сѣдока. Отъ станціи до Снигиревки, усадьбы Кречетовыхъ, было верстъ тридцать. Ѣзды туда, при благопріятной погодѣ, было часа три, но въ мятель и вьюгу врядъ-ли можно было попасть и въ двойной промежутокъ времени. По крайней мѣрѣ, объ этомъ робко заикнулся рыжій Михайло съ козелъ, предлагая переночевать въ гостиницѣ при станціи. Но Саша и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ. Съ августа не видѣлъ онъ своихъ и сильно скучалъ. Къ тому же, съ дѣтства онъ самъ всегда зажигалъ въ сочельникъ елку и горѣлъ желаніемъ сдѣлать это и нынче для младшихъ членовъ семьи: гимназистки Наташи, пріѣхавшей изъ своей гимназіи-интерната, находившейся въ ближайшемъ губернскомъ городѣ,

на рождественскія вакаціи, и для малыша-восьмилѣтки—Сени.

Всѣмъ онъ везъ подарки: Сенѣ игрушечный револьверъ, Наташѣ—бюваръ и голубую коробку съ бумагой для писемъ—петербургскіе гостинцы. Неужели же онъ опоздаетъ съ подарками къ елкѣ, по милости этой глупой мятели?!..

— Ты, Михайло, какъ хочешь, а къ ужину надо поспѣть,—рѣшительно заявилъ онъ возницѣ.

То, что звалось Михайлой, но скорѣе походило теперь на огромный комокъ снѣга, повернулось къ Сашѣ съ козелъ и снова заикнулось было о ночевкѣ въ посадѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, и думать не хочу! Доѣдемъ!—вспыльчиво отозвался юноша.

— Хуже бы не вышло! Въ Неладномъ бы не заночевать, баринъ,—не унимался кучеръ.

— Еще что, въ Неладномъ! Скажешь тоже!

Саша живо представилъ себѣ мысленно забытую усадьбу графа Кромова, называвшуюся собственно Заримыска, но переименованную въ Неладное съ тѣхъ поръ, какъ умеръ въ ней старый графъ, не успѣвшій исповѣдаться и причаститься передъ кончиной.

Тѣнь умершаго, по словамъ крестьянъ, бродила по усадьбѣ, не находя себѣ покоя въ могилѣ. Она показывалась будто бы то на вышкѣ бельведера, то въ окнахъ стариннаго двухъ-этажнаго дома, то въ саду.

— Не ладно тамъ,—говаривали про графскую усадьбу окрестные жители и пугливо обходили забытый полуразрушенный графскій домъ.

— Душенька графа по ночамъ бродитъ. Тоскуетъ. Видно лежитъ на ней какой земной грѣхъ, вотъ и мечется, ищетъ покаянія,—передавали крестьяне.

Саша вспомнилъ, какъ, будучи еще ребенкомъ, слышалъ отъ няньки такого рода угрозу:

— Будешь капризничать, въ Неладное сведу и оставлю на потѣху графской душенькѣ.

И представленіе о Неладномъ связывалось тогда съ чѣмъ-то страшнымъ и жуткимъ въ душѣ мальчика.

Хотя взрослый юноша-студентъ и не вѣрилъ ни въ какіе призраки и привидѣнія умершихъ, показывающіеся въ забытой усадьбѣ, тѣмъ не менѣе возможность провести ночь въ холодномъ, пустомъ, забытомъ гнѣздѣ, когда дома ждала родная семья, горячій ужинъ и елка, далеко не улыбалась Сашѣ.

— Ну, Михайло, ну, голубчикъ, постарайся! Пожалуйста, постарайся, довези скорѣе!—совсѣмъ уже по-дѣтски просилъ Саша кучера.

III.

А морозъ все крѣпчалъ... Кружила мятель, все сильнѣе хлесталъ въ лицо вѣтеръ. Сивка и Кичка теперь уже не бѣжали, а едва передвигали ноги, завязая въ снѣгу. Странная сонливость сводила Сашины вѣки. Усталый съ дороги, онъ незамѣтно задремалъ... Почему-то пригрезилось ему лѣто, жаркое, знойное, съ тучными колосьями на нивѣ, съ золотыми блестками лучей на травѣ, зелени и цвѣтахъ. Наташа съ длинной косою, въ мордовскомъ костюмѣ, и Сенька толстый карапузъ, съ потѣшной мордочкой, вымазанной черникой. Онъ забавно становится во фронтъ передъ старшимъ братомъ, прикладываетъ грязную ручонку къ краямъ прорванной шляпы и кричитъ басомъ: «Здравія желаемъ, господинъ студентъ!»

Саша, собственно говоря, еще и не нюхалъ тогда университета, и все его студенчество выражалось въ но-

венькой университетской фуражкѣ. Все же онъ снисходительно говорилъ, похлопывая по плечу братишку:

— Учись, братецъ, учись, и ты такимъ же будешь.

Потомъ отъѣздъ... Университетъ... Длинные коридоры... Огромныя аудиторіи... Лекціи... Первый экзаменъ передъ Рождествомъ... Ахъ, какъ онъ боялся «срѣзаться»! Профессоръ, строгій-престрогій, называетъ, коллегой, а смотритъ изъ-за стеколъ очковъ по-начальнически. Жутко, чего-то было. Первый экзаменъ!...

— Выдержалъ-таки! — чуть не запрыгалъ, было, тогда козломъ, какъ бывало въ гимназіи, Саша, да вовремя вспомнилъ, что онъ студентъ, что ему уже восемнадцать лѣтъ и онъ вполнѣ степенная особа.

IV.

Что такое? Они какъ-будто не ѣдутъ уже больше? Сани стоятъ на мѣстѣ, Сивка и Кичка медленно переступаютъ съ ноги на ногу, уткнувшись въ какой-то заборъ.

— Что это значитъ, Михайло? Гдѣ мы?

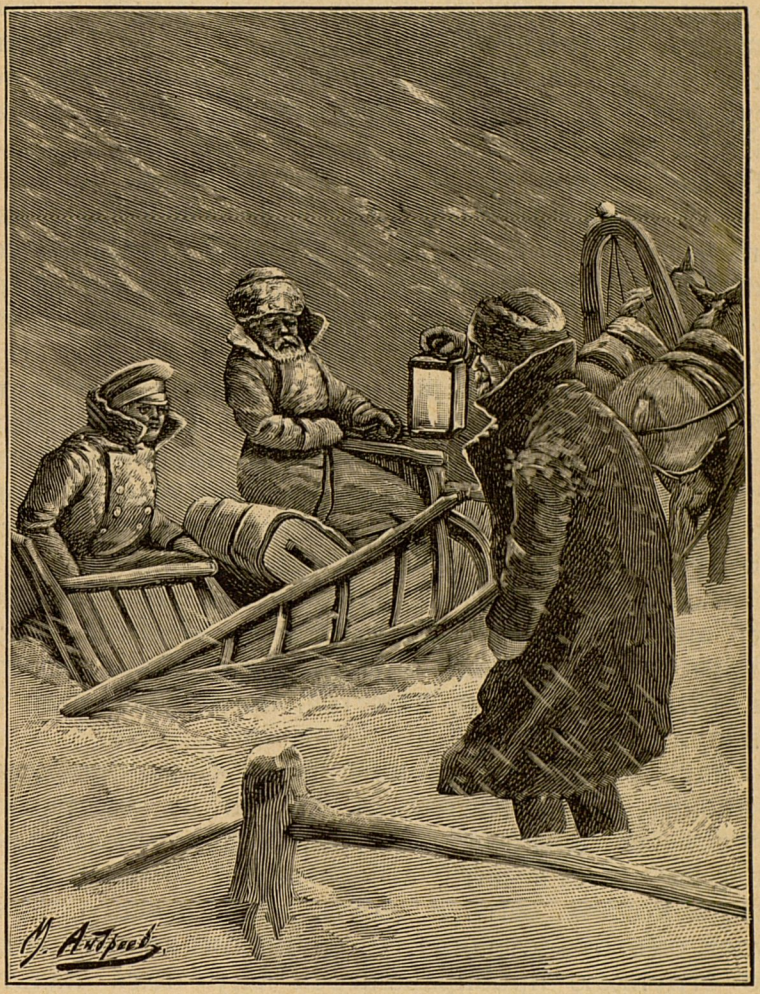
— Въ Неладномъ, баринъ. Пути больше нѣтъ, дорогу всю замело. — Михайло говоритъ хрипло и лицо у него съ заиндивѣвшей бородой и усами выглядитъ усталымъ и раздраженнымъ, — прійдется вамъ здѣсь заночевать.

— Вотъ еще радость!...

Саша въ отчаяніи. Пропалъ сочельникъ, ужинъ, елка. Но раздумывать времени нѣтъ. Вьюга такъ и вьется, такъ и пляшетъ мятель, грозитъ свалить съ ногъ и засыпать снѣгомъ.

Какъ изъ-подъ земли вырастаетъ сгорбленная фигура стараго сторожа.

— Пожалуйте, баринъ, проведите ночку у насъ. Я вамъ на диванѣ постелю въ графской библіотекѣ, тихо у насъ, спокойно. Только поужинать ничего



нѣтъ, окромя хлѣбушка и кваса, — шамкаетъ старикъ и ведетъ Сашу въ домъ.

Михайло рѣшаетъ поставить лошадей въ пустую

конюшню и не отходить отъ нихъ до разсвѣта, о чемъ и кричитъ Сашѣ вдогонку. Глухо щелкаетъ замокъ входной двери. Слабо освѣщаетъ фонарь сторожа рядъ комнатъ, когда-то нарядныхъ и роскошныхъ, а теперь обветшалыхъ, съ полуразрушенной обстановкой. Старикъ вводитъ Сашу въ библіотеку, огромную комнату со шкапами, наполненными книгами. Завѣшанная старинной бархатной портьерой дверь ведетъ въ слѣдующую комнату.

— Это графская спальня. Здѣсь скончались ихъ сіятельство, — поясняетъ старикъ и прибавляетъ таинственно:—фонарикъ-то я вамъ оставлю, до утра прогоритъ... А самъ пойду корму задать лошадкамъ. Спокойной ночи, баринъ!

Старикъ какъ-то подозрительно поглядываетъ на Сашу и подмигиваетъ глазомъ. Потомъ хихикаетъ, безмысленно улыбается и проворно исчезаетъ за дверью. Слышно, какъ щелкаетъ снова ключъ въ замкѣ за пять комнатъ отъ библіотеки. Это сторожъ запираетъ входную дверь.

— Зачѣмъ онъ это?! Что это онъ меня заперъ, какъ арестованнаго?—недоумѣваетъ юноша,—и какой онъ самъ странный, ненормальный. Охъ, ужъ эта непогода... Ни за что, кажется, по доброй волѣ не заглянулъ бы сюда...

Стараясь ни о чемъ не думать, Саша бросается на диванъ, укутывается въ пальто съ головою и тотчасъ же засыпаетъ... Сколько онъ проспалъ, — Саша не можетъ дать себѣ отчета. Можетъ быть часъ, а можетъ быть и десять минутъ всего. Проснулся онъ отъ страннаго ощущенія холода, ледяною струйкою пробиравшагося ему подъ пальто. Непріятное чувство какого-то жуткаго ожиданія сковывало все его существо.

Стараясь побороть однако все подползающее къ нему чувство страха, онъ сбросилъ съ себя пальто, сѣлъ на диванъ, взглянулъ прямо передъ собою и... замеръ отъ ужаса. Холодный потъ выступилъ у него на лбу и онъ затрясся всѣмъ тѣломъ.

Прямо передъ нимъ, на порогѣ дверей, стоялъ высокій худой старикъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, съ желтымъ лицомъ, и съ совершенно лысой головою. Онъ кивалъ своимъ желтымъ черепомъ Сашѣ, улыбался ему страшной улыбкой и грозилъ костлявымъ пальцемъ.

Ни живъ, ни мертвъ, юноша не отводилъ глазъ отъ страшнаго старика.

— Графъ!.. — вихремъ пронеслось у него въ мысляхъ, и онъ весь похолодѣлъ отъ страха.

Призракъ точно прочелъ его мысли и утвердительно кивнулъ головою. Потомъ улыбнулся еще разъ своей страшной улыбкой, протянулъ къ Сашѣ руки и двинулся прямо на него.

— Очень радъ, очень радъ, — заговорилъ онъ глухимъ голосомъ,—очень радъ видѣть васъ, молодой человѣкъ, сама судьба васъ ко мнѣ посылаетъ. Я нашелъ способъ, молодой человѣкъ, возвращать къ жизни умершихъ. И, хотите, я попробую его при вашей помощи. Мой способъ заключается въ томъ, что нужно вынуть у молодого человѣка сердце, взять изъ него нѣсколько капель горячей крови, перелить ее въ сердце умершаго, и тогда мертвый оживетъ. Неправда ли, хорошенькій способъ. Я же вамъ сказалъ, что вы, молодой человѣкъ, явились очень кстати! Вы даете мнѣ возможность воскреснуть и...

Но Саша не могъ разслышать отъ волненія окончанія фразы страшнаго графа. Онъ оледенѣлъ отъ ужаса. Сердце его перестало биться въ груди, мозгъ застывалъ... А страшный хозяинъ Не-

ладнаго все приближался къ нему, гримасничая и улыбаясь своей ужасной улыбкой...

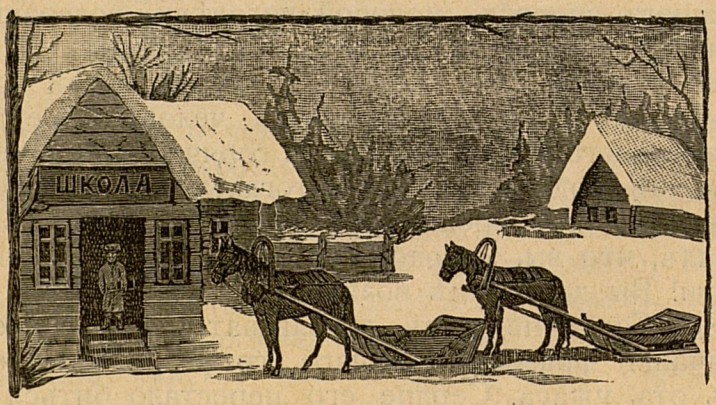
Вдругъ онъ сдѣлалъ прыжокъ и очутился передъ самымъ лицомъ Саши. Двѣ костлявыя руки впились въ шею юноши... Холодное какъ ледъ дыханіе призрака коснулось его лица...

Саша сдѣлалъ надъ собой послѣднее усиліе, отклонился назадъ, крикнулъ во весь голосъ и... проснулся...

Кони стояли. Михайло слѣзалъ съ козелъ. Веселые, радостные огоньки мелькали въ окнахъ дома. Лаяли собаки... Скрипѣлъ засовъ отворяемой двери... Кто-то бѣжалъ на крыльцо, въ пальто и накидкѣ. Кто-то кричалъ пронзительнымъ визгомъ:

— Саша пріѣхалъ!... Са-а-ша!!! И повисъ у него на шеѣ.

Такъ это былъ только сонъ!... Саша протиралъ глаза и ежился отъ холода. Страшныя грезы разошлись какъ тучи. Впереди ждала семья, елка и цѣлыя двѣ недѣли отдыха въ родномъ гнѣздѣ...



На аренѣ.

Пасхальный разсказъ.

I.

Это было давно, очень давно—въ первомъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ.

Надъ Римомъ и покоренными Римомъ народами владычествовалъ жестокій, безсердечный и болѣзненно самолюбивый императоръ Неронъ, совершая длинный рядъ кровавыхъ преступленій. Любя до безумія поклоненіе и лесть окружающихъ, этотъ правитель возомнилъ себя божествомъ и требовалъ, чтобы ему оказывали божескія почести.

Онъ приказалъ убить свою мать, заподозривъ ее въ государственной измѣнѣ, погубилъ своего брата Британика и своего стараго воспитателя, мудреца Сенеку. Его безумства не имѣли границъ. То онъ воображалъ себя великимъ артистомъ, то геніальнымъ пѣвцомъ и музыкантомъ, то поэтомъ исключительнаго таланта и выступалъ публично съ чтеніемъ собственныхъ стиховъ или пѣніемъ подъ аккомпаниментъ лютни. Или же онъ выѣзжалъ въ качествѣ цирковаго возницы на арену Колизея и бралъ призы за ѣзду въ общемъ состязаніи. Дикая толпа, согнанная въ театръ по желанію императора, неистово рукоплескала ему. Льстецы восхваляли его таланты... Неронъ торжествовалъ.

Но страшнѣе всѣхъ безумствъ императора было предпринятое имъ гоненіе на христіанъ. Глубоко преданный своимъ языческимъ богамъ, Неронъ не выносилъ христіанской вѣры, въ основу которой было заложено поклоненіе Единому Божеству. Христіанъ подвергали въ годы его правленія всевозможнымъ пыткамъ и мученіямъ. Ихъ зашивали въ шкуры дикихъ звѣрей и травили собаками, распинали на крестахъ, заворачивали въ пропитанныя смолою одежды и сжигали живыми, бросали на съѣденіе дикимъ звѣрямъ на аренѣ цирка или давили колесницами гладіаторовъ.

Несчастные скрывались въ лѣсахъ и подземныхъ пещерахъ, не оставляя своей истинной вѣры. Когда же нельзя было скрыться, они смѣло принимали лютыя муки и казнь.

Эта стойкость, это безстрашіе передъ смертью все больше и больше возбуждали гнѣвъ ненасытнаго варвара противъ христіанъ.

II.

Чудная, тихая весенняя ночь стояла надъ Римомъ и его окрестностями. Синее южное небо ласково улыбалось лучами яркихъ звѣздъ... Медленно выплылъ изъ-за облаковъ серебряный мѣсяцъ и своимъ млечнымъ свѣтомъ затопилъ и городъ съ его пышными дворцами, храмами, домами, и тянувшуюся вдаль миртовую рощу.

Въ прибрежныхъ тростникахъ темной рѣки скользилъ небольшой челнокъ. Весенній рокотъ Тибра заглушалъ окончательно и безъ того чуть слышные голоса сидѣвшихъ въ лодкѣ. Ихъ было трое. Сѣдой старикъ съ длинною бородою, высокій стройный юноша, управлявшій челнокомъ, и дѣвушка, едва достигшая шестнадцатилѣтняго возраста, съ глубокими, прекрасными, какъ весенняя ночь, глазами и дѣтской улыбкой.

— Что, Нинія, дитя мое, не жутко тебѣ? Здѣсь на каждомъ шагу насъ можетъ выслѣдить стража Нерона,—послышался озабоченный голосъ старшаго спутника.

— О, дорогой отецъ мой, какъ я могу бояться, когда со мною ты и Ливій.

Въ отвѣтѣ дѣвушки не было и тѣни робости.

— Благодарю, Нинія, за добрый отзывъ. Ты права: пока твой благородный отецъ и я съ тобою, тебѣ нечего бояться,—прозвучалъ сильный молодой голосъ юноши путника.

Старый Клавдій положилъ ему руку на плечо.

— Ты ошибаешься, Ливій, сынъ мой, и безъ насъ у Нинiи былъ и будетъ Заступникъ — Христосъ; Спаситель міра вѣчно пребываетъ съ нею, какъ и

съ каждымъ изъ насъ, христіанъ, возлюбленныхъ дѣтей Своихъ и...

Старикъ замолкъ, не докончивъ начатой фразы. Лодка ударилась въ песокъ и остановилась.

— Мы приплыли къ назначенному мѣсту... Миртовая роща передъ нами... Выйдемъ изъ лодки, входъ въ подземелье долженъ быть невдалекѣ, за большимъ камнемъ,—сказалъ шопотомъ старый Клавдій и первый вышелъ изъ лодки; за нимъ послѣдовали дочь и ея женихъ Ливій, недавно лишь принявшій христіанскую вѣру въ томъ самомъ подземномъ храмѣ-пещерѣ, куда они всѣ трое направлялись сейчасъ.

Снова выглянулъ изъ за облака мѣсяцъ и освѣтилъ дорогу приплывшимъ сюда путникамъ. Старый Клавдій, не разъ бывавшій здѣсь и доставившій сюда молодыхъ людей на ночное богослуженіе, шелъ впереди, указывая путь.

Нинія объ руку съ Ливіемъ спѣшила по слѣдамъ отца... Вотъ и большой камень, за нимъ темнѣе и гуще разрослась группа миртовыхъ деревьевъ, здѣсь непроходимѣе казалась чаща. Еще нѣсколько шаговъ, и Клавдій остановился.

— Сюда, дѣти мои... Домъ Божій—здѣсь.

Дѣйствительно, у корней огромнаго мирта представилось ихъ взорамъ небольшое отверстіе. Старикъ сталъ медленно и старательно спускаться въ подземелье. За нимъ молодые люди...

Еще не достигнувъ нижнихъ ступеней лѣстницы, выдолбленныхъ въ каменистой почвѣ пещеры, путники услышали тихіе голоса, торжественно и радостно пѣвшіе божественныя молитвы. Гдѣ-то вдали внизу забрезжилъ огонекъ прикрѣпленнаго къ стѣнѣ факела, и вскорѣ вновь прибывшіе очутились подъ сводами большой катакомбы, наполненной молящимися христіанами изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ

На аренѣ. Съ картины Полѣнова.

римскаго общества. Тутъ были богатые и бѣдные граждане, патриціи и плебеи, лигіонеры, купцы, художники, поэты, женщины, дѣвушки и дѣти,—всѣ тѣ, кто успѣлъ проникнуться вѣрою въ Христа. Древній старецъ читалъ молитвы, мужчины, женщины, дѣвушки и дѣти вторили ему тихими, проникновенно радостными голосами.

Рядъ лампадъ-свѣтильниковъ, подвѣшенныхъ между колоннами каменной катакомбы, освѣщалъ подземное помѣщеніе. Посрединѣ его находился высокій крестъ, выточенный изъ камня.

Слезно молились христіане въ этомъ тихомъ пристанищѣ, скрытомъ густой миртовой рощей.

Нинія стояла среди женщинъ по лѣвой сторонѣ молельни, съ правой, въ толпѣ прочихъ мужчинъ-христіанъ, находились ея отецъ и женихъ.

Всего нѣсколько дней оставалось до христіанской Пасхи въ память Воскресшаго Христа, а послѣ Пасхи, здѣсь, въ этой катакомбѣ христіанскій священникъ долженъ былъ благословить ея брачный союзъ съ Ливіемъ.

Молодые люди съ дѣтства знали другъ друга. Ихъ отцы были сосѣдями и друзьями. Старый Клавдій имѣлъ небольшую лавку цвѣтовъ въ предмѣстьи Рима и поставлялъ римлянамъ розы на праздники ихъ боговъ. Но вотъ онъ познался и принялъ новое ученіе, сталъ христіаниномъ, роздалъ все имущество бѣднымъ и убѣдилъ дочь Нинію, сосѣда Плинія и его сына Ливія принять вѣру Христа. Каждый день приходилъ онъ сюда въ это подземелье, иногда приводилъ съ собою и дѣтей. Нинія шла на всенощное бдѣніе христіанъ, какъ на праздникъ. Зараженная примѣромъ отца, она съ дѣтства искала истиннаго Бога, Бога милосердія, кротости и любви. Сегодня она особенно горячо молилась, прося Христа Спа-

сителя благословить ея союзъ съ Ливіемъ. Она вся ушла въ молитву. Забывъ весь міръ, молодая дѣвушка шептала съ жаромъ:

— Господь Великій и Милосердый! Вдвоемъ съ Ливіемъ мы будемъ славить Твое Имя, будемъ распространять свѣточъ Твоего ученія... Великій Боже! помоги намъ. Спаси и сохрани насъ...

Неожиданно оборвалась молитва Нинiи... Смятеніе пробѣжало по рядамъ молящихся. Мальчикъ-христіанинъ, стоявшій на сторожѣ у входа въ катакомбы, вбѣжалъ съ испуганнымъ лицомъ:

— Спасайтесь! Спасайтесь! — крикнулъ онъ въ волненіи и ужасѣ:—императорская стража окружила подземелье!

Плачъ и рыданіе женщинъ были ему отвѣтомъ; многіе кинулись къ выходу, старецъ-священникъ остановилъ бѣгущихъ:

— Возлюбленные братіи и сестры!—повышая голосъ, обратился онъ къ своей паствѣ, — спасенія нѣтъ. Враги напали на нашъ слѣдъ. Приготовимся же идти съ радостью на лютыя казнь и муки. Постоимъ за Спасителя нашего. Скоро Святая Пасха. Не есть-ли то добрый знакъ для насъ всѣхъ, дѣти мои, принять чашу страданія въ одно время съ Божественнымъ Страдальцемъ?

Эти слова старца зажигающе подѣйствовали на толпу. Всѣ бросились къ подножію каменнаго Распятія и распростерлись передъ нимъ ницъ.

Блѣдная, но спокойная, Нинія находилась ближе всѣхъ къ изображенію Христа.

— Если суждено мнѣ погибнуть,—шептала она,—дай мнѣ, Боже мой, сдѣлать это спокойно и радостно, какъ и подобаетъ истинной христіанкѣ.

Юноша Ливій очутился возлѣ нея.

— Позволь мнѣ спасти тебя, Нинія,—зашепталъ

онъ горячо. — Я знаю потайной ходъ въ пещерѣ, онъ ведетъ на пустынное мѣсто берега. Мы успѣемъ спастись: ты, твой отецъ и я.

— А другіе, Ливій? А другіе? — взволнованно спрашивала дѣвушка.

— Всѣмъ не успѣть, любимая: подземелье узко, едва можно пройти въ немъ одному человѣку...

— Тогда я останусь, чтобы раздѣлить общую долю,—смѣло отвѣтила дѣвушка.

Рука стараго Клавдія легла на ея темную головку.

— Иного отвѣта и не ждалъ отъ тебя, дочь моя. На все воля Господня,—дрожащимъ голосомъ прошепталъ старикъ.—Вѣдь, Христосъ Спаситель ждетъ тебя въ селеніи праведныхъ.

И онъ благословилъ свою любимицу.

Въ это время старецъ-священникъ запѣлъ громкимъ проникновеннымъ голосомъ:

— Слава въ вышнихъ Богу.

Хоръ христіанъ подхватилъ священныя слова, и своды катакомбы огласились торжественнымъ пѣніемъ.

Внезапно послышались громкіе грубые голоса у входа, бряцаніе оружія, и цѣлый отрядъ лигіонеровъ, потрясая мечами, вбѣжалъ въ пещеру.

— Смерть христіанамъ! Смерть измѣнникамъ императора!—кричали они, окружая толпу молящихся.

Черезъ нѣкоторое время связанныхъ христіанъ вели въ тюрьму по улицамъ Рима.

III.

Былъ канунъ Пасхи. Въ огромномъ зданіи цирка, находившемся на правомъ берегу Тибра, около дворца Нерона, „Золотого дома“, какъ называли римляне этотъ дворецъ, въ помѣщеніи, отдѣленномъ занавѣсомъ отъ арены, была согнана толпа взятыхъ

нѣсколько дней назадъ въ подземельѣ христіанъ. Ложи цирка, весь амфитеатръ его были наполнены жадной къ зрѣлищамъ римской публикой. Тутъ были и патриціи съ патриціанками, одѣтыми со сказочной роскошью, и бѣдное населеніе Рима. Въ центральной ложѣ, возлежа на шкурѣ царственно красивой пантеры, самъ божественный Августъ (титулъ Нерона) ждалъ представленія. Его вторая жена, красавица Поппея-Сабина, не уступавшая въ кровожадности и хищности своему супругу императору, красовалась тутъ же съ прекраснымъ невиннымъ личикомъ, мало гармонировавшимъ съ ея злобной душой.

Сенаторы, приближенные императора и вельможи тѣснились въ ближайшихъ къ императорской ложахъ. Блестящая стража охраняла ихъ.

Дико-красивое, хищное лицо Нерона носило на себѣ слѣды особеннаго возбужденія. Онъ заранѣе предвкушалъ наслажденіе отъ близкихъ мукъ его злѣйшихъ враговъ—христіанъ.

Самымъ искреннимъ образомъ считалъ онъ ихъ государственными измѣнниками и врагами. Теперь, послѣ недавняго пожара, истребившаго половину Рима, послѣ пожара, въ которомъ льстецы и приспѣшники императора въ угоду ему обвиняли христіанъ, Неронъ, вѣря клеветѣ, съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждалъ казни ненавистныхъ ему людей.

По знаку, данному императоромъ, заиграла невидимая музыка. Десятки тысячъ розъ полетѣли въ ложу императора и на арену... Новый знакъ Нерона, и рабы подняли тяжелую дверь огромной клѣтки, откуда выскочила чудовищныхъ размѣровъ львица. За нею выпрыгнули два льва и нѣсколько тигровъ. Голодные звѣри, рыча и воя, медленно двинулись по аренѣ.

— Не бойся, Нинія. Не бойся, дитя мое. Земныя муки и пытки ничтожны. Великая награда ждетъ потерпѣвшихъ на небесахъ,—говорилъ старый Клавдій, держа трепетавшую дочь въ своихъ объятіяхъ.

Въ послѣднюю минуту смѣлость, казалось, покинула дѣвушку. Она была такъ молода, ей такъ хотѣлось жить—какъ было не робѣть. До послѣдней минуты она ждала помилованія императора. Но раздавшійся вой звѣрей лишилъ послѣдней надежды Нинію. Она поблѣднѣла и прижалась къ груди отца. Подошелъ Ливій.

— Зачѣмъ ты не позволила увести тебя изъ подземелья, когда была еще возможность спастись!—произнесъ онъ, глядя съ невыразимой тоскою и любовью въ глаза невѣсты.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Я не жалѣю объ этомъ!—вскричала съ горячностью юная христіанка.—Какъ жить, когда умираютъ мои друзья и ближніе во Имя Его. Но все же жутко мнѣ, Ливій, жутко, когда подумаю, что сейчасъ погибну въ когтяхъ лютой тигрицы, въ лютыхъ мученіяхъ приму смерть.

И она тихо заплакала, закрывъ лицо руками.

Старый Клавдій крѣпче обвилъ руками плечи дочери.

— Не бойся, Нинія, не бойся, дитя мое,—говорилъ онъ, гладя ея голову.—Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ Бого-Человѣкъ принялъ муки за насъ на крестѣ... Ужели же мы не найдемъ силы послѣдовать Его Божественному примѣру?

Голосъ достойнаго старца крѣпъ съ каждой минутой. Вдохновенно звучала глубокой вѣрой его рѣчь. Рѣшимостью, готовностью принять за Христа какія угодно муки, горѣли глаза.

Христіане, до сихъ поръ съ отчаяніемъ въ душѣ ожидавшіе смертнаго часа на аренѣ цирка въ страш-

ныхъ когтяхъ звѣрей, теперь окружили почтеннаго старца и слушали его зажигательную пламенную рѣчь.

Онъ говорилъ о крестныхъ страданіяхъ Распятаго Христа, о вѣчномъ блаженствѣ, ожидающемъ мучениковъ за вѣру Христову.

Появленіе воиновъ-стражниковъ прервало его слова. Они, грубо растолкавъ ряды христіанъ, вытолкнули часть ихъ на арену подъ тихія напутственныя слова Клавдія:

— Мужайтесь, братіи и сестры. Помните Воскресшаго нынѣ въ ночь Спасителя Христа. Не страшна смерть во Имя Его. Въ нынѣшнюю ночь воскресъ Онъ. Христосъ Воскресъ, братіи и сестры! Воскреситъ Онъ, Благій, и насъ, Своихъ вѣрныхъ рабовъ.

Упалъ тяжелый занавѣсъ у входа. Первые мученики вышли... Наступила минута молчанія и тишины. И вдругъ дикій ревъ звѣрей, стоны и вопли растерзываемыхъ ими жертвъ огласили циркъ Нерона. Бѣшеныя рукоплесканія толпы слились съ ними.

Едва владѣя собою, держа крѣпко за руки отца и жениха, Нинія ждала своей очереди. Вотъ снова приподнялся и упалъ занавѣсъ. Снова появились воины и грубо схватили оставшихся обреченныхъ.

Глазамъ дѣвушки представилось ужасное зрѣлище.

На залитой кровью аренѣ лежали растерзанныя тѣла христіанъ. Дикіе звѣри съ глухимъ рычаніемъ доканчивали свою страшную расправу...

Ближе другихъ ко входу находилась чудовищная львица. Ея страшная пасть была испачкана кровью. Ярко и алчно свѣтились хищные глаза звѣря. Львица выгнула спину и сдѣлала прыжокъ по направленію къ дѣвушкѣ...

Теперь она находилась въ десяти шагахъ отъ нея.

Съ ужасомъ слѣдила Нинія за приближеніемъ звѣря. И вотъ, когда чудовище очутилось передъ нею, неожиданно исчезъ страхъ изъ сердца Нинiи.

— Христосъ Воскресъ нынче въ ночь изъ мертвыхъ!—вскричала она, поднимая руку.—Идемъ же къ Нему, друзья. Онъ ждетъ насъ на небесахъ.

И чистымъ звонкимъ голосомъ она запѣла хвалебную пѣснь Христу.

Что-то особенно прекрасное и смѣлое было въ этомъ порывѣ дѣвушки и въ ея чистомъ, свѣтломъ пѣніи, въ ея восторженно радостныхъ глазахъ. Она какъ бы ясно уже видѣла Христа, простиравшаго къ ней руки издалека. И теперь уже безстрашно взглянула въ глаза звѣря Нинія.

Случилось что-то необычайное и непредвидѣнное въ этотъ мигъ. Вмѣсто того, чтобы броситься и растерзать свою жертву, львица, словно играя, какъ собака, подползла къ ней на животѣ. И другіе звѣри, переставъ терзать трупы несчастныхъ, съ глухимъ рычаніемъ отошли въ сторону.

Императоръ поднялся въ ложѣ и сдѣлалъ знакъ. Красавецъ-рабъ подалъ лютню Нерону. Мнившій себя великимъ музыкантомъ-пѣвцомъ, Неронъ запѣлъ, аккомпанируя себѣ на лютнѣ.

Неронъ пѣлъ долго, пѣсню за пѣсней, и, когда онъ кончилъ, публика съ шумомъ поднялась со своихъ мѣстъ и бурно рукоплескала императору, превознося его до небесъ и осыпая чудовищною лестью.

Довольный и гордый произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ, Неронъ поклонился толпѣ и, махнувъ рукою, громко произнесъ, указывая на арену:

— Уберите звѣрей, прощеніе христіанамъ. Пусть живутъ тѣ, кто слышалъ сейчасъ пѣвца-артиста Августа, ихъ императора. Христіанская дѣвушка

сумѣла заставить зазвучать нынче въ сердцѣ артиста голосъ музы. Пусть живетъ она и ея друзья. Убрать звѣрей.

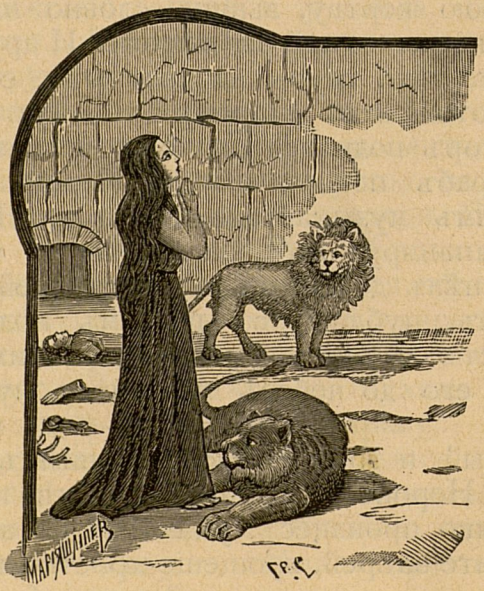
Тихій вздохъ облегченія вырвался изъ груди оставшихся въ живыхъ мучениковъ.

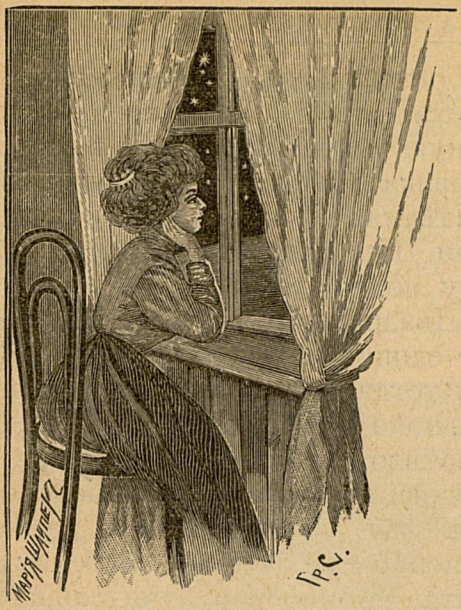
Его покрыли аплодисменты толпы, рукоплесканія въ честь великодушія Августа.

А на аренѣ прощенные христіане обнимали другъ друга и восторженно, со слезами поздравляя другъ друга, повторяли:

— Христосъ Воскресъ! Христосъ Воскресъ!

И старый Клавдій заключилъ въ объятія свою юную дочь спасительницу и ея жениха, прижимая обоихъ къ сильно бившемуся сердцу.





Учительница.

I.

Былъ канунъ ранней мартовской пасхи. Наташа Малышева, чернопольская учительница, сидѣла подъ окномъ своей комнатки, въ ожиданіи пасхальной заутрени, и смотрѣла на мертвыя еще по зимнему поля, на синее, усыпанное звѣздами, небо, точно вышитое золотыми блестками бархатное покрывало.

— Одна изъ нихъ, самая яркая—это Христова звѣздочка, —думала Наташа, — какъ красиво она горитъ! Другія, маленькія—точно ея дѣти.—И тутъ же добавила мысленно съ невольной грустью:—А въ прошломъ году мы Пасху встрѣчали съ мамусей, Нинкой и Котикомъ; весь день ничего не ѣли, а все только готовили всякіе припасы къ разговѣнью; какъ сейчасъ помню: и ветчину запекали, пасху дѣлали. Хорошо было, ахъ, какъ хорошо!

Наташа Малышева—совсѣмъ еще молоденькая. Ей восемнадцать лѣтъ всего, и только годъ какъ хозяйничаетъ она въ школѣ Чернополья, небогатаго села, затерявшагося среди лѣсовъ.

Было время, когда отецъ Наташи, дьяконъ одной изъ подмосковскихъ церквей, жилъ съ семьей, если не богато, то съ достаткомъ. Но умеръ два года тому назадъ дьяконъ, въ приходъ назначили другого,

а осиротѣвшая семья осталась въ самомъ печальномъ положеніи. Старуха-мать, Наташа, только что кончившая тогда женскую учительскую школу, подростокъ Нина „епархіалка“, воспитывавшаяся на казенный счетъ, девятилѣтняя Катя, или Котикъ, находившаяся при матери. Къ счастью, Наташа по окончаніи школы сразу получила мѣсто въ Чернополѣ учительницей. Двадцать рублей въ мѣсяцъ да готовая квартира — единственная комнатка при школѣ—показались ей тогда царскимъ вознагражденьемъ. Поѣхала туда, пока что, одна Наташа: всей семьѣ денегъ бы не хватило на дорогу изъ Москвы. Матери она высылала пятнадцать рублей ежемѣсячно, оставляя себѣ пять на ѣду, чай и сахаръ. Жила Наташа впроголодь. Спасибо еще бабамъ,—матерямъ учившихся у нея ребятъ,—приносили „учительшѣ“ кто хлѣба, кто яичекъ, кто творогу или молока въ крынкѣ,—тѣмъ только почти и жила.

Ужъ скорѣе бы наши пріѣзжали, у меня бы поселились, все легче на одну семью жить. Еще Нинкѣ можно будетъ на „выпускъ“ изъ епархіальнаго откладывать,—мечтала Наташа.

И опять смотрѣла на небо, синее, бархатное, словно вышитое золотымъ узоромъ ярких выпуклыхъ звѣздъ.

Болѣла душа Наташи. Не было что-то долго ужъ писемъ изъ дому. Тосковало сердце и мучили предчувствія. Почему нѣтъ писемъ, а тутъ еще ранняя Пасха наступаетъ, ужъ Вербная недѣля прошла... Первая Пасха, проводимая ею въ одиночествѣ. Тоска, глухая тоска...

II.

Встало раннее мартовское утро. Наташа только что вернулась отъ заутрени.

— Тукъ, тукъ, тукъ!—послышалось у двери.

— Наталья Миколаевна, впусти, мы къ тебѣ!

Старый школьный сторожъ Маркелъ заворчалъ цо своему обыкновенію:

— Ишь, нелегкая принесла! Только что вымылъ полы въ стѣнахъ. Небось опять наслѣдите,—послышался его недовольный ропотъ.

— Не, дяденька, мы легонько! „Христосъ Воскресъ“! Впусти.

— Это Мишутка Климовъ, — рѣшила Наташа, узнавъ по голосу одного изъ своихъ учениковъ.

— Впусти, впусти, Маркелъ Савельичъ, —крикнула она сторожу.

— „Христосъ Воскресъ“, Наталья Миколаевна, а мы тебѣ яичекъ, куличей, пасху принесли.

Вихрастая головенка Миши съ носомъ въ видѣ пуговицы и бойкими глазенками заглянула въ горенку. Въ рукахъ Миши былъ небольшой сверточекъ, изъ котораго выглядывала высокая пасоч-

ка съ верхушкой, щедро обмазанной сахаромъ. По ней было разсыпано множество разноцвѣтныхъ шариковъ-конфетокъ, а на самой макушкѣ сахарный барашекъ съ ошейничкомъ, на которомъ болталось крохотное красное яичко. Изъ-за укутанной въ полушубокъ фигурки Мишутки выглядывали другія дѣтскія лица, разрумяненныя морозомъ. Тутъ были и братья-близнецы, Ванюшка и Петька Памфиловы, и Маша Козлова, и Аннушка Чернявина, и Ивана Пастухова мальченка—Сидорка, и Кузнецова дѣти, и другіе. Все Наташины ученики и ученицы.

Мишутка храбро вошелъ въ комнату, предварительно обтеревъ ноги о половикъ въ сѣняхъ (тоже продѣлали и остальные), и торжественно положилъ свертокъ на столъ. Потомъ съ сосредоточеннымъ видомъ попросилъ у Маркела коробокъ спичекъ, зажегъ восковой огарокъ отъ церковной свѣчи и прикрѣпилъ его къ пасхѣ.

— А таперича, стройся, команда!—прикрикнулъ онъ суровымъ голосомъ сопутствовавшей его дѣтворѣ.

Послѣдніе выстроились въ ряды и закрестились на образъ.

— Христосъ Воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ...—затянулъ тоненькимъ голосомъ Мишутка.

— И сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ...—подхватили остальныя дѣти и неумѣлымъ, нестройнымъ хоромъ повторили молитву три раза.

— Съ праздникомъ тебя, Наталья Миколаевна!—по окончаніи молитвы проговорили они.

Что-то мягко и нѣжно обняло душу учительницы, затеплило въ сердцѣ, обожгло глаза...

— Воистину Воскресъ, мои милые, милые; вспомнили, не забыли... Добренькіе мои!—зашептала она, ласково сіяя прояснившимся взоромъ на лица ребятокъ.

— А это мамка прислала!—неожиданно протягивая ученку съ узелкомъ, въ которомъ лежало съ десятокъ свѣже раскрашенныхъ яицъ, проговорила Аннушка.

— И отъ моей то-жъ,—протянули другой узелокъ въ разъ Ванюша съ Петькой.

— Вотъ отъ мово тятьки!—и Сидорка вытаскиваетъ изъ-за пазухи полушубка молоденькаго живого пѣтушка.

Каждый изъ ребятъ принесъ что-нибудь Наташѣ. Мишутка передалъ свое приношеніе послѣдній.

— Дяденька-почтарь по дорогѣ насъ встрѣтилъ,—произнесъ онъ, протягивая Наташѣ письмо,—велѣлъ дать тебѣ.

Дѣвушка вспыхнула какъ маковъ цвѣтъ. Потомъ поблѣднѣла и снова зардѣлась отъ счастья.

Знакомый почеркъ... Письмо изъ Москвы... Отъ матери. Вскрыла конвертъ, вынула письмо дрожащими руками и жадно углубилась въ чтеніе.

Коротенькія нѣсколько строкъ гласили только:

„Наташенька, родимая наша. Послѣ Ѳоминой жди. Съ деньгами собрались, пріѣдемъ, радость ты наша, подай тебѣ Господь за заботы твои. А Ниночкѣ мѣсто обѣщано весною, какъ кончитъ. Цѣлуемъ тебя всѣ несчетно. До скораго свиданія, родная

Твоя мама“.

Наташа читала милыя строки... А слезы текли по лицу и падали на бумагу.

Притихли ребятишки... Кой у кого тоже предательски блеснуло что-то въ глазахъ.

Маленькій Савка первый нарушилъ молчаніе, подобрался незамѣтно къ Наташѣ, тронулъ ее за руку и протянулъ нараспѣвъ:

— Ты... того... не реви... А кто обидѣлъ, можетъ,

скажи, такъ я того... по-свойски,—и онъ неопредѣленно пригрозилъ кому-то въ пространство маленькимъ кулачкомъ.

Наташа вспыхнула снова, потомъ разсмѣялась и, неожиданно притянувъ къ себѣ мальчугана, звонко чмокнула его въ лоснящуюся щеку. Затѣмъ усадила маленькихъ гостей вокругъ стола и велѣла Маркелу ставить самоваръ.

Теперь это была не прежняя печальная Наташа. Тоска исчезла изъ сердца дѣвушки, тяжелый гнетъ одиночества отпустилъ душу.

Дѣтская привязанность ребятишекъ, ихъ ласки и заботы о ней наполняли радостью все молодое существо учительницы.

А изъ ближняго сельскаго храма доносился праздничный гулъ церковнаго колокола, возвѣщавшій людямъ: Христосъ Воскресе!

Миссъ Молли.

МИССЪ Молли, маленькую кудрявую наѣздницу изъ цирка называютъ по утрамъ, когда въ циркѣ происходятъ репетиціи, нѣсколько иначе: не миссъ Молли Пенъ, какъ о ней гласитъ пестро размалеванная афиша на дверяхъ цирка, а просто Маша, а то и Машка. Но по вечерамъ, когда потоки электрическаго свѣта затопляютъ съ верху до низа зданіе цирка, а публика заполняетъ его ложи, кресла, скамейки и мѣста, тогда Маша Курдюмова снова превращается въ миссъ Молли и ее выпускаютъ въ самомъ началѣ представленія скакать на бѣлой, достаточно смирной вслѣдствіе старости лошади и выдѣлывать на ней разныя забавныя штучки.

Если бы нѣсколько лѣтъ тому назадъ маленькую Машу Курдюмову спросили, кто она такая, то пятилѣтняя Маша, безъ дальняго размышленія пряча за щеку леденецъ, отвѣтила бы, сюсюкая: „Доцка столоза изъ цилка“.

Теперь Маша не сюсюкаетъ, потому что этой зимою ей стукнуло одиннадцать лѣтъ и если и сосетъ иногда леденцы, то не во всякое время и предпочитаетъ имъ кондитерскія конфекты, которыя иногда подносятъ ей изъ публики послѣ удачно ею исполненнаго номера снисходительные зрители, посѣщающіе циркъ.

Но какъ же превратилась скромная, маленькая,

никому незамѣтная дочка сторожа въ англичанку наѣздницу миссъ Молли?—спроситъ заинтересованный читатель.

О, это довольно-таки необыкновенная исторія. Тогда Машѣ Курдюмовой было всего девять лѣтъ. Однажды утромъ, на репетиціи, очень разстроенный и взволнованный директоръ цирка заявилъ, что внезапно заболѣла миссъ Пенъ, маленькая двѣнадцатилѣтняя наѣздница и что ее некѣмъ замѣнить.

— Сотню рублей не пожалѣю, кажется, лишьбы нашлась подходящая дѣвченка замѣнить миссъ Пенъ,—кричалъ онъ и волновался на всю арену.—Вѣдь если публика узнаетъ, что миссъ Пенъ не будетъ, то потребуетъ деньги за билеты назадъ. Эта маленькая Роза Пенъ съумѣла своей ловкостью, скачками съ препятствіями и разными штучками такъ очаровать публику и многіе приходятъ въ циркъ только ради нея. А гдѣ теперь найти подходящую наѣздницу, такую же ловкую и искусную какъ Роза.

И директоръ цирка въ отчаяніи хватался за голову и взволнованный не хуже дикаго тигра въ клѣткѣ метался по цирковой аренѣ.

Тогда всезнающій, толстенькій клоунъ Жако, попросту Яковъ, для пущей важности переименованный въ Жако, выступилъ впередъ и самымъ серьезнымъ образомъ заявилъ:

— Позовите сюда скорѣе сторожа Василія Курдюмова, у него есть дочка, презабавная, я вамъ говорю, дѣвченка. Самъ сторожъ разсказывалъ, какъ она у нихъ въ деревнѣ на лошадяхъ скачетъ, гоняетъ ихъ въ ночное. Да и самъ я съ товарищами-артистами видалъ не разъ, какъ эта маленькая особа задолго до утренней репетиціи или послѣ нея, когда разойдутся артисты, пользуясь тѣмъ, что отецъ ея состоитъ сторожемъ—конюхомъ при ко-

Миссъ Молли.

Гос. Публичная Б-ка Ленинград

нюшнѣ, преблагополучно беретъ ту или другую лошадь и продѣлываетъ на ней подъ сурдинку разныя такія штучки, за которыя публика не скупится платить. Я ей по этому случаю уже разъ надралъ уши и поклялся продѣлать это еще разъ, если замѣчу ее галопирующей когда-нибудь на аренѣ безъ указанія на то со стороны начальства. А зовутъ эту дѣвочку Машуткой и она въ сущности такой чертенокъ, какого, я думаю, еще до сихъ поръ и на свѣтѣ не было, — заключилъ свою рѣчь господинъ Жако.

— Въ такомъ случаѣ зовите сюда этого чертенка, эту Машу,—хотѣлъ я сказать!—обрадовался директоръ цирка.

Но вмѣсто Маши появился на аренѣ ея отецъ, исполняющій должность сторожа и конюха въ одно и то же время, Василій.

— У васъ есть дочка Маша?—такъ и накинулся на него директоръ.

— Не дочка, а наказаніе Господне, такая шустрая дѣвченка, что сладу съ нею нѣтъ,—недовольнымъ тономъ заворчалъ Василій.—Намедни на самую горячую лошадь вскочила. Та ну брыкаться, такъ и грозитъ скинуть ее, а Машка ей въ гриву какъ вцѣпится! Такъ вѣдь и усидѣла... А вечоръ опять чуть въ клѣтку къ тигру Бенгалкѣ не влѣзла. Я ужъ ее за косу оттрепалъ, чтобъ повадки не было! Прешельмовская она дѣвченка. Хочу ее надняхъ въ деревню отослать, не то либо подъ лошадь попадетъ безпримѣнно, либо быть ей въ когтяхъ у Бенгалки, какъ пить дать, быть!—съ мрачнымъ отчаяніемъ закончилъ свою рѣчь Василій.

Но директоръ цирка, казалось, вовсе не раздѣлялъ этихъ мрачныхъ мыслей своего подчиненнаго.

— Вотъ что, Василій,—произнесъ онъ, потирая

руки,—вы должны непремѣнно привести ко мнѣ сейчасъ вашу дѣвочку и заставить ее поѣздить на бѣлой „Джіокондѣ“, вѣдь она не боится лошадей?

— Самого бѣса она, простите, не боится, господинъ директоръ, ежели къ слову сказать, а лошадей во-какъ знаетъ и лихо ѣздитъ на нихъ. Бывало въ деревнѣ...

Но дальнѣйшее повѣствованіе Василія было снова прервано директоромъ.

— Позовите-же сюда вашу дочку, — снова приказалъ онъ.

Но звать Машу Курдюмову не пришлось. Неожиданно изъ-за спины отца высунулась бойкая черномазая рожица съ довольно правильными чертами лица и съ парою такихъ прекрасныхъ глазъ, которые смѣло поспорили бы своимъ блескомъ съ огоньками ночныхъ свѣтилъ. И при этомъ бѣлокурые волосы, золотистаго оттѣнка, пушистымъ ореоломъ окружавшіе очаровательнѣйшее въ мірѣ личико. Съ плутоватымъ взглядомъ, хорошенькая и чуть-чуть сконфуженная Маша Курдюмова выступила впередъ.

— Да она настоящая англичанка! Да одѣть ее хорошенько, изъ нея красавица выйдетъ, за сестру больной Розы Пенъ сойдетъ. Причудесная у васъ, Василій, дочурка! — восторгался нѣмецъ-директоръ, разглядывая Машу.

— А ты, дѣвочка, съумѣешь проѣхаться на Джіокондѣ, ну, сначала просто, скажемъ, а потомъ продѣлывая па, то есть вотъ такъ!—Тутъ высокій, длинный, какъ жердь и худой какъ палка, директоръ всталъ въ позу и сдѣлалъ видъ, что онъ пляшетъ на спинѣ лошади, отчаянно балансируя руками.

Маша неожиданно фыркнула къ общему недоумѣнію и конфузу.

— У васъ плохо выходитъ. Я лучше смогу! — неожиданно заявила она.

— То есть какъ это лучше?—оторопѣлъ хозяинъ цирка,—да и какъ ты можешь знать, что лучше. Развѣ ты пробовала когда-нибудь? — все также недоумѣвая обратился онъ къ дѣвочкѣ.

— А то нѣтъ? Да я все могу сдѣлать, что ваша мисса Роза продѣлываетъ... Только лошадь приведите,—бойко бросала Маша.

— Да гдѣ-жъ ты научилась?—приставали къ ней кругомъ.

— Да неужто-жъ учиться этому надо? Я кажиный вечеръ на Розу вашу смотрѣла, а утромъ послѣ липертиціи, какъ уходили вы всѣ, да тятя или вотъ онъ,—тутъ она ткнула въ сторону клоуна Жако пальцемъ,—оставались, такъ я на спину этой самой Джіокондѣ хлопъ! Ну и наскачусь, бывало, вдоволь.

— Боже мой! Если и на половину правда то, что она говоритъ, я спасенъ!—уже на этотъ разъ весело потирая руки, говорилъ директоръ. — Приведите сюда Джіоконду и пригласите старшаго наѣздника показать дѣвочкѣ все, что отъ нея требуется,—прибавилъ онъ въ томъ же радостномъ возбужденіи. Черезъ нѣсколько минутъ конюхъ Василій привелъ бѣлую Джіоконду, заслуженную старую цирковую лошадь. За нею слѣдомъ, ковыляя въ своихъ высоченныхъ сапогахъ-ботфортахъ, пришелъ и старшій наѣздникъ.

— Ну, дѣвочка, гопъ-ля, вскакивай въ сѣдло!— строгимъ, не допускающимъ возраженія, тономъ приказалъ онъ Машѣ. Та повиновалась. Въ началѣ репетиціи Василій Курдюмовъ порядкомъ таки побаивался за дочку. Всякіе ужасы мерещились ему. Ничего, что ловка и шустра бойкая Машутка, да вѣдь бойка-то она когда шалитъ, а не на серьезномъ

дѣлѣ, не при «занятіяхъ», какъ онъ называлъ цирковое искусство, такъ чего добраго еще, пожалуй, полетитъ на барьеръ арены да голову себѣ размозжитъ въ дребезги. Жаль дѣвченку, пропадетъ Маша.

Но Маша не пропала и не размозжила себѣ головы о страшный барьеръ. Ловко и хорошо продѣлала она все, что требовалось отъ нея наѣзникомъ господиномъ Паулемъ, очень строгимъ и взыскательнымъ человѣкомъ. Директоръ былъ положительно отъ нея въ восторгѣ. Онъ подарилъ десять рублей Машѣ за «пріятный сюрпризъ» и обѣщалъ принять ее въ труппу, если сегодня она понравится публикѣ, на очень приличное вознагражденіе. Были тотчасъ посланы въ типографію новыя добавленія къ прежнимъ афишамъ, въ которыхъ говорилось, что вмѣсто внезапно заболѣвшей любимицы публики миссъ Розы Пенъ, выступитъ младшая сестра ея миссъ Молли. А вечеромъ затянутая въ розовое трико, пышно наряженная въ блестящую, разноцвѣтными огоньками бисера сверкающую пышную юбку и бархатный расшитый такими же блестками корсажъ, очаровательно-хорошенькая при яркомъ освѣщеніи, Маша съ ея пышными отъ природы вьющимися волосами и плутовскими глазенками произвела настоящій фуроръ. Она такъ смѣло галопировала на бѣлой Джіокондѣ, такъ бравурно отплясывала положенный танецъ на гладкомъ плоскомъ сѣдлѣ, такъ безподобно брала барьеры подъ мелодичные звуки оркестра, наигрывавшаго какой-то меланхолическій вальсъ, что весь циркъ дрожалъ, какъ принято выражаться, отъ апплодисментовъ и долго не смолкали крики публики, восторженно привѣтствовавшей юную наѣздницу.

Съ тѣхъ поръ прошелъ уже годъ и миссъ Молли, она же и Маша Курдюмова, уже настолько привыкла къ своей новой роли «извѣстной англійской наѣзд-

ницы малолѣтней миссъ Молли», какъ о ней писалось въ афишахъ, что уже безъ всякаго трепета выѣзжала на цирковую арену и продѣлывала на ней свои изумительные фокусы при благосклонномъ участіи бѣлой Джіоконды.

Наступила весна. Въ воздухѣ уже чудилась близость самаго лѣта. Стояло начало апрѣля и циркъ заканчивалъ свои дѣла. Съ первыми майскими днями директоръ его, господинъ Фишъ, долженъ былъ уѣхать заграницу и распускалъ поэтому труппу до осени на три лѣтніе мѣсяца въ отпускъ.

Должна была ѣхать къ себѣ домой въ деревню и Маша Курдюмова съ отцомъ, гдѣ она не была цѣлые три года. Сердце дѣвочки заблаговременно уже било тревогу. Несмотря на всю свою «извѣстность», несмотря на сочувствіе къ ней публики и на приличный для такой юной особы заработокъ, Маша такъ и тянулась, такъ и рвалась въ деревню, къ роднымъ полямъ, къ милому лѣсу, къ старушкѣ матери, къ старшимъ братьямъ и сестрамъ, которыхъ она не видѣла такъ давно. А тутъ еще отецъ проговорился дѣвочкѣ, что надняхъ должна была пріѣхать сюда мать на побывку, чтобы сдѣлать кой какія дѣла по крестьянскому хозяйству да захватить Машу съ собой, такъ какъ отецъ не могъ ѣхать съ ними. Василій Курдюмовъ долженъ былъ оставаться все лѣто при циркѣ, ходить за лошадьми и прочими цирковыми животными, остававшимися лѣтомъ на его попеченіи.

*
* *

Стоялъ чудесный весенній вечеръ. Въ циркѣ было однако не мало народу. Циркъ давалъ свое представленіе въ послѣдній разъ и поэтому публики набралось достаточно для закрытія. Миссъ Молли

была сегодня особенно въ ударѣ. Очаровательная дѣвочка, казалась нарядною бабочкой въ своемъ пышномъ блестящемъ костюмѣ; граціозно продѣлывала она свои обычныя «штучки» на спинѣ старой Джіоконды, щедро разсыпая улыбки и воздушные поцѣлуи по адресу дѣтей, присутствующихъ въ циркѣ. Ей отвѣчали апплодисментами и криками восторга:

— Браво, миссъ Молли, браво!

Особенно неистовствовали двое ребятъ въ крайней ложѣ внизу, у барьера, мальчикъ и дѣвочка, находившіеся здѣсь въ обществѣ ихъ дѣдушки генерала.

— Какая очаровательная маленькая англичаночка! восторженно говорила дѣвочка, любуясь миссъ Молли, граціозно выбѣгавшей раскланиваться на апплодисменты публики послѣ исполненнаго ею номера.

— Дѣдушка, милый дѣдушка, когда пойдешь съ нами въ конюшню смотрѣть лошадей въ антрактѣ, позволь намъ поближе познакомиться съ маленькой англичаночкой. Она такая милая и веселая дѣвочка! просилъ, въ свою очередь, мальчикъ.

— Охотно, друзья мои!—согласился генералъ.

— Какъ жаль, что я не говорю по англійски! съ сожалѣніемъ и грустью проговорила Зиночка,— а то-бы я сказала маленькой англичаночкѣ, что страшно полюбила ее, что она такая хорошенькая и милая и что мнѣ очень, очень хотѣлось бы подружиться съ нею.

— И мнѣ бы хотѣлось сказать ей это,—перебилъ сестру Сережа, — и еще сказать, что я очень сожалѣю о томъ, что она не мальчикъ... Я увѣренъ, что она охотнѣе была бы мальчикомъ, нежели дѣвочкой.

— Это почему же? обиженно надувая губки, спросила Зиночка брата. Но отвѣтить мальчику не пришлось. Окончился послѣдній номеръ перваго отдѣленія и почти вся публика направилась въ конюшни смотрѣть лошадей, какъ это всегда дѣлаетъ въ антрактахъ публика цирка.

Пройдемъ въ уборную къ маленькой миссъ Молли! просили дѣда Зина и Сережа. Спросимъ вонъ у того сторожа, гдѣ помѣщается эта маленькая англичаночка?

Баловникъ дѣдушка, почти никогда не противорѣчившій въ просьбахъ своимъ любимцамъ, согласился и на этотъ разъ доставить имъ удовольствіе. Разспросивъ у стоявшаго при входѣ за кулисы лакея, гдѣ находится помѣщеніе Миссъ Молли, онъ, взявъ за руки обоихъ дѣтей, пошелъ туда. Постучавъ у дверей комнатки, скромно пріютившейся позади цирковой арены за цѣлою грудою разныхъ ящиковъ и картонныхъ кулисъ, и получивъ въ отвѣтъ короткое «войдите», къ немалому удивленію дѣтей произнесенное на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, дѣдушка въ сопровожденіи Зины и Сережи переступилъ порогъ уборной и замеръ отъ удивленія.

На краюшкѣ большого, ничѣмъ не покрытаго, ящика, очевидно исполняющаго роль дивана, сидѣла простая деревенская женщина въ темной кофтѣ, повязанная платкомъ. По ея доброму загорѣлому какъ у всѣхъ крестьянокъ лицу, испещренному морщинами, струились слезы. А ротъ и глаза улыбались мягкой, счастливой улыбкой.

На колѣняхъ ея сидѣла миссъ Молли, еще не успѣвшая сбросить своей пышной юбочки и блестящаго корсета наѣздницы. Желтая, морщинистая рука любовно водила по бѣлокурой головкѣ и смѣющемуся радостной улыбкой очаровательному ли-

чику «англичанки», и морщинистыя губы шептали нѣжно, нѣжно.

— Доченька моя! Родимая моя! Не узнать тебя мнѣ — старухѣ въ этой одёжѣ! И красавицей то какой ты стала. Зоренька ты моя! Ягодка! Желанненькая!

Слезы текли по лицу старой женщины и падали на бѣлокурую головку и смочили растроганно-сіяющее личико. И ластясь какъ котенокъ къ матери, миссъ Молли прижималась къ ней, шепча отвѣтныя ласковыя слова:

— Мамонька родная! Желанненькая! Да какъ же я рада, что ты пріѣхала, мамонька. И совсѣмъ то я истосковалась безъ тебя, родная!... Возьми ты меня поскарѣючи отсюда, смерть какъ въ деревню нашу хочу! Повидать братцевъ, сестричекъ, поле, лѣсъ, избушку нашу. Домой страсть какъ хочется, родная, не смотрѣли-бы здѣсь глазыньки ни на что!

И тутъ только замѣтивъ гостей на порогѣ своего маленькаго помѣщенія, миссъ Молли соскочила съ колѣнъ матери, низко присѣла генералу и проговорила безо всякаго смущенія съ тѣмъ же радостнымъ взволнованнымъ видомъ:

— Извините, господа, не замѣтила спервоначалу. Такая радость у меня нынче. Маменька изъ деревни пріѣхала, сейчасъ только встрѣтились съ нею.— И она снова, не совладавъ съ собою, бросилась назадъ къ матери и повисла у нея на шеѣ.

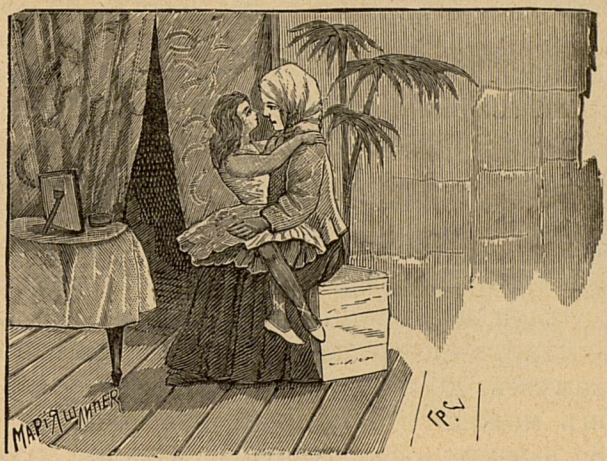
Дѣдушка, Зина и Сережа, не желая мѣшать трогательной встрѣчѣ матери съ дочерью, незамѣтно вышли за дверь.

— Такъ, значитъ, это не настоящая англичанка миссъ Молли? спросила Зиночка дѣдушку.

— Такъ кто же эта дѣвочка? вторилъ сестрѣ Сережа.

Дѣдушка помолчалъ съ минуту, потомъ съ мягкой улыбкой отвѣтилъ своимъ любимцамъ:

— Я не знаю, какъ зовутъ эту дѣвочку, но, на сколько я понялъ, она чрезвычайно хорошее, свѣтлое существо. Какая рѣдкость, имѣя такой успѣхъ, слыша отовсюду похвалы, апплодисменты и поощренія—не загордиться, не увлечься мишурнымъ блескомъ, а оставаться въ душѣ милой и простой крестьяночкой, привязанной къ своей семьѣ и къ родной деревнѣ, такъ привязана эта милая славная дѣвчурка, достойная всяческаго уваженія и похвалъ!



Тетя Душа.

ЕТЯ Душа — старая барышня, но совсѣмъ особенная старая барышня, какой еще никогда не было и навѣрное уже не будетъ никогда.

По крайней мѣрѣ, кто не взглянетъ на милое, кроткое, всегда оживленное лицо тети Души, съ сѣтью мелкихъ морщинокъ вокругъ глазъ и на лбу, на ея ясные, голубые, чистые какъ у ребенка, глаза, тотъ невольно подумаетъ про тетю Душу: что за чудесная семьянинка-мать должна быть эта маленькая женщина! А между тѣмъ, тетя Душа никогда и не была замужемъ. Когда, будучи еще хорошенькой восемнадцатилѣтней дѣвушкой, она полюбила одного молодого человѣка, очень честнаго и очень бѣднаго, ея отецъ строго-настрого запретилъ ей выходить за него замужъ, до тѣхъ поръ пока не увеличится заработокъ молодого человѣка, ссылаясь на благоразумный выводъ: съ голоду, что-ли, захотѣла помереть?

И тетя Душа, съ дѣтства, привыкшая подчиняться своему строгому отцу, подчинилась ему и теперь безропотно и покорно. Молодые люди разстались, давъ взаимную клятву соединиться при первой-же матеріальной возможности. «А если паче чаянія, — добавилъ молодой человѣкъ,—судьба улыбнется мнѣ, и я разбогатѣю, то жди меня; ровно черезъ 15 лѣтъ

я пріѣду за тобою, и найду тебя, гдѣ-бы ты не находилась, дорогая моя». И онъ уѣхалъ; сильный сознаніемъ важности возложеннаго на него долга— добывать вѣрный кусокъ хлѣба для своей будущей семьи. А молодая дѣвушка погрузилась въ мелочныя заботы о хозяйствѣ, чтобы какъ-нибудь уменьшить скуку по уѣхавшему дорогому существу.

Послѣ смерти отца внѣшняя жизнь изъ родительскаго дома перекочевала въ домъ женатаго брата, и тутъ-то и началась та жизнь, полная самоотверженной любви и пользы ближнимъ, на которую была такъ способна душа этой маленькой дѣвушки. Жена брата, слабенькая, болѣзненная женщина, безъ малѣйшаго колебанія передала всѣхъ своихъ троихъ дѣтей на попеченіе тети Души, такъ какъ сама не имѣла физической силы воспитывать ихъ.

И послѣдняя блестяще оправдала возложенную на нее обязанность.

Дѣти были обязаны своимъ воспитаніемъ исключительно тетѣ Душѣ. Она, буквально, вырвала изъ рукъ смерти заболѣвшую дифтеритомъ старшую дѣвочку, блѣдненькую, слабенькую Симочку. Какъ настоящая сестра милосердія, ухаживала она за

*

отбывавшими неизбѣжную повинность въ видѣ кори и скарлатины обоими мальчиками—близнецами Стивой и Мишей. Она-же первая сложила ихъ крошечныя рученки для молитвы и научила ихъ непокорные дѣтскіе язычки лепетать священныя слова молитвъ: «Отче Нашъ» и «Богородицу». Не довѣряя нянькамъ, она собственноручно каждое утро обтирала ихъ люфою. смоченною водою съ одеколономъ, согласно предписанію врача, варила имъ какао; учила ихъ, читала имъ, гуляла и играла съ ними. Когда же они поступили въ гимназію, первые два года она сама отводила ихъ въ классы и, по окончаніи ихъ, встрѣчала и провожала домой.

Словомъ, у тети Души, казалось, не было собственной жизни: она жила исключительно жизнью своихъ питомцевъ. Правда, иногда, уложивъ ихъ въ постельки, перекрестивъ по нѣсколько разъ каждаго, и, убѣдившись, что дѣти спятъ, она подходила на цыпочкахъ къ окну, приподнимала край шторы и долго смотрѣла на темнѣющее небо и ласковыя звѣзды, испытывая при этомъ какую-то необъяснимую щемящую тоску.

И въ такія печальныя минуты эта маленькая, худенькая, голубоглазая дѣвушка думала, что гдѣ-то далеко-далеко отъ нея на это самое небо, на эти звѣзды смотритъ дорогой, любимый ею человѣкъ. И она твердо вѣрила, что онъ тоже думаетъ о ней, какъ и она о немъ, и что онъ весь полонъ преданности и привязанности къ ней, далекой своей невѣсты. На груди тети Души висѣлъ золотой медальонъ съ его изображеніемъ: съ этимъ медальономъ она не разставалась никогда.

II.

Это случилось на девятый день кончины жены брата. Она умерла отъ чахотки. Смерть ея не являлась неожиданностью для ея семьи. Напротивъ, всѣ давно уже примирились съ печальной необходимостью скорой потери, и ждали съ тоскою исхода, могущаго облегчить муки несчастной страдалицы.

Наконецъ, исходъ этотъ наступилъ. Матери семьи не стало.

Тетя Душа, успѣвшая уже привыкнуть къ стонамъ и капризамъ трудно больной, сданной на ея попеченіе, такъ сжилась съ постоянными заботами о чахоточной золовкѣ, что не чувствовала никакого труда въ уходѣ за нею и горько оплакивала теперь умершую Марію Александровну.

Дѣти мало видѣли въ послѣдній годъ мать, несмотря на совмѣстную жизнь, благодаря ея болѣзни, тянувшейся безконечные годы.

Шестнадцатилѣтняя Симочка, четырнадцатилѣтніе близнецы Стива и Миша своимъ воспитаніемъ и уходомъ за ними были цѣликомъ обязаны тетѣ Душѣ. Мать свою они, до послѣдняго года ея жизни, видѣли только по два раза въ день, утромъ и вечеромъ, когда они являлись здороваться и прощаться въ комнату больной, такъ какъ малѣйшее волненіе и долгіе разговоры были строго на строго запрещены пользовавшимъ Марію Александровну врачемъ.

Василій Васильевичъ Гагинъ крѣпко любилъ жену, но это былъ очень занятой, дѣловой человѣкъ, работникъ и кормилецъ семьи, успѣвшій хорошо познакомиться съ лишеніями и невзгодами жизни. Ему не-

когда было предаваться слезамъ и скорби, потому что надо было доставать денегъ на похороны и сопряженныя съ ними расходы.

И опять та же тетя Душа приняла послѣдній вздохъ умиравшей, омыла и одѣла покойницу, украсила ея гробъ скромными цвѣтами, разносила не избѣжныя объявленія по редакціямъ, и своими слабенькими, почти дѣтскими ручками поддерживала забившуюся на краю могилы въ нервномъ припадкѣ Симочку.

Она-же послѣднею отошла отъ могильнаго холмика съ простымъ деревяннымъ крестомъ.

На 9-й день кончины только-что вернувшаяся съ кладбища семья Гагиныхъ сидѣла за завтракомъ.

Блѣдненькая Симочка казалась еще воздушнѣе и отъ усталости и отъ траурнаго платья. Она вяло кушала свою порцію ростбифа и думала о томъ, что сталось-бы съ ними всѣми, если бы подлѣ нихъ не было ихъ поддержки, въ лицѣ ихъ доброй тети Души.

Миша и Стива ни о чемъ, казалось, не думали и съ азартомъ, свойственнымъ ихъ возрасту, уплетали завтракъ. Зато ихъ отецъ, сидѣвшій на обычномъ мѣстѣ въ концѣ стола, думалъ о многомъ: и о томъ какъ-бы получше окончила гимназію Симочка, чтобы пристроить ее на мѣсто, и о томъ, какъ-бы поудобнѣе подать прошеніе директору на службѣ о выдачѣ ему пособія, благодаря разстроенному, вслѣдствіе болѣзни и смерти жены, бюджету, и о Стивѣ, приносившемъ въ этомъ году плохія отмѣтки, и о Мишѣ, на шалости котораго жаловался ему два мѣсяца тому назадъ при встрѣчѣ инспекторъ, и еще о многомъ, многомъ другомъ.

Тетя Душа тоже думала, но нѣсколько иначе.

Сегодня исполнилось 15 лѣтъ со дня отъѣзда ея жениха.

Пятнадцать лѣтъ! Тогда она была совсѣмъ молоденькая, 20-ти лѣтняя дѣвушка. Теперь ей цѣлыхъ 35 лѣтъ. Она постарѣла — о, какъ постарѣла! Но по прежнему помнитъ своего добраго жениха и думаетъ о немъ чаще и больше нежели прежде!... Тогда, будучи еще молоденькой, она не умѣла оцѣнить его такъ, какъ цѣнила его теперь.

И сейчасъ въ этой хорошенькой пригородной дачкѣ затерянной, какъ въ лѣсу, среди громаднаго, густого и тѣнистаго сада, куда они переѣхали провести лѣто всей семьей, она снова чувствуетъ себя сильной, отдохнувъ немного отъ всѣхъ сопряженныхъ со смертью и похоронами золовки волненій.

Послѣ всѣхъ этихъ печальныхъ событій ей такъ хочется отдохнуть на свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни

этого большого, дикаго сада и вспоминать счастливую раннюю юность.

И полная свѣтлыхъ надеждъ и вѣры въ будущее, всегда спокойная и робкая, тетя Душа сейчасъ стремительно вскакиваетъ изъ-за стола и бѣжитъ въ садъ, чтобы видѣть небо, солнце, цвѣты и зелень и помечтать вдали ото всѣхъ въ тѣни деревьевъ.

— Что это съ нашей тетей Душей случилось нынче? Вы не знаете, дѣти? — удивленно вскинувъ глаза черезъ стекла пенснэ, спросилъ Гагинъ, — здорова-ли она? почему у нея такое настроеніе сегодня? Необходимо узнать, — и онъ послалъ къ сестрѣ Стиву.

Послѣдній стремительно выбѣжалъ изъ комнаты. На площадкѣ лѣстницѣ, ведущей въ садъ, мальчикъ останавливается, какъ вкопанный.

У калитки стоялъ высокій, загорѣлый, обросшій бородой мужчина въ дорожномъ костюмѣ и, вѣжливо приподнявъ шляпу, что-то спрашивалъ у него.

Но Стива не успѣлъ отвѣтить незнакомцу, потому что внезапно откуда-то появившаяся тетя Душа бросилась на встрѣчу къ вновь прибывшему и съ легкимъ радостнымъ крикомъ протянула ему обѣ руки... А незнакомый мужчина цѣловалъ ихъ одну за другою и говорилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Ну, вотъ видишь... видишь... дорогая моя... Вотъ я и сдержалъ свое слово! Сегодня исполнилось ровно пятнадцать лѣтъ со дня нашей разлуки и я вернулся къ тебѣ за тобою состоятельнымъ и богатымъ человѣкомъ.

Дальше Стива не слушаетъ. Какъ пуля несется изъ сада обратно домой, въ столовую, чтобы разсказать обо всемъ случившемся отцу.

III.

Всѣ молчали, слушая съ благоговѣніемъ такъ много повидавшаго на своемъ вѣку господина Пронина.

Слушали и дивились и стойкости, волѣ человѣческой, терпѣнію, выносливости, и трудоспособности этого энергичнаго, сильнаго духомъ человѣка.

Одна тетя Душа не дивилась. Она гордилась своимъ старымъ другомъ, и ея сіяющіе теперь, какъ звѣзды, глаза, устремленные на него, казалось, говорили: «Вотъ какой онъ честный, какой умный, какой добрый и благородный. И какъ права я была, вѣря въ него какъ въ самое себя».

Онъ много измѣнился за эти 15 лѣтъ. Ничего, прежняго не осталось въ немъ, конечно. Лицо, обросшее густою растительностью, мѣстами уже посеребренною сѣдиною, и обожженное полярнымъ солнцемъ, было мужественно, красиво живой одухотворенной красотой. Смѣлый, проницательный взглядъ, сильно раздавшаяся грудь и плечи, густая черная съ сѣдиной шапка волосъ,—все это придавало ему видъ какого-то русско-сказочнаго богатыря. И самое появленіе его здѣсь было неожиданно какъ въ сказкѣ. И самые разсказы этого богатыря о его необыкновенной жизни, полной лишеній и приключеній, были захватывающе интересны, заставляя и Стиву и Мишу буквально замирать отъ восторга.

Пронинъ разсказывалъ обо всемъ, что случилось съ нимъ за эти долгіе 15 лѣтъ. Онъ плавалъ капитаномъ на пароходѣ велъ жизнь янки, плантатора въ Америкѣ, и добывалъ золото въ Новомъ Свѣтѣ. Теперь онъ накопилъ достаточно денегъ,

чтобы вернуться къ своей невѣстѣ сыграть свадьбу и зажить съ нею въ довольствѣ и спокойствіи, своимъ собственнымъ домкомъ, беззаботно и легко.

IV.

Они сидѣли въ маленькой бесѣдкѣ, обвитой непроницаемой стѣной плюща и дикаго винограда — тетя Душа и ея братъ съ своими тремя дѣтями. Дядя Володя, какъ сразу стали дѣти называть будущаго мужа тети Души, поѣхалъ дѣлать необходимыя распоряженія въ городѣ по случаю предстоящей свадьбы. У Симочки сегодня были заплаканные глаза и двое мальчиковъ съ потупленными лицами и съ растерянными усмѣшками на губахъ сидѣли какъ въ воду опущенные въ палисадникѣ. Да и самъ Василій Васильевичъ Гагинъ казался разстроеннымъ сегодня не менѣе его дѣтей.

— Это ужасно, Душа, что ты собираешься оставить насъ,—говорилъ онъ.

— Тетя Душа,—шептала съ тоскою Симочка, прижимаясь къ ней,—мнѣ кажется, мы будемъ совсѣмъ несчастны и безпомощны, когда останемся безъ тебя.

— Правда, сестра, намъ будетъ сильно не хватать тебя въ нашемъ домѣ,—подтвердилъ и ея отецъ и, помолчавъ немного, добавилъ — хотя я отлично знаю, что такъ разсуждать, какъ мы, это по меньшей мѣрѣ эгоистично. Вѣдь всю свою жизнь ты прожила для другихъ, и теперь имѣешь полное и неотъемлемое право подумать и о себѣ самой и о своемъ будущемъ счастьѣ.

Мальчики молчали и, лишь тяжело посапывая носами и угрюмо глядя въ полъ, думали о томъ, что вскорѣ все вкось и вкривь пойдетъ въ домѣ: хозяйство будетъ идти изъ рукъ вонъ плохо, и

сами они навѣрное защеголяютъ безъ тети Души въ рваныхъ курткахъ безъ пуговицъ и въ грязныхъ воротничкахъ, потому что Симочка въ руки не беретъ иголки. А кормить то ихъ навѣрное будутъ Богъ вѣсть какъ плохо, такъ какъ некому уже будетъ наставлять кухарку, какъ дѣлать трубочки съ сбитыми сливками и слоеные пирожки.

Тетя Душа и кормила и обшивала ихъ и помогала заниматься имъ обоимъ какъ настоящій репетиторъ.

— Ахъ, что-то будетъ ,что-то будетъ теперь!— маялись дѣти.

*
* *

И было вотъ что.

У Симочки въ тотъ-же вечеръ поднялся жаръ. Послѣ купанья она долго ходила съ мокрыми волосами по свѣжей и вѣтрянной погодѣ. А къ утру Симочка была уже въ забытьи. Тетѣ Душѣ поневолѣ снова пришлось принять на себя свою прежнюю роль сидѣлки.

Въ бреду Сима кричала: не отдамъ тетю Душу, миленькую мою, не отдамъ никому тетю Душу!

Съ трудомъ удалось отстоять жизнь дѣвочки и спасти ее отъ начинавшагося воспаленія мозга. И только, благодаря усиленнымъ заботамъ не отходившей отъ нея тети Души, Симочка поднялась на ноги.

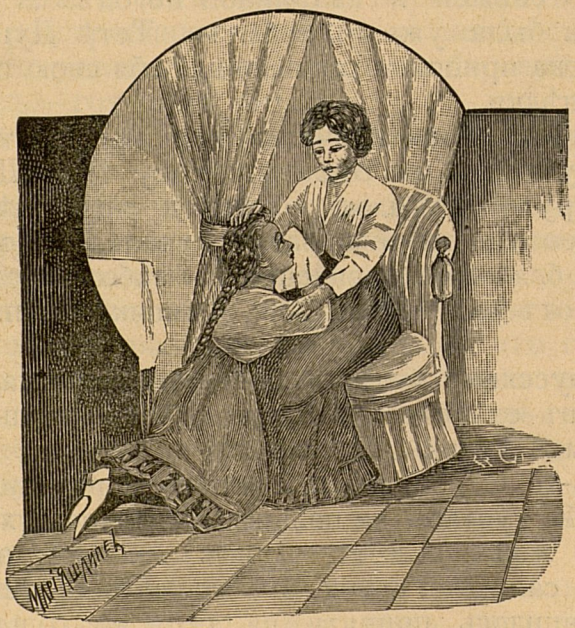
По русскому повѣрью несчастье никогда не приходитъ въ единственномъ числѣ. Это испытала на себѣ семья Гагиныхъ.

Какъ-то Стива, играя топоромъ, нечаянно зарубилъ себѣ суставъ на пальцѣ. Пришлось ухаживать за нимъ той же тетѣ Душѣ. А тутъ заболѣли глаза у самаго Гагина и его великодушной сестрѣ пришлось принять на себя не только роль

лектрисы брата, но и цѣликомъ взять на себя исполненіе взятой имъ со службы на домъ канцелярской работы.

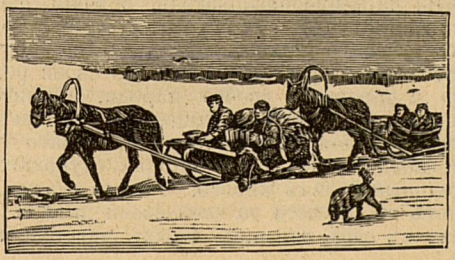
И въ горячкѣ всей этой суеты и волненій какъ-то странно было-бы упоминать самоотверженной тетѣ Душѣ объ ея уходѣ изъ дома брата. Странно и дико было уходить отсюда, гдѣ такъ дорожили ею и гдѣ безъ ея присутствія никто не могъ и не хотѣлъ обойтись.

Тетя Душа особенно ярко и глубоко почувствовала это. И... осталась. Осталась жить для другихъ, принеся въ жертву свое личное счастье и свои еще недавно розовыя, свѣтлыя и теперь окончательно разбитыя мечты.



СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Снѣгурочка-царевна	3
Сочельникъ Кати Луниной	10
Маленькій молочникъ	24
Жоржикъ и его мама	29
Островъ счастья	47
„Разыграли“	73
Филатъ	82
Ничтожная причина	97
Мама ничего не понимаетъ	102
Валеткина доля	109
Первое слово	136
Матреша	145
Подъ Новый годъ	156
Въ рождественскую ночь	172
На аренѣ	181
Учительница	193
Миссъ Молли	199
Тетя Душа	210



Въ деревнѣ Разсказы для дѣтей С. Макаровой. — Рабочій ящикъ. — Сирота.—Рекрутъ.—Пожаръ на мельницѣ.—Мачеха.—Пасха.—Извозчикъ. Изданіе третье дополненное. Съ рисунками художника Н. Захарова. 249 стр. Цѣна въ папкѣ 1 р.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой. Одинъ изъ давно минувшихъ дней. Историческій разсказъ изъ жизни Екатерины II-ой. Альгея. — Воротничекъ. — Пріятель.—Капризъ. Съ рисунками художника М. Андреева. Въ папкѣ, цѣна 1 р.

Дѣтскій мірокъ. Сборникъ разсказовъ для младшаго возраста Соч. С. Макаровой. Съ рисунками художника Сизова. Въ папкѣ, ц. 60 к.

Софья Макаровна посвятила всю свою литературную дѣятельность дѣтямъ, и въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ писала исключительно только разсказы, повѣсти, сказки, очерки дѣтской жизни или же изъ исторіи и народнаго быта, предназначенные для дѣтей.

Сочиненія С. М. Макаровой пользовались и пользуются до сихъ поръ большимъ успѣхомъ среди дѣтей. Задача, которую поставила себѣ покойная С. М. Макарова въ своихъ трудахъ, была—всегда поучать и сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія почти шутя т. е. соединять пріятное съ полезнымъ. при чемъ всѣ ея разсказы проникнуты идеею добра, правды и любви.

***) О быломъ. Русскіе историческіе разсказы.** Соч. Г. Т. Сѣверцева-Полилова, съ 60 рисунк. художн. Н. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное ученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощенные дни. Въ недѣлю Ваій. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Заспалъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче? Паракита. Царевъ Варганистъ.

Былое на Руси. Историческіе разсказы. Княгиня Ольга. Святославъ. Плачъ Ярославны. Евпатій Коловратъ. Шемякинъ судъ. Князь Сибирскій. Кулачный бой. Скоморохи. Кружало. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Боярская Дума. Вербное Воскресеніе. Великъ день. Ближній кояринъ. Въ теремѣ царевны. Святки. Свадьба. Соч. Черскаго и А Зарина, Съ 65 рисунками, снимки съ картинъ художниковъ: К. Маковскаго, Соломко, В. Васнецова, К. Венига, А. Рябушкина, Малышева, Шварца, А. Шарлемана. Чирикова и др. съ портретами. 288 стр. въ красивой папкѣ. Спб. 1912 г. Цѣна 1 р. 35 к.

„Юный властелинъ“. Историч. повѣсть Л. Черскаго. Съ рисунками. Ц. 1 руб. 25 коп. Царь-богатырь, царь-завоеватель, царь-преобразователь, великій работникъ и славный наставникъ своихъ подданныхъ, — императоръ Петръ Великій навсегда сохранилъ въ сердцахъ русскаго народа любовь къ себѣ и удивленіе къ своему всеобъемлющему генію. Его горячая любовь къ своей родинѣ, его глубокая вѣра въ способности и дарованія своего народа, изумительное трудолюбіе, рѣдкая справедливость и простота обращенія и жизни знакомы каждому русскому сердцу. Вся славная жизнь этого сказочнаго героя,—его дѣтство, отрочество, юность и позднѣйшіе годы,—полна глубокаго, захватывающаго интереса. И увлекательный образъ живого, бойкаго ребенка и пылкаго, восторженнаго юноши встаетъ въ повѣсти во всей своей дивной прелести, невольно увлекая и приковывая къ себѣ вниманіе юныхъ читателей.

Дѣтскій міръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Соч. Зои Щербачевой. Съ 70 рисунками и заставками. 20 разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Изъ путешествія по Европѣ. Изъ жизни животныхъ. Интересные разсказы про умныхъ собачекъ. Забавные приключенія дѣтей. Охота на звѣрей и пр. и пр., написанныхъ простымъ литературнымъ языкомъ и вполнѣ доступныхъ пониманію своего читателя. Спб. Въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. Учен. Ком. Вѣд. Императрицы Маріи допущен. въ библ. младш. и средн. возр. въ ихъ учебн. заведенія.

Развлеченіе и польза. Сборникъ разсказовъ Зои Щербачевой съ 80 рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Н. К. Пимоненко, В. Маковскаго, Т. Никитина, А. Шлиппера, Холодовскаго и друг. Спб. 1912 г. въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Учен. Ком. Учр. Вѣдом. Императр. допущ. въ библ. младш. и средн. возр. въ ихъ учебн. заведенія.

Золотое время. 15 разсказовъ Зои Щербачевой для дѣтей средняго возраста. Съ рис. художн. М. Михайлова. Цѣна въ папкѣ 1 р. 35 к. Въ предлагаемый сборникъ вошло 15 разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія—живо и талантливо написанныхъ.

„Царица Кроткая“. Историческая повѣсть Л. Черскаго. Спб. Съ рисунк. въ папкѣ 1 р. 25 к. И до сихъ поръ въ народѣ русскомъ живетъ свѣтлая память о кроткой, милосердной царицѣ Анастасіи Романовнѣ, первой супругѣ царя Ивана Грознаго. Краткая жизнь ея была подобна недолго горящей, но отрадной и прекрасной небесной звѣздѣ. Въ ней соединились всѣ лучшія качества женщины: глубокая вѣра, скромность, цѣломудріе, состраданіе и мягкость. Велико и громадно было ея вліяніе на царя Ивана, и совмѣстная жизнь съ нею была лучшей порой его царствованія, словно она принесла въ даръ супругу не только счастье, но и славу, и удачи. Въ яркихъ, картинныхъ сценахъ повѣсти юный читатель знакомится не только съ ея славной жизнью, посвященной дѣламъ любви и милосердія, но и со всей исторіей царствованія Ивана Грознаго вплоть до его кончины.

Изъ Кіева на престолъ французскій. Историч. повѣсть временъ княженія Ярослава Мудраго. Сочин. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. Съ рисунк. Ц. 35 к. Въ этой повѣсти описывается выдача въ замужество дочери Ярослава—Анны за французскаго короля Генриха I-го.

Строитель Государевъ. Историческій разсказъ временъ царствованія Іоанна III. Сочин. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. 96 стр. Ц. 35 к. Іоаннъ III—собиратель Московскаго государства; женитьба его на греческой царевнѣ Софіи Палеологъ; пріѣздъ вмѣстѣ съ нею итальянскаго зодчаго; постройка имъ Московскихъ соборовъ: Успенскаго, Архангельскаго, царскихъ палатъ и друг. замѣчательныхъ зданій и проч.

За Московскій престолъ. Историческая повѣсть изъ смутнаго времени на Руси. Сочин. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. Съ рисунк. Ц. 75 к. Въ этой повѣсти авторъ рисуетъ печальную картину великой разрухи русскаго государства и общества—съ героями-патріотами и измѣнниками-предателями, водившими дружбу съ поляками и ихъ вождями.

Куликово поле. Историческій разсказъ временъ Димитрія Донского. Сочин. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. Съ рисунк. Ц. 12 к.

Сочиненія Л. МИДЪ.

Первые шаги. Сочин. Л. Мидъ. Повѣсть для дѣвицъ. Перев. съ англійск. Е. М. Чистяковой. Съ рисунками въ папкѣ. Ц. 1 р. 20 к. Въ этой повѣсти талантливый авторъ очень удачно нарисовала въ живыхъ интересныхъ картинахъ бытъ современнаго англійскаго общества, его семейный строй и воспитаніе.

Дѣвичій мірокъ Исторія одной школы. Соч. Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной, съ раскраш. рисунками, въ папкѣ. 228 стр. Спб., ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. гор. учил., а также и въ сред. учеб. зав., преим. женск.

Дѣдушка и внучка. Соч. Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ рисун. 236 стр. въ папкѣ ц. 1 р. Трогательная исторія маленькой Доротеи, завладѣвшей сердцемъ стараго скряги дѣда. Англійская пресса съ величайшей похвалой отзывается объ этомъ произведеніи, украшенномъ блестками юмора и интересными сценами, наполненными оригинальными положеніями,

Студентки. Соч. Л. Мидъ. Переводъ М. Лялиной, съ рисун., 240 стр.; въ папкѣ ц. 1 р. Имя Л. Мидъ пользуется въ Англіи громаднымъ успѣхомъ. Ею написано много книгъ и всѣ они расходятся превосходно, благодаря тому, что она въ своихъ произведеніяхъ освѣщаетъ правдиво міръ молоденькихъ дѣвицъ, въ описаніяхъ, полныхъ захватывающаго интереса.

Школьницы. Повѣсть изъ англійской жизни. Соч. Л. Мидъ. Переводъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ рис., 293 стр. въ папкѣ, ц. 1 руб. 20 к.

На необитаемомъ островѣ. Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. Л. Мидъ. Переводъ М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ, въ папкѣ, цѣна 1 рубль.

Семь дѣвицъ. Повѣсть Л. Мидъ. Переводъ съ англійскаго М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ. Въ красивой папкѣ, пѣна 1 рубль.

Таинственный садъ. Повѣсть Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Рѣпиной. Это новое сочиненіе даровитаго англійскаго писателя прочтется русской публикой—какъ и другіе. Съ 38 рис. 304 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

„Маленькая принцесса“ Сочин. миссисъ Ф. Х. Бернетъ, съ иллюстраціями Гарольда Циффарда. Перев. Е. М. Чистяковой. Спб. ц. 1 р. 25 к. „Это, по истинѣ, прекрасный разсказъ, написанный съ большимъ юморомъ и чувствомъ. И взрослые, и дѣти, безъ сомнѣнія, сочтутъ „Маленькую Принцессу“ одимъ изъ самыхъ восхитительныхъ собесѣдниковъ, которыхъ далъ намъ книжный рынокъ этого года“. „Ежедневный телеграфъ“. („Daily Telegraph“). Эта повѣсть вполнѣ достойна стать рядомъ съ „Маленькимъ Лордомъ“. Въ ней такъ разсказывается о дѣтскомъ мірѣ, что дѣти всѣхъ круговъ общества поймутъ свое мѣсто въ ней и свою роль, глядя на жизнь черезъ волшебное стекло простой человѣческой доброты и ни чѣмъ не отуманеннаго идеализма „Маленькая Принцесса“ принадлежитъ къ числу самыхъ прекрасныхъ книгъ, вышедшихъ въ этомъ году“. „Школьная Хроника“. (School Chronicle).

Изданія В. И. ГУБИНСКАГО. Спб.

Фонтанка, 61, у Министерства Внутр. Дѣлъ.

Фирма основана въ 1875 году.

Слушайте, дѣтки! 25 разсказовъ. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ 46 рисунк. Спб. 1904 г. Ц. 60 к. въ красивой папкѣ. Предлагаемая книжка содержитъ 25 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ 5—10 лѣтъ.

Удивительныя приключенія полишинеля. Соч. Октава Фелье. 80 стр., 50 рисунковъ, художника Берталя, перев. Черекаго. Спб. Ц. 40 к., въ папкѣ. Полишинель—главный герой театра маріонетокъ, любимецъ дѣтей—сынъ веселой жизнерадостной Италіи, гдѣ такъ много солнца, смѣха и пѣсенъ. На зарѣ своей жизни онъ отправляется ко двору неаполитанскаго короля искать счастья, и здѣсь, благодаря своему природному уму и находчивости, въ короткое время дѣлается любимымъ пажемъ красавицы-принцессы. Его приключенія до того необыкновенны, забавны и уморительны, что невольно заставляютъ смѣяться самымъ заразительнымъ смѣхомъ не только дѣтей, но даже взрослыхъ.

Разсказы дѣткамъ-малолѣткамъ. Б. Дубровской. Съ 55 рисунками и заставками художник. М. Андреева, И. Зубрилова и др. 260 стр. Спб. Ц. 1 р. въ красивой хромолитогр. папкѣ. Предлагаемый сборникъ написанъ съ большимъ интересомъ. Простота и ясность изложенія дѣлаютъ книгу вполнѣ доступною пониманію маленькихъ дѣтей. Масса разнообразнаго содержанія довершаетъ интересъ, а также многочисленные рисунки книги придаютъ ей наглядности.

Пестрая книжка. Соч. Фр. Гофмана. Перев. В. Энгельгардтъ, съ раскрашен. рисунками въ красивой папкѣ. Спб. Ц. 1 р. 237 стр., всего 130 разсказовъ для маленькихъ дѣтей. У Мюллера было четверо дѣтей: двѣ дѣвочки и два мальчика. Франциска была старшая, вторымъ былъ Виля, третьимъ Валя, а самою младшею была Лена. На этихъ дѣтокъ нельзя было пожаловаться. Родители пріучили ихъ съ самаго ранняго возраста къ вниманію, порядку и послушанію. Дѣти были отзывчивы на все хорошее, прилежны, внимательны, услужливы, искренни; и потому имъ всегда всѣ прощали ихъ маленькія ошибки, зная, что это все-таки были очень добрыя дѣти.

Маленькіе баловни. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго возраста, составленный по англійскимъ дѣтскимъ писателямъ. М. А. Лялиной. Всего 100 разсказовъ. Съ 75 рисунками и заставк. англійскихъ художниковъ. 220 стр. Цѣна въ папкѣ 1 р. Книжка содержитъ 100 разсказовъ, извлеченныхъ изъ англійскихъ дѣтскихъ писателей. Подборъ сдѣланъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы дать интересное чтеніе дѣтямъ отъ 5—10 лѣтъ. Изъ дѣтскихъ писателей, англичанамъ, безспорно, принадлежитъ первое мѣсто. Разсказы ихъ естественны, жизнерадостны, въ то же время поучительны. Въ нихъ ярко выражаются три основы англійскаго воспитанія: долгъ, характеръ и самодѣятельность. Только правильное развитіе этихъ основъ дѣлаетъ человѣка пригоднымъ для жизни. Съ этой цѣлью въ Англіи даютъ дѣтямъ сравнительно довольно свободы, чтобы они изъ опыта могли вывести заключеніе, что дурные поступки ведутъ за собой дурныя послѣдствія, и остерегались ихъ.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода, соч. К. Теплова, съ рисунками. Въ этой повѣсти авторъ мастерски рисуетъ жизнь и нравы русскихъ во времена Марфы Посадницы и борьбу Великаго Новгорода съ Іоанномъ III. Книга написана для юношества. Въ папкѣ 60 к.

По родной землѣ. Очерки и разсказы для русскаго юношества. Составила А. С. Смирнова. Съ 28 рисунками барона Клодта, Лагоріо, Григорьева. Буковскаго и Корабевича. Спб. 291 стр., ц. 60 к.

Маленькіе путешественники. Приключенія трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть для юношества Ад. Бадена. Съ 40 рисунк. французскаго художника Беннета. Спб., въ папкѣ 60 к. Интересны „Маленькіе путешественники“ А. Бадена, въ переводѣ съ французскаго изданія, хорошо изданная книжка съ многочисленными рисунками, живымъ занимательнымъ описаніемъ приключеній трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Авторъ въ удачной формѣ разсказовъ знакомитъ своихъ юныхъ читателей съ природою и жизнью Алжира, въ его теперешнемъ состояніи („Новое Время“).

Сочиненія М. Ѳ. Ростовской (для дѣтей).

*) **Дѣтскія забавы.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Соч. М. Ростовской, съ многими рисунками, въ папкѣ. Спб., цѣна 1 руб. Кулекъ, дробинка, палачи, честность, кривулекъ, болото, павлины, дѣти натуралиста, дѣти, свѣтлый мальчикъ, у страха глаза велики, счастливый случай, сравненіе, благій примѣръ, каширъ, карликъ, сосипатръ, смѣхъ и горе, зеркало, три мячика, крутое яичко, четвертакъ, шалуны, утята и пр. и пр.

Четыре времени года. 1) Зима, Весна, Лѣто и Осень. Разсказы изъ деревенскаго быта. 2) Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, повѣсть. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 1 р.

М. Ѳ. Ростовская.

*) **Жучка.** Разсказъ изъ деревенской жизни. Милордъ и Горгона (разсказъ). Человѣкъ (очеркъ). Попугай. Съ рисунками, 4-е изданіе. Цѣна 1 р.

*) **Звѣздочки.** Повѣсти и разсказы для дѣтей. Матрена Карповна съ семействомъ. Слово и дѣло. Контрабасъ. Изъ моихъ юношескихъ воспоминаній. Пара голубей. Три сестры. Почтовыя Марки (фантастическій разсказъ). Съ картинами, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Крестьянская школа.** Исторія открытія сельской школы. М. Ѳ. Ростовской. Съ 100 рисунками и заставками художника Р. Штейна и др. 4-е изданіе. Спб. Ц. 1 р. 75 коп.

*) **Сельцо Лебяжье.** Повѣсть для дѣтей изъ деревенской жизни. 4-е изданіе съ рисунками, ц. 1 р.

*) **Пони.** Приключеніе Эмскаго осла, повѣсть для дѣтей; съ разсказами: Голенькій охъ—за голенькимъ Богъ. Дѣти натуралисты. Смѣтливый мальчикъ. Съ рисунками, въ папкѣ. Ц. 1 р.

*) **Разсказы изъ путешествій по Швейцаріи.** 2-е изд. Съ рисунками, 274 стран., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*) **Избранныя сказки Андерсена.** Переводъ М. А. Лялиной. Изданіе иллюстрированное. Спб., 272 стр., цѣна 1 р. Знаменитый дѣтскій писатель Андерсенъ пользуется громадною популярностью во всей Европѣ. „Его сказки покорили ему сердца всего земного шара. Здѣсь онъ по истинѣ поэтъ Божіею милостью, ибо признанъ не одними лишь немногими избранными, но всѣми народами въ совокупности“.

*) **Избранныя сказки Андерсена.** 31 сказка. 90 рисунк. 272 стр. Переводъ А. Нѣловой, въ папкѣ, 2 томъ, ц. 1 р.

Разсказы бабушки-всезнайки. Соч. Ант. Бѣлозоръ. Шишка зайчишка.—Воробышекъ. — Незабудка. — Ушастые друзья.—Зина и Тоня.—Карлушка.—Проказницы.—О трехъ зайцахъ.—Волкъ и Анисья бабушка.—Шоколадное яйцо.—Мама Петя.—О кроликѣ.—Курочка Чернушка.—Въ циркѣ. Кощей безсмертный.—Кузя Галченокъ.—Уличная дѣвочка.—Дѣдушка морозъ.—Бабушка и Ида.—Для маленькихъ дѣтей. Съ рис. худ. Чикина. Спб., 229 стр., въ крас. папкѣ, ц. 1 р.

*) **Путешествіе Гулливера** по отдаленнымъ странамъ свѣта. Обработано Фр. Гофманомъ. Переводъ А. Н. Нѣловой, съ 45 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Путешествіе Гулливера одна изъ самыхъ интереснѣйшихъ книгъ въ мірѣ; она очаровываетъ читателя и заставляетъ его переживать и испытывать все то, что испытывалъ авторъ, путешествуя по „Невѣдомымъ странамъ“.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед., въ библ. сред. учеб. завед. младш. возр.

*) **Двѣсти разсказовъ** для дѣтей младшаго возраста. Соч. Христ. Шмидта. Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Нѣловой, съ 70 рисунками. Спб., 270 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Предлагаемый сборникъ для дѣтскаго чтенія написанъ съ живостью и мастерствомъ, присущими перу этого удивительно талантливаго писателя, стяжавшаго всемірную извѣстность среди дѣтскихъ писателей. Тонкій умъ, живая наблюдательность автора придаютъ каждому разсказу огромный интересъ, а простота и ясность формы дѣлаютъ его вполнѣ доступнымъ дѣтскому пониманію.

*) **Золотое дѣтство.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста, изложенные по сборникамъ нѣмецкихъ писателей А. Н. Нѣловой, съ 75 рисунками и заставками нѣмецкихъ и русскихъ художниковъ, 270 стр., въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. 20 к. Въ названный сборникъ вошли произведенія любимыхъ нѣмецкихъ писателей и писательницъ. Произведенія этихъ авторовъ живы, естественны и въ то же время полны высокопедагогическаго значенія. Многочисленные рисунки—нѣкоторые разсказы имѣютъ ихъ по нѣсколько—придаютъ еще большій интересъ книгѣ. Подборъ разсказовъ сдѣланъ съ такимъ расчетомъ, чтобы дать 6—10 лѣтнимъ дѣтямъ не только интересное, но и поучительное чтеніе.

*) **Маленькіе школьники пяти частей свѣта.** Маленькій парижанинъ. — Маленькій американецъ. — Маленькій китаецъ.—Маленькій эскимосъ.—Маленькій африканецъ.—„Курчавая голова“, маленькій австраліецъ. Соч. Эл. Берте. Перев. А. Нѣловой съ 60 рисунками. Спб., въ папкѣ, цѣна 1 р.

*) **Для ума и сердца.** Разсказы для дѣтей средняго возраста по нѣмецкимъ дѣтскимъ писателямъ А. Н. Нѣловой. Съ 60 рисунками, 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Нѣмецкіе писатели не только крупные художники слова, но и большіе знатоки дѣтскаго міра. Своими простыми, часто трогательными разсказами, проникнутыми священнымъ огнемъ любви къ Богу и ближнему, они пробуждаютъ въ душахъ юныхъ читателей стремленіе къ добру и красотѣ и тѣмъ благотворно дѣйствуютъ на впечатлительную натуру дѣтей, не умѣющихъ разбираться въ вопросахъ жизни и одинаково поддающихся какъ хорошему, такъ и дурному. Дать-же дѣтямъ во время хорошій урокъ-великое дѣло, ибо ребенокъ не только чувствуетъ и воспринимаетъ правду и добро гораздо глубже, чѣмъ это думаютъ, но нерѣдко слишкомъ рано узнаетъ оборотную сторону жизни.

А. Н. Нѣлова.

*) **Заклинатель змѣй.** Необыкновенныя приключ. въ Индіи, „Странѣ чудесъ“, соч. Л. Русселэ. Перев. А. Нѣловой, съ 67 рисунками художника А. Мари, въ папкѣ, цѣна 1 р. 20 к. Въ непрерывномъ рядѣ заманчивыхъ и увлекательныхъ описаній проходятъ передъ читателемъ картины страны чудесъ—Индіи. Авторъ живо и увлекательно разсказываетъ о всевозможныхъ приключеніяхъ благороднаго юноши, самоотверженно боровшагося съ тысячами труднѣйшихъ препятствій ради спасенія сестры изъ неволи. Книга прочтется съ интересомъ не только дѣтьми, но и взрослыми.

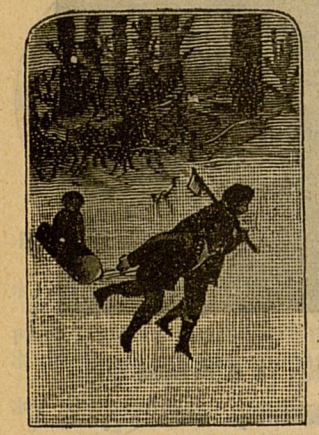
Исторія одного маленькаго человѣка. Соч. Гальтъ, переводъ съ французскаго А. Нѣловой, съ 90 рис. Въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Мальчикъ Этьенъ, желая скорѣе начать помогать своей обѣднѣвшей семьѣ и не надѣясь найти въ деревнѣ хорошій заработокъ тайкомъ уходитъ изъ дому и направляется въ Парижъ, гдѣ претерпѣваетъ много всякихъ злоключеній и неудачъ. Въ концѣ-концовъ онъ выходитъ на вѣрную дорогу: ему посчастливилось попасть къ слесарному мастеру, художнику своего дѣла, и Этьенъ, благодаря энергіи и настойчивости, быстро усваиваетъ технику, становится самъ хорошимъ мастеромъ и начинаетъ помогать семьѣ, а затѣмъ и вполнѣ обезпечиваетъ ее своимъ большимъ заработкомъ. Тѣ настойчивость и энергія, которыя проявляетъ мальчикъ въ своемъ стремленіи къ разъ намѣченной цѣли, несмотря на массу соблазновъ большого города, производятъ на читателя хорошее, бодрое впечатлѣніе. Всѣ дѣйствующія лица очерчены очень живо. Написанная просто, книга эта читается дѣтьми 10—14 л. съ большимъ интересомъ.

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по рас. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед., въ библ. сред. учеб. завед. младш. возр.

*) **Сто сказокъ разныхъ страхъ и хародобъ.** Сборникъ составленъ А. Нѣловой. Большой томъ, 460 стр., съ 165 рисунками въ красной папкѣ, ц. 2 р. Въ этомъ сборникѣ помѣщены лучшія сказки англійскія, арабскія, болгарскія, датскія, индѣйскія, испанскія, нѣмецкія, румынскія, русскія, кавказскія, польскія, сартскія, финскія, эстонскія, сербскія, турецкія, фламандскія, французскія, чешскія, шведскія и японскія.

*) **Избранныя сказки и разсказы.** Необыкновенныя приключенія Тартарена изъ Тараскона. Соч. А. Додэ. Перев. А. Нѣловой. Съ 35 рис. худ. Баяра и Мари. 252 стр., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. Какого бы предмета авторъ не касался въ своихъ произведеніяхъ, веселаго или грустнаго, отвлеченнаго или реальнаго, всюду онъ вѣренъ себѣ, всюду онъ—изумительный наблюдатель, глубокій знатокъ человѣческой души и вдохновенный поэтъ.

*) **Сказки доброй Феи.** Соч. Ж. Массе, съ 48 рисунками художника Берталя. Переводъ съ французскаго А. Нѣловой, въ красивой папкѣ, ц 1 р. Сказки Ж. Массе занимаютъ выдающееся мѣсто въ дѣтской литературѣ. Онѣ являются для дѣтей незамѣнимымъ чтеніемъ, такъ какъ авторъ стремится не только позабавить и развлечь своихъ читателей, но его главная цѣль—пробудить въ нихъ „добрыя чувства“ и просто и ясно отвѣтить на нравственные запросы, которые зарождаются въ дѣтскихъ головкахъ. Фантастическія по формѣ, но полныя реализма по содержанію, сказки Ж. Массе производятъ особенно сильное впечатлѣніе на дѣтей—отсюда ихъ огромное воспитательное вліяніе, чистая, благородная муза, которая пробуждаетъ сочувствіе и любовь ко всему прекрасному и твердую вѣру въ полное торжество добра на землѣ.



*) **Другъ дѣтей.** Сборникъ разсказовъ, собранныхъ и пересказанныхъ по нѣмецкимъ писателямъ А. Н. Нѣловой, съ 95 рисунками художн. Каульбаха и др. Въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Зима.—Каштанкины дѣти.—Послѣ школы.—Первый урокъ.—Приключенія ласточки.—Мышка.—Вѣтерокъ.—Храбрый Федя.—На волосокъ отъ смерти.—На сѣновалѣ.—Игра въ солдаты.—Трудный урокъ. Бѣлянка.—Даромъ ни одно доброе дѣло не пропадетъ.—Маленькій Фрицъ.—Недовольный оселъ.—Лакомка.—Что зайка увидѣлъ въ сочельникъ.—Вова и дымка.—Любопытный Левушка.—Близнецы.—Братишка-пянька.—Маленькая мама. Кто полезнѣе.—Добрый старичекъ.—Маленькій музыкантъ. Что Коля и Маня видѣли въ лѣсу.—Лизочкинъ сонъ.—Семейство Ципкиныхъ.—Исторія одной куклы.—Совокъ, да не ловокъ.—Страшная минута.—Рыбка.—Петя-плакса.—Яшка-воръ.—Федино горе и пр. и пр.

*) **Путешествія и приключенія барона Мюнхгаузена.** Соч. Фр. Гофмана, перев. А. Нѣловой, съ 50 рисун., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Что за удивительный разсказчикъ былъ баронъ Мюнхгаузенъ. Сколько блестящаго остроумія и неистощимаго юмора въ его разсказахъ о своей богатой удивительными приключеніями жизни! Немудрено, что всякій, кому попадется его книжка, прочтетъ ее съ захватывающимъ интересомъ.

Снѣжинки и лепестки. Разсказы и стихотворенія И. Н. Позднякова. Съ рис. худож. Зубрилова, Андреева и др. 270 стр., ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 20 к. Снѣжинки.—Павлинъ и журавль.—Каня.—Въ морозъ и вьюгу.—Дурочки или Патріархъ-отъ-географіи.—Надежда.—Чужой дядя.—Клевета.—Они узнали.—Въ глуши.—Нашъ другъ Мумка.—Гуттенбергъ.—Дѣти золотой глуши.—Вѣтеръ и Солнце.—Двѣ картошки.—Лучъ.—Подъ музыку.—Въ бѣлую ночь.—Няня лгала.—Правда.—Крыша.—Книга.—Запоздалымъ лѣтомъ.—Дядя старался.—Чадо.—Лепестки.—Обезьяна.

Зимнія и лѣтнія дѣтскія забавы. Сборникъ 45 разсказовъ для младшаго возраста Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 125 рисунками и заставками, въ папкѣ, ц. 1 р. Подснѣжники.—Осликъ.—Маленькій маляръ.—

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учеб. завед., въ библ. сред. учеб. завед. младш. возр.

Урсикъ.—Моряки.—Король.—Любовь лебедя.—Китти и Вилли.—Неудачное письмо.—Жанна.—Куклы.—Кошачья школа — Циркъ.—Циплята.— Воришка.—Рыбная ловля.—Лена и три собачки.—Растеряха.—Ягненокъ.—Квартиры въ голубятнѣ.—Письмо рождественскому дѣду.—Корабликъ.—Пончъ и Пава.—Шалость.—Киска Китя.—Изъ школы.—Яша и Жако.—На рѣкѣ.—Избушка вѣтра.—Витина рыба.—Приключеніе.—Бѣдный попка.—Петя на дачѣ.—Страхъ.—Черепашки.—Башка.—Потопъ.—Воробышекъ.—Разсказъ ежа.—Часы.

*) **Итальянскія сказки.** Собраны и обработаны Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 62 рис. 318 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. У итальянскихъ писателей богатая фантазія бьетъ бурнымъ ключемъ, живость разсказа, разнообразіе и богатство сказочныхъ образовъ невольно увлекаютъ юнаго читателя въ страну чудеснаго.

Сказки бабушки про чужія странушки. Арабскія, Англійскія, Нѣмецкія, Испанскія, Индусскія, Бельгійскія, Итальянскія, Венгерскія, Египетскія, Турецкія, Китайскія, Финскія, Исландскія, Кавказскія, Шведскія и др. сказки. Собрала и обработала Е. М. Чистякова-Вэръ. Съ 120 рисунками и заставками. Большой томъ; цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Сборникъ сказокъ различныхъ народовъ, въ которомъ полныя юмора произведенія великаго Лабуле и благородныя сказки Густавсона чередуются съ безыскусственными смѣшными англійскими побасенками, съ полными поэзіи венгерскими и испанскими преданіями, со странными сказками Китая и съ твореніями итальянской народной фантазіи, которая бьетъ горячей струей.

Морскія приключенія. Крушеніе и гибель судовъ. Пожаръ на кораблѣ. Битвы съ морскими разбойниками и пиратами. Торговля неграми. На островѣ людоѣдовъ. На дальнемъ Сѣверѣ. Искатели жемчуга Капитанъ Акула. Капитанъ Бродяга. Запечатанный приказъ и пр. пр. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. Соч. Чистяковой. Съ 90 рисунковъ; въ красивой папкѣ, 235 стр. ц. 1 р. 35 к.

На отдыхѣ. 27 разсказовъ для дѣтей средняго возраста Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 77 рисунками и заставками. Въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 25 к. „Симпатичными по подбору произведеній и вполнѣ доступными для дѣтскаго пониманія являются двѣ книжки Чистяковой-Вэръ—„Сказки бабушки“ и „Зимнія и лѣтнія забавы“. Видно, что авторъ знаетъ свою аудиторію и умѣетъ разговаривать съ нею. Не лишены нравоучительнаго элемента и разсказы Е. Чистяковой-Вэръ, но въ нихъ онъ болѣе или менѣе замаскированъ и не такъ рѣзко бросается въ глаза. Въ книжкѣ „На отдыхѣ“ много мѣста удѣлено разсказамъ изъ жизни животныхъ. Написанная живымъ языкомъ, книжка прочтется дѣтьми не безъ удовольствія“. Отзывъ газеты „Новое Время“.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборн. разсказовъ, составленный по американскимъ и англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ, въ папкѣ. Спб., съ 80 рисун., 279 стр., ц. 1 р. 35 к. Въ этомъ сборникѣ подобраны такіе разсказы и статьи, которые дали бы возможность юнымъ читателямъ 10—12 лѣтъ усвоить знанія, въ однихъ разсказахъ они найдутъ свѣдѣнія о предметахъ, часто попадающихся на глаза, а въ другихъ—прочтутъ объ умѣ и образѣ жизни животныхъ, въ третьихъ—поучатся умѣнію владѣть собою, не теряться въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, смотрѣть прямо въ глаза опасности и бѣдѣ. Все разсказанное въ немъ сводится къ тому, что „Чтеніе—лучшее ученіе“.

Е. М. Чистякова-Вэръ.

* **Въ добрый часъ.** Сборникъ для дѣтей. Составленъ по англійскимъ и американскимъ писателямъ Е. Чистяковой-Вэръ, съ 72 рис., ц. 1 р. Энергія, самостоятельность, твердость воли, сознаніе своего долга и чувство отвѣтственности, свойственныя молодому поколѣнію англичанъ и американ-

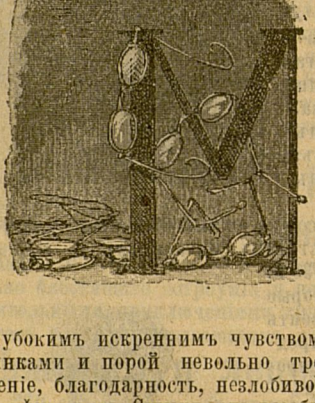
*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Пар. Пр., для ихъ учебн. зав., въ библ. средн. учеб. заведен. младш. возр.

смотритъ за младшей сестрой, готовъ пожертвовать жизнью, чтобы спасти отъ опасности порученную его заботамъ малютку или исполнить какой-либо другой возложенный на него долгъ, который для него является святыней. Дѣти одни ѣздятъ по желѣзнымъ дорогамъ, совершаютъ далекія прогулки и всегда, за рѣдкими исключеніями, дѣйствуютъ самостоятельно и разумно.

Англійскія сказки. Собранныя и обработанныя Е. Чистяковой-Вэръ, 360 стр. съ 100 рис., въ папкѣ ц. 1 р. 50 к. Въ сборникъ „Англійскія сказки“ вошло много народныхъ преданій, легендъ; дѣйствующими лицами въ нихъ являются простоватые великаны, колдуны, храбрецы, силачи и нѣжные крошечные крылатые эльфы, живущіе въ чашечкахъ цвѣтовъ, духи лѣсовъ, горъ и жилищъ и пр. Въ книгѣ помѣщены нѣсколько сказокъ Киплинга, въ которыхъ описываются характеры и нравы звѣрей; интересны даже для взрослыхъ читателей, а также нѣсколько грандіозныхъ поэтическихъ сказокъ Кавана, Олькотъ, Гингтонъ, Саденъ. Джекопсъ и мн. др.

Проказы Ани. Соч. графини Сегюръ-Растопчиной, съ рисунк. Переводъ Е. Чистяковой. Въ перепл., ц. 1 р. 20 к. Проказы Ани—одно изъ лучшихъ вѣчно юныхъ произведеній старушки графини де-Сегюръ. Ея юморъ и смѣшныя положенія героини повѣсти, трогательныя сцены и забавныя словечки—все живетъ, увлекаетъ. Недаромъ де-Сегюръ прежде всего разсказывала свои произведенія въ семейномъ кругу, и только получивъ одобреніе своихъ внуковъ, отдавала ихъ въ печать. Нельзя не чувствовать, что въ „Проказахъ Ани“ каждая черточка—плодъ наблюденій, каждая сцена—списана съ натуры. 77 рисун. художника Эм. Баяра.

Послѣ грозы. Повѣсть. Сочин. графини Сегюръ-Растопчиной, перев. Чистяковой, съ 100 рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. „Послѣ грозы“, соч. графини де-Сегюръ можно считать образцовымъ романомъ для дѣтей. Разыгрывающіяся драмы, главными дѣйствующими лицами которой являются добрая, честная маленькая дѣвочка и преданный ей негръ, захватываетъ не только юныхъ читателей, но и взрослыхъ. Съ интересомъ слѣдишь за дѣйствующими лицами, смѣешься надъ комической фигурой Притрозъ и негодуешь на Жоржа. Въ цѣломъ получается впечатлѣніе странички, выхваченной изъ жизни.



Маленькій Горбунъ. Соч. графини Сегюръ-Растопчиной. Съ 100 рис. франц. художника Э. Баяра. Пер. Е. Чистяковой-Вэръ. Спб. Въ красн. папкѣ, ц. 1 р. 20 к. „Маленькій Горбунъ“ одинъ изъ лучшихъ дѣтскихъ разсказовъ г-жи де-Сегюръ, рожденной Растопчиной. Въ немъ разсказывается трогательная исторія дружбы маленькой Христины, несчастливой въ своей семьѣ, съ горбуномъ Франсуа. Книга эта, написанная безъ всякихъ притязаній и съ глубокимъ искреннимъ чувствомъ, изобилуетъ то трогательными, то забавными картинками и порой невольно трогаетъ душу даже взрослаго читателя. Любовь, прощеніе, благодарность, незлобивость—ставятся въ ней на высокій пьедесталъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Сегюръ, эта всеобщая бабушка французскихъ дѣтей, и въ этой книгѣ, какъ и во всѣхъ своихъ остальныхъ, милыхъ произведеніяхъ, не надоѣдаетъ совѣтами и наставленіями. Въ ней нѣтъ и тѣни желанія „поучать“—она просто „разсказываетъ“.

*) **Приключенія маленькаго лорда.** Соч. Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Е. Чистяковой-Вэръ. Съ 25 рис. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. Намъ кажется, исторію маленькаго лорда можно назвать образцовымъ романомъ для дѣтей. Въ этой книгѣ нѣтъ ни тѣни желанія поучать, но каждая ея страница поднимаетъ въ душѣ даже взрослаго читателя все, что въ ней есть луч-

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учебн. завед., въ библ. сред. учебн. завед. младш. возр.

шаго. Въ ней нѣтъ ни одного скучнаго мѣста; читая ее, не разу ни подумаешь: это можно было бы пропустить, а окончивъ, жалѣешь, что послѣдняя страница уже прочитана, и черезъ нѣсколько времени непремѣнно снова открываешь ее и начинаешь наслаждаться съ первой же страницы, по долгу останавливаясь на любимыхъ мѣстахъ. Это перлъ дѣтской литературы, и каждому читателю юному, взрослому или старому онъ всегда доставитъ высокое наслажденіе.

Исторія крестовыхъ походовъ. Соч. проф. О. Генне-Амъ-Рина, перев. съ нѣмец. Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ отдѣльными картинами художника Густава Дорэ. Изданіе В. И. Губинскаго, въ красивой папкѣ. Въ этой книгѣ описываются всѣ семь походовъ крестоносцевъ для освобожденія Гроба Господня въ Іерусалимѣ отъ владычества мусульманъ, предпринятыхъ христіанскими королями—французскими Людовиками VII и IX, Филиппомъ II, Германскимъ Фридрихомъ Барбароссою, Англійскимъ Ричардомъ Львиное сердце и мн. друг., съ 1096 по 1291 г. (Готовится къ печати). Книга интересна и читается, какъ романъ. Рисунки Дорэ дополняютъ интересъ книги.

Въ царствѣ звѣрей. Разсказы изъ жизни животныхъ и охота на звѣрей. Соч. Е. Чистяковой-Вэръ, съ 145 рис., которые отпечатаны въ краскахъ, въ папкѣ ц. 1 р. 35 к. Обезьяны.—Тихоходъ.—Бѣлый медвѣдь.—Бурый медвѣдь.—Черный медвѣдь.—Вонючка обыкновенная.—Россомаха.—Гіена.—Волкъ.—Шакалъ.— Собака.— Лисица.—Хорекъ.—Выдра.—Левъ.—Тигръ.—Леопардъ.—Пума.—Леопардъ и пантера.—Охота на ягуара.—Рысь.—Поль.—Дикая кошка.—Ежъ.—Кенгуру.—Двуутробна.— Бѣлка.— Летяга.— Тушканчикъ.— Боберъ. —Заяцъ.— Дикобразъ.—Муравьѣдъ.— Ящеръ.—Носорогъ—Гиппопотамъ (бегемотъ).— Слонъ.— Тапиръ.— Свинья бабируса.— Кабанъ.— Буйволъ.— Лось.— Кабарга.— Жирафа.— Зерафе.— Лама.— Серна.—Газель.— Зебра.— Оселъ.— Утконосъ.— Гренландскій китъ.— Кашалотъ. —Нарвалъ единорогъ.—Моржъ.—Тюлень обыкновенный и пр. и пр.

Серебряные коньки. Исторія одной голландской семьи и ватаги школьниковъ. Сочиненіе Сталь, перев. Н. Н. Мазуренко, 324 стр., съ 50 рис. художника Шулле. Спб., ц. 1 р. 25 к. Голландія—страна особенная, значительная часть ея лежитъ ниже уровня моря; часть эта ограждена громадными плотинами, на которыхъ построены дома, укрытые тѣнистыми садами. Бывали случаи, что морская вода разрушала такія плотины и причиняла жителямъ страшныя бѣдствія. Обитатели Голландіи народъ честный, энергичный, трудолюбивый и талантливый. Изъ своей среды они сумѣли выдвинуть замѣчательныхъ представителей науки, литературы, техники и въ особенности художества. И дѣйствительно, кому неизвѣстна голландская школа художниковъ. Авторъ талантливо рисуетъ нравственность, обычаи, общественную и школьную жизнь страны. Большое мѣсто отведено описанію „состязаній на конькахъ“, въ которомъ участвуютъ ватаги школьниковъ и школьницъ. Побѣдитель въ награду получаетъ при очень торжественной обстановкѣ серебряные коньки, для чего долго упражняются въ катаньи на конькахъ, чѣмъ развиваютъ силу, ловкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пріобрѣтаютъ здоровье. Въ красивой хромолит. папкѣ.

Сѣверные школьники—герои. Соч. Н. Ратомскаго. Съ рисунками худ. Я. Сизова, въ папкѣ, ц. 60 к. Въ этой книжкѣ выставлены рѣдкостные выдающіеся типы школьниковъ и школьницъ, описанные съ натуры, шедшіе трудной Ломоносовской дорогой къ просвѣщенію. Она производитъ сильное впечатлѣніе на читателя, пробуждая въ немъ духъ патріотизма и любовь къ родному народу.

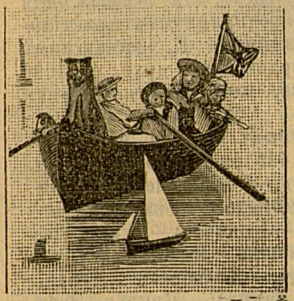
Параша-растеряша и Степа-растрепа. Сочиненіе Н. Ратомскаго въ стихахъ 100 рис. худож. Я. Сизова. Въ папкѣ, 60 коп. Эта веселая юмористическая книжка, забавляя читателя, наводитъ его на серьезныя мысли о порядкѣ, силѣ образованія и о значеніи труда. (Какъ, напримѣръ, статьи „Копейка“. „Выборъ профессіи“ и проч.).

Красный морской разбойникъ. Сочин. Фран. Гофмана. Перев. подъ редакціей С. Бриліанта. Спб. 319 стр., съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Оглавленіе: Въ Ньюпортѣ.—На кораблѣ морского-разбойника.—Новый капитанъ.—Таинственное судно.—Ужасная ночь.—Гибель „Кар—лины“.—На палубѣ „Дельфина“.—Въ когтяхъ пирата.—Сынъ „Священнаго острова“.—Исповѣдь Фида.—Опасный соперникъ.—Приготовленіе къ бою.—„Капитанъ Говардъ“.по Плѣнники на свободѣ.—Трудная миссія.—Роковая битва.—Бичъ морей!—Геройскій поступокъ.—Въ родной семьѣ. Нужно прибавить, что книга эта, какъ и всѣ сочиненія Гофмана, до крайности интересна.

Новыя сочиненія для дѣтей Л. А. ЧАРСКОЙ.

Вечерніе разсказы. Л. Чарской съ рисун. М. Андреева; гравиров. Адетъ, Шублеръ и Ольшевскій, въ папк. ц. 1 р. 35 к.

Гимназистки. Десять разсказовъ. Чарской. Съ рисун. художн. М. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Поповна.—Непріятное положеніе.—Нелюбимая кошка.—Лидіанка.—Сфинксъ.—Тайна.—Случай.—Урокъ и Огонекъ. 232 стр.



Огоньки. Разсказы для юношества. Л. А. Чарской. Содержаніе:—На медаль. — Послѣдній лучъ.—Странный гость.—Семь дней бонбоньерки.—Веселый праздникъ.—Эва.—Богатый наслѣдникъ.—Нуль.—Заоблачный принцъ.—Моя Королева.—Дашутка.—Воръ.—По царскому повелѣнію. Съ рис. худ. А. Шлипера; въ папкѣ, 211 стр., ц. 1 р. 35 к.

Бѣлыя перелинки. Двѣ повѣсти изъ институтской жизни: Южаночка. Некрасивая. Л. А. Чарской. Съ рис. худ. М. Андреева; въ папкѣ, 296 стр., ц. 1 р. 50 к.

Смѣлые, Сильные, Храбрые! Три историческія повѣсти Л. Чарской. Долой Перуна.—Крещеніе Руси.—Подъ звонъ вѣчевого колокола.—Марфа Посадница. — Сююбека, царица Казанская. — Покореніе Казани. Съ рис. худ. М. А. Андреева, Б. Чирикова, снимки съ картинъ А. М. Васнецова, Г. Угрюмова и др.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Въ первомъ разсказѣ описывается, какъ совершилось великое событіе Крещенія Руси; во второмъ разсказѣ—Паденіе Великаго Новгорода—нарисована картина жизни и дѣятельности Новгородцевъ и Марфы Посадницы въ эпоху его могущества, а затѣмъ и его политической гибели; третій разсказъ, это эпизодъ изъ покоренія Казани. Книжка читается съ интересомъ, какъ и всѣ произведенія Л. Чарской, талантливой писательницы.

Сказки. Соч. Фр. Гофмана. Въ пересказѣ Л. ЧАРСКОЙ. Съ рис. худ. Я. Сизова; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 коп. Чудо-Принцесса и Принцъ-Многоцвѣтъ.—Веселый портной.—Принцесса Звѣздочка-Роза.—Бѣлоручка и Быстроножка.—Графъ Гореносъ и эльфъ Золотой-Локонъ.—Сказка о трехъ принцахъ.—Завѣтные талисманы. 239 стр.

Лара Безсонова. Повѣсть, соч. Л. Чарской, съ рис. худ. М. Андреева; въ красивой папкѣ. Спб. 1911 г. 296 стр., ц. 1 р. 35 к.

Пріютки. Сочиненіе Л. Чарской. Въ этомъ новомъ произведеніи, талантливая писательница рисуетъ жизнь, мало извѣстную нашей публикѣ, жизнь нашихъ пріютовъ—ихъ питомцевъ-пріютокъ, съ жизнью которыхъ слѣдуетъ познакомиться русскому обществу. Съ рисунками; въ красивой папкѣ, 296 стр., ц. 1 р. 35 к.

*) **Солнышко.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей Л. А. Чарской. Солнышко.—Роза, разсказъ.—Принцъ Фіалка.—Катька, Катюшка, Катринъ и Катишъ. (Исторія одной Кати). Катишъ, Катринъ, Катюшка, Катька, разсказъ. Новая бабушка. Поѣздка за границу и др. разсказы. Съ рисунками, въ папкѣ. Спб. 224 стр., ц. 1 р. 35 к.

*) **Струйка за струйкой—волна за волной.** Пересказы нѣмец. дѣт. писат. Л. Чарской, съ рисун. 1 р. 25 к. Живая игрушка. Мальчикъ съ обезьянкой. Урокъ на всю жизнь. Фея работы. Господа Косоглазкины. Я могу самъ. Чернушка. Заблудшая овечка. Горе перепелокъ. Благотворительница. Злючка Миша. Слезами горю не поможешь. Волшебное превращеніе. Полезная затѣя. Нянька и пр. и пр. 208 стр.

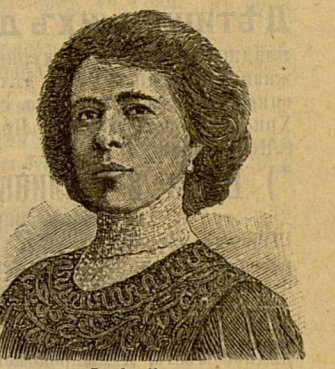
Особенная. Повѣсть, соч. Л. Чарской. Для средняго возраста. Съ рисунками, въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

ОГОНЕКЪ. Разсказъ для дѣтей, Л. Чарской, съ рисунками, ц. 35 к.

Сѣверный богатырь. А. В. Суворовъ. Вездѣ великій человѣкъ. Иллюстрированное изданіе. Сочиненіе Л. А. Чарской. Дивный предметъ изученія представляетъ Суворовъ, какъ лицо историческое, какъ полководецъ, какъ Русскій самобытный геній, создавшій свою „науку побѣждать“. Суворовъ покоритель Праги и Варшавы, побѣдитель на Рымникѣ, рѣшитель судебъ Польши, онъ

дожилъ до начала кровавыхъ событій, коими волновался весь міръ въ концѣ XIX вѣка—онъ ходилъ „спасать Царей“ и народы, бился на берегахъ Требіи и льдахъ Сенъ-Готарда, въ улусѣ Ногайскомъ, на степяхъ Заволжскихъ и Закубанскихъ, засѣдалъ въ совѣтахъ Царей и кабинетѣ дипломатовъ, жилъ на бивакѣ солдатскомъ, въ своемъ сельскомъ уединеніи—пѣлъ на клиросѣ своей деревенской церкви, игралъ съ ребятишками въ бабки. Вездѣ самобытный, неизмѣнный, странный, великій, загадка, которую разгадаетъ только тотъ, кто разгадаетъ Русь и ознакомится съ могучимъ духомъ Русскимъ. „Помилуй Богъ“, говорилъ Суворовъ,—„не трудитесь—я вамъ самъ себя раскрою: Цари меня хвалили, солдаты любили, друзья мнѣ удивлялись, враги меня ругали, придворные надо мною смѣялись.—Езопомъ являясь при дворахъ, побасенками я говорилъ правду, былъ Балакиревымъ для пользы отечества и пѣлъ пѣтухомъ, пробуждая сонливыхъ, а родись я Цезаремъ, я былъ бы гордъ, какъ онъ, но удержался бы отъ его пороковъ!“ (Готовится къ печати).

Синія тучки. Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста Л. А. Чарской, съ 49 рисунками и заставками художн. А. Шлипера и др. Красивый томъ, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Содержаніе: Двѣ елки.—Аганька.—Юнга.—Привидѣніе.—Экзаменъ.—Недѣля русалочки.—Предательница.—Только для бѣдныхъ.—Благодѣтели.—Волченокъ.—Мальчишка.—Безъ сердца.—Графиня Зозо.—Лидочка.—Синичка.—Гиме живая игрушка.—Чудовище.—Бѣдный Топсикъ.—Въ гости къ бабушкѣ.—Танюша. Приключеніе Мишки. 253 стр.



Л. А. Чарская.

Гимназисты. Повѣсть. Оглавленіе: Отецъ.—Капернаумъ.—Къ допросу.—Къ директору.—Предательскій замыселъ.—Возстаніе аріанъ.—Товарищъ искаріотъ.—Бѣгство.—Діагнозъ знаменитости.—Карикатура.—Бенефисъ татинса.—Любимецъ и опальный.—По разнымъ дорогамъ.—Волненіе восьмиклассниковъ.—Дядя выручилъ.—На порогѣ новой жизни.—За наградами.—Передъ разлукой и пр. Сирена. Повѣсть. Въ глуши. Повѣсть. Три повѣсти соч. Л. Чарской съ рисун. М. Андреева, въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*) **Яркія звѣздочки.** Разсказы для дѣтей младшаго возраста Л. А. Чарской; съ 60 рисунками и заставками художника И. Зубрилова и др., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к. 224 стр. Папина дочка.—Труськина елка.—Нютина посылка.—Василекъ.—Диночка.—Новенькая.—Злючка.—Гришина елка.—Кто лучше? Скучно.—На берегу моря.—Ко дню рожденія мамы.—Я такъ хочу.—По методѣ доктора Мартина.—О чемъ плакала птичка.—Барашекъ.—Дѣдушкины глазки.—Кто любилъ Тарочку больше.—Несчастливый день Тони.—Котикъ и Пошка.—Царица мама.—Семейство Царапкиныхъ.—Въ первый разъ.—Большая кукла.—Жалоба Трезорки.—Судъ Соломона.—Сѣренькая птичка.—Три слезинки королевы.—Пріѣздъ мамы.—Свѣтлый мальчикъ.—Маленькій графчикъ.—Муся.—Сюрпризъ.—Весенняя сказка.—Ильюшка и Дружокъ.—Разбойники.

*) **Свѣтлый Воинъ Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.** Историческая повѣсть временъ царствованія Бориса Годунова, Лжедимитрія и Василія Шуйскаго. Соч. Л. Чарской; съ рисун. художника Андреева и др., 365 стр., Спб., ц. 2 р. Въ этомъ произведеніи талантливый авторъ исторически вѣрно описываетъ картину жизни Русскаго народа въ періодъ смутнаго времени (1605—1612 годахъ), а именно послѣ смерти Царя Бориса слѣдуетъ трагическая смерть и его семьи. Царствованіе Чуднаго Лжедимитрія. Бунтъ народа противъ самозванца и смерть его. Появленіе второго самозванца, названнаго исторіей „Тушинскій воръ“. Избраніе въ цари В. М. Шуйскаго и неумѣлое его правленіе Русью, вслѣдствіе чего явилась измѣна бояръ и воеводъ, и равнодушіе войска и народа погрузили страну въ анархію. Въ это тяжелое время къ спасенію Россіи явились истинные патріоты родины: Мининъ, Палицынъ, Пожарскій, Ляпуновъ, а въ особенности выдѣлившійся изъ нихъ молодой князь Скопинъ-Шуйскій,—племянникъ царя, который, несмотря на свои юношескіе годы, былъ одаренъ сильнымъ умомъ, стойкостью воли и не-

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учебн. завед., въ библ. сред. учебн. завед. м[illegible] возр.

сомнѣннымъ воинскимъ дарованіемъ, и этотъ „свѣтлый воинъ“ успѣшно боролся съ поляками, осаждавшими Троицкую Лавру, съ мятежниками-казаками, „Тушинскимъ воромъ“ и прочимъ сбродомъ, грабившимъ Россію со всѣхъ концовъ. Князь Михаилъ и самъ не сознавалъ того необычайнаго дѣйствія, которое онъ производилъ на враговъ. Но когда его бѣлый конь появлялся на ратномъ полѣ у стѣнъ осажденнаго города, или когда его острый мечъ поднимался въ сторону врага, трепетъ охватывалъ послѣдняго. Что-то великое, не земное, было въ грозной боевой фигурѣ юнаго стратега. Какою-то затаенною страшною силой обладало все его существо. Онъ какъ бы воплощалъ собою другого вождя и воина—побѣдоносца Георгія, который и былъ изображенъ на знаменіи Князя, постоянно сопровождавшаго его въ бою.

Семья Лоранскихъ. Не въ деньгахъ счастье. | **Дурнушка.** Изъ жизни свѣтской дѣвушки.

Двѣ повѣсти. Соч. **Л. Чарской.** Съ рисунками художника М. Андреева, гравиров. Ю. Пертелемъ и А. Смирновымъ, 248 стр., въ папкѣ, ц. 1 р 35 к.

Дѣтишки, ихъ дѣлишки. Разсказы для дѣтей **М. А. Лялиной**, съ рисунками художника А. Чикина, ц. 50 к. Для младшаго возраста недурны четырнадцать разсказовъ или скорѣе сценокъ изъ дѣтской жизни: „Дѣтишки, ихъ дѣлишки“. Видно, что авторъ освоился съ міркомъ, который описываетъ, и чувствуетъ себя въ немъ какъ дома. Мило написаны разсказы: „Свѣтлое Христово Воскресенье“, „Праздникъ не въ праздникъ“ и „Новички“. Книга не дорога. („Новое Время“).

*) **Были и былинки.** **Ант. Бѣлозоръ.** Сборникъ разсказовъ для дѣтей средняго возраста, съ рисунками художн. А. Чикова, въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р. Миша Вороновъ.—Фишка.—Разсказъ крестьянина.—Дѣло по сердцу.—Широкая масляница.—Лида.—Водолазъ.—Дѣдушкина память.—Канунъ сочельника.—Деревенскія картинки.—Фіалка и соловей.—Обиженная.—Миронова работница. Сочиненія г-жи Бѣлозоръ. Это сборники разсказовъ для дѣтей младшаго и старшаго возраста: разсказовъ очень интересныхъ, содержательныхъ и очень мило иллюстрированныхъ. Въ ряду дѣтскихъ хорошихъ изданій книжка г-жи Бѣлозоръ, безъ сомнѣнія, должна занять видное мѣсто, и мы рекомендуемъ ее вниманію родителей. („Новое Время“ № 6357).

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. **Гордѣевой-Щербинской:** Саша.—Дружокъ.—Похожденія бѣлки.—Ночь на Ивановъ день.—Похожденія киски.—На дачѣ.—Петя Демпнъ.—Духовное око. Изданіе второе. 264 стр. со многими рисунками и заставк., въ папкѣ. Цѣна 1 р. Съ отзывомъ И. С. Тургенева. ОТЗЫВЪ журнала „Дѣтское Чтеніе“ Вик. Петр. Острогорскаго о первомъ изданіи соч. Гордѣевой-Щербинской: „Разсказы эти написаны живо, интересно и отличаются задушевною теплотою. Всѣ они возбуждаютъ сочувствіе къ выведеннымъ въ нихъ лицамъ и животнымъ, благодаря теплому чувству самого автора. Жизнь дѣтей, ихъ проказы, удовольствія, отношенія къ взрослымъ описаны весьма удачно.

атя. Повѣсть, соч. **Гордѣевой-Щербинской**, съ рисунками, въ папкѣ. Спб. Ц. 1 р. Съ отзывомъ Тургенева. Первое знакомство.—Учитель.—Крестная мать.—Въ городѣ.—Послѣ праздниковъ.—М-мъ Элеоноръ и М-ье Анжелини.—Возвращеніе.—Маленькій нищенка.—Пріѣздъ на каникулы.—Горбушка.—Дядинъ другъ. Изданіе второе. 231 стр.

*) **Чешскія сказки.** Собранныя Эрбеномъ и Нѣмцевою. Перев. съ подлинника **М. А. Лялиной**, съ 36 рисунками, 286 стр. Спб., ц. 1 р. „Не менѣе полезною книгою намъ представляется, изданный В. И. Губинскимъ, сборникъ „Чешскія сказки“. Собраны онѣ Карломъ Эрбеномъ и Баженою Нѣмцевою и прекрасно переведены М. А. Лялиною. Хотя мотивы большею частью и знакомы намъ по сборникамъ бр. Гриммовъ, но все же они обработаны въ національномъ духѣ и поэтому представляютъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу международныхъ сказокъ. Изъ остальныхъ сборниковъ сказокъ отмѣтимъ „Польскія сказки“, въ переводѣ подъ редакціею г. Домбровскаго и сказки Уйда“. (Отз. „Новое Время“). **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для ихъ учебн. завед., въ библ. средн. учебн. зав. младш. возр.

Сочиненія Клавдіи Владиміровны Лукашевичъ.

*) **По морю житейскому.** Разсказы для дѣтей Клавд. Влад. Лукашевичъ, съ портретомъ автора, съ 39 рис., въ красивой папкѣ. 2 изданіе. Спб., ц. 1 р. 25 к.

*) **На жизненномъ пути.** Повѣсти и разсказы Клавдіи Лукашевичъ. 3-е изданіе, Спб., съ 35 рисунками и заставками, въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Тучки.** Сборникъ разсказовъ Клавдіи Лукашевичъ. Въ красивой папкѣ и съ рисунками художниковъ Андреева, Никитина и Владимірской. Спб., ц. 40 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ уч. мл. возр., библ. сред. уч. зав.. въ библ. низш. уч. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Няня.** Повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. Никитина, 3-е изд. ц. 40 к. У. К. М. Н. П. одоб. для ученич. библ. и нач. школъ.

*) **Свѣтлое воспоминаніе и Соня Малыхъ.** 2 разсказа, съ рисунк., ц. 25 к.

Древній мудрецъ Сакія-Муни, (легенды) для дѣтей старшаго возраста Сост. Клавдія Лукашевичъ, 87 стр., ц. 30 к

*) **Изъ деревни** (Акуля), повѣсть для дѣтей Клавдіи Лукашевичъ, рис. Никитина. 4 изд., ц. 30 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. для учен. библ. нач. школъ.

*) **Босоногая команда.** Повѣсть для дѣтей изъ недавняго прошлаго, Клавдіи Лукашевичъ, съ рисун. художн. Т. Никитина. 5-е изданіе. Спб., ц. 40 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. одобрена для учен. библ. нач. школъ.

Трубочистъ. Хлѣбныя зерна. Два разсказа для дѣтей, съ рис. худодж К. Никитина и бар. Клодта. Спб., 2 из., ц. 40 коп.

*) **Честное слово.** Повѣсть Кл. Лукашевичъ, съ рис., ц. 40 к.

*) **Провинился и Игнашинскій барчукъ.** 2 разсказа Кл. Лукашевичъ, съ рисун. Спб., ц. 40 к.

К. В. Лукашевичъ.

*) **Родные уголки.** Сборникъ разсказовъ и сказокъ для дѣтей младшаго возраста Клавдіи Лукашевичъ. Съ рис. Спб. 2 изд., ц. 90 к.

*) **Мой товарищъ.** Дѣтскій альманахъ. I. Рождество Христово во Св. Землѣ.—II. Наши лучшіе друзья.—III. Въ VIII школу.—IV. Св. Пасха.—V. Изъ жизни природы.—VI. Смѣсь.—VII. Изъ жизни животныхъ.—VIII. Полезныя и справочныя свѣдѣнія. Сост. К. Лукашевичъ, съ 100 рис., въ папкѣ, 297 стр., ц. 1 р. 35 к.

*) **Завѣтный путь.** Повѣсти и разсказы Клавдіи Лукашевичъ, съ 50 рисунками художн. Воронцова, Я. Сизова и Николаевскаго. Школьникъ нищій.—Яблонька.—По швейцарскимъ горамъ.—Нелюбимая подруга.—Старушка-Робинзонъ и др. 263 стр. Въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Старыя и новыя русскія сказки. Клавдіи Лукашевичъ. Съ 75 рисунками. Въ папкѣ, ц. 80 к.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** 700 рис. Соч. Мигуэля Сервантеса. Переводъ съ испанскаго В. Карелина. Исправленный и дополненный В. Зотовымъ, въ 2 громадныхъ томахъ, напечатанныхъ на прекрасной веленевой бумагѣ, 1000 страницъ, съ 700 иллюстраціями, Спб., ц. 3 р 6 Изданіе 1912 г. Внесен. въ кат. книгъ, изд. по расп. М. Н. П., для безпл. нар. чит.

Чудо-сказочки. Соч. Бехштейна. Пер. съ нѣм. изданія А. Юрьева, 317 стр., съ 72 рис. Спб., ц. 1 р. Книга эта выдержала на нѣм. языкѣ много изданій. Это ея лучшая рекомендація; нѣкот. рисунки литографированы; въ красивой папкѣ. Оглавленіе: Волшебная палочка. Корона змѣи. Жалобная пѣсенка. Портной Гришуха. Зайчики. Сильный Ѳеофилъ. Лягушка-кумушка. Бездушный. Полушка. Черный графъ. Маленькій, крохотный человѣчекъ. Страшное дежурство. Острыя ножницы. Храбрый попрошайка. Шапка карлика. Мясникъ-путешественникъ. Рыцарскій турнир ъ. Мальчикъ, учившійся колдовству. Три желанія. Два пастуш ка. Самое необходимое. Рыбій царь. Змѣя съ золотымъ ключемъ. Золотое стадо. Проклятый городъ. Три рыла. Говорящій ос елъ. Благочестивый рыцарь. Странствующій посохъ. Волшеб ныя вещи. Голубое племя. Неблагодарность. Жирный и тощій. Орлы и вороны. Зайцы и король слоновъ. Заяцъ и птица. Пустынникъ и три мошенника. Хитрый воронъ. Воръ и дьяволъ. Превращеніе мыши. Коварство и месть ворона. Два брата. Змѣя-благодѣтельница. Книга удостоилась прекрасныхъ отзывовъ нѣмецкой прессы.

*) **Избранныя сказки для дѣтей Вильгельма Гауфа.** Перев. Федоровой. Съ 36 рис., въ красивой папкѣ, 240 стр., ц. 1 р. Сказка о калифѣ-аистѣ. Сказка о кораблѣ съ привидѣніями. Спасеніе Фатьмы. Сказка о маленькомъ Мукѣ. Сказка о ложномъ принцѣ. Карликъ Носъ. Сказка о Альмансорѣ. Повѣсть о судьбѣ Саида. Сказка объ отрубленной рукѣ. **Уч. Ком. Мин. Нар. Пр.** доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав., а равно и въ безпл. нар. библ. и чит.

Сказка о щелкунчикѣ и мышиномъ королѣ. Ф. Гофмана. Переводъ З. Журавской, съ рисунками Т. Никитина, ц. 60 к., въ роскошномъ переплетѣ 1 р.

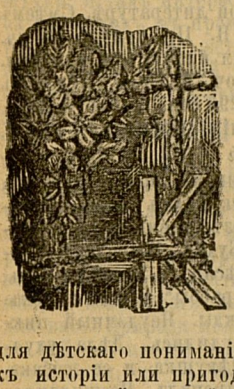
Зоологическій садъ. 24 хромолитографиров. рисунка, отпечат. заграницей, въ видѣ Альбома большаго формата. Пѣтухъ, Гуси и Утки, Индѣйки, Павлины, Собака, Кошка, Лошади, Корова, Овцы, Козы, Свиньи, Ослы, Волки, Бѣлые медвѣди, Страусы, Верблюдъ, Зебра, Жиравъ, Обезьяны, Слонъ, Левъ, Носорогъ, Тигръ и Ягуаръ. Въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к. Хорошій подарокъ маленькимъ дѣтямъ.

Сказки Уйда. Переводъ съ англійскаго **М. Лялиной**. Съ рис. 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. „Дѣтямъ требуется именно тотъ мягкій спокойно-эпическій симпатичный тонъ, которымъ отличаются разсказы Уйда". Книжка отличается по качествамъ внутренняго содержанія и полному, безупречному умѣнью держать фантастическій элементъ въ границахъ правды. Признавая этотъ элементъ литературныхъ произведеній не только важнымъ, но даже необходимымъ, считая его факторомъ развитія въ дѣтяхъ, такъ сказать, сердечной стороны духовнаго ихъ существа, мы, тѣмъ не менѣе, находимъ, что авторамъ въ сферѣ дѣтской литературы слѣдуетъ неотступно держаться на реальной почвѣ, т. е. держать фантастическій элементъ въ тѣсныхъ и неразрывныхъ рамкахъ правды и строгой логичности. Именно этимъ прекраснымъ свойствомъ и отличается перо Уйда. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Польскія Сказки Съ рисунками художника Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Два брата.—12 заколдованныхъ орлихъ.—О купцѣ и найденышѣ.—О повѣтріи.—Березка вѣщунья.—О царѣ Траянѣ.—О недовольномъ языкѣ.—О заколдованномъ змѣѣ.—О царѣ Зефирѣ.—О мужичкѣ-королѣ.—О вдовьемъ сынѣ и колдунѣ.—О королевичѣ скрягѣ и королевичѣ щедромъ.—Объ отцовскомъ проклятіи.—О черной горѣ.—Братья богатыри.—Наказанный колдунъ.—Разбойникъ Моеей.—Королевичъ Воронъ.—Пагубные глаза.—Заячье сердце.—Мужичекъ горемыка.—Три пустынника.—О царевнѣ и пяти ягнятахъ.—О колдуньѣ и трехъ феяхъ.—О бѣдности и нищетѣ.—О человѣкѣ оборотнѣ.—О царѣ Гукъ-Пукѣ. Всего 31 сказка, всѣ онѣ иллюстрированы художникомъ Штейномъ и др. Надѣемся, что „Польскія сказки", какъ очень интересныя по своему содержанію и принадлежащія разнымъ извѣстнымъ польскимъ писателямъ, прочтутся русскою маленькою публикою съ большимъ интересомъ. Книга имѣетъ 312 стр.

Среди звѣрей.

Русскія сказки, собр. **М. Шевляковымъ**. Спб. 274 стр., съ рисун., ц. 1 руб. Эта книга отвѣчаетъ любимому жанру дѣтей: разсказы о животныхъ всегда были занимательны и поучительны. Помимо образовательныхъ задачъ сказки, съ фигурирующими въ нихъ животными, представляютъ широкое поле для моральныхъ выводовъ и характеристикъ, явленій общественной жизни, занимательность которыхъ обусловливается интересомъ фабулы. Сказка всегда должна быть интересна, иначе она не даетъ никакой пищи уму ребенка. Ея содержательность должна соотвѣтствовать не только дѣтскому пониманію, но даже и настроенію. Иначе она не удержитъ на себѣ вниманіе. Наконецъ, сказка должна быть жизненна, т. е. вложенная въ нее мысль должна быть развита въ формѣ факта, въ возможности котораго ребенокъ не сомнѣвался бы. Настоящій сборникъ строго согласованъ съ этими правилами и можетъ быть предложенъ съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ самымъ маленькимъ дѣтямъ, такъ равно и дѣтямъ средняго возраста.



Книга чудесъ *).

Разсказы для дѣтей изъ миѳологіи. Сост. **Н. Готорнъ**, съ рисунками, отпечатанными въ два тона. Спб., 4-е издан., 320 стр., ц. 1 р. 25 к. Книга первая: Голова Горгоны.—Золотое прикосновеніе.—Дѣтскій рай.—Три золотыхъ яблока.—Чудесная кружка.—Химера.—Книга вторая: Минотавръ.—Пигмеи.—Драконовы зубы.—Дворецъ Цирцеи.—Похожденіе Прозерпины.—Золотое руно.—Собранные въ этой книгѣ миѳы классической древности могутъ, несомнѣнно, служить прекраснымъ матеріаломъ для чтенія дѣтямъ и школьнаго и до школьнаго возраста. Изложены они вполнѣ доступно для дѣтскаго пониманія и вполнѣ способны возбудить въ молодомъ читателѣ интересъ къ исторіи или пригодиться ему въ то время, когда эти же миѳы придется изучать на школьной скамьѣ. Всѣ разсказы иллюстрированы рисунками, исполненными посредствомъ гравированія на деревѣ. Внесена въ первое дополн. къ опыту каталога ученич. библ. средн. учебн. зав. вѣдомства М. Н. П., а также для безпл. нар. чит.

„Маленькая Принцесса".

соч. м-ссисъ Ф. Х. Бернетъ, съ иллюстраціями Гарольда Пиффарда. Перев. Е. Чистяковой Спб. ц. 1 руб. „Это, по истинѣ, прекрасный разсказъ, написанный съ большимъ юморомъ и чувствомъ. И взрослые, и дѣти, безъ сомнѣнія, сочтутъ „Маленькую Принцессу" однимъ изъ самыхъ восхитительныхъ собесѣдниковъ, которыхъ далъ намъ книжный рынокъ этого года". „Ежедневный телеграфъ". (DailyTelegraph Это повѣсть вполнѣ достойная стать рядомъ съ „Маленькимъ Лордомъ". Въ ней такъ разсказывается о дѣтскомъ мірѣ, что дѣти всѣхъ круговъ общества поймутъ свое мѣсто въ ней и свою роль, поглядя на жизнь черезъ волшебное стекло простой человѣческой доброты и ничѣмъ не отуманеннаго идеализма. „Маленькая Принцесса" принадлежитъ къ числу самыхъ прекрасныхъ книгъ, вышедшихъ въ этомъ году". „Школьная Хроника". (School Chronicle).

*) Дѣвичій мірокъ

Исторія одной школы. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго М. Лялиной, съ раскраш. рисунками, въ папкѣ. 228 стр. Спб., ц. 1 р. Уч. К. М. Нар. Пр. доп. въ учен. биб. гор. учил., а также и въ средн. учеб. зав., преим. жен.

ДѢДУШКА и ВНУЧКА.

Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго **Е. Чистяковой-Вэръ**, съ рис., въ папкѣ ц. 1 р. Трогательная исторія маленькой Доротеи, завладѣвшей сердцемъ стараго скряги дѣда. Англійская пресса съ величайшей похвалой отзывается объ этомъ произведеніи, украшенномъ блестками юмора и интересными сценами, наполненными оригинальными положеніями. 236 стр.

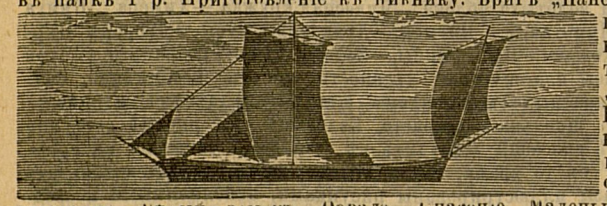
СТУДЕНТКИ.

Соч. **Л. Мидъ**. Перев. **М. Лялиной**, съ рис. и въ папкѣ ц. 1 р. Имя Л. Мидъ пользуется въ Англіи громаднымъ успѣхомъ. Ею написано много книгъ и всѣ они расходятся превосходно, благодаря тому, что она въ своихъ произведеніяхъ освѣщаетъ правдиво міръ молоденькихъ дѣвицъ, въ описаніяхъ полныхъ захватывающаго интереса. Надѣемся, что двѣ новыя книги прочтутся русской публикой такъ же, какъ и въ Англіи. 240 стр.

*) **Семь дѣвицъ.** Повѣсть **Л. Мидъ**. Переводъ съ англійскаго М. Ловцовой, съ рисунками англійскихъ художниковъ Перси и Тарантъ. Въ красивой папкѣ, цѣна 1 рубль. Талантливая англійская писательница—г-жа Л. Мидъ, которая въ своихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ именно молоденькимъ дѣвушкамъ 12—15 лѣтъ, раскрываетъ передъ нами этотъ „Дѣвичій міръ“, полнаго захватывающаго интереса, хотя авторъ вообще рѣдко выступаетъ изъ круга обыденной жизни, полной внутренняго содержанія для лицъ, умѣющихъ находить счастье не въ заоблачномъ мірѣ фантазіи, а вблизи себя. Авторъ—не докучливая резонерша, и ея нравоучительные выводы ясны сами по себѣ, безъ всякихъ подчеркиваній; она понимаетъ и любитъ своихъ маленькихъ героинь со всѣми ихъ слабостями и достоинствами, съ ихъ неопытностью и самомнѣніемъ, свойственными молодости. Нельзя не прибавить, что сочиненія автора завоевали себѣ въ короткое время почетное мѣсто въ англійской современной литературѣ. Смѣемъ думать, что и у насъ займетъ такое же мѣсто. Учен. Ком. Мин. Н. Пр. допущ. въ уч. средн. возр., библ. средн. учебн. зав. и въ безплатные народныя библіотеки и читал.

Школьницы. Повѣсть изъ англійской жизни. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ **Е. Чистяковой-Вэръ**, съ рис. въ папкѣ 293 стр. ц. 1 руб. 20 к.

*) **На необитаемомъ островѣ.** Приключенія четырехъ дѣтей, унесенныхъ бурей въ море. Соч. **Л. Мидъ**. Переводъ **М. Ловцовой**, съ рисунками англійскихъ художниковъ **Перси и Тарантъ**, въ папкѣ 1 р. Приготовленіе къ пикнику. Бригъ „Нанси“. Въ открытомъ морѣ. Переправа черезъ стремнину. Спокойной ночи. Бухта „Изабелла“. Бухта „Полумѣсяцъ“. Ужасная ночь. „Мунго и Краббы“. Бѣлый замокъ. Новыя одежды. Неудачный пикникъ. Заблудились. Дѣла ухудшаются. Дѣвушка и ее собака. Фердингъ пропалъ. Неожиданное вторженіе. Бѣлый замокъ. Обвалъ. Спасеніе. Маленькій Робинзонъ. На необитаемомъ островѣ нѣсколько недѣль. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. допущ. въ уч. млад. возр., биб. сред. уч. зав. и въ безпл. нар. биб. и читал. 268 стр.



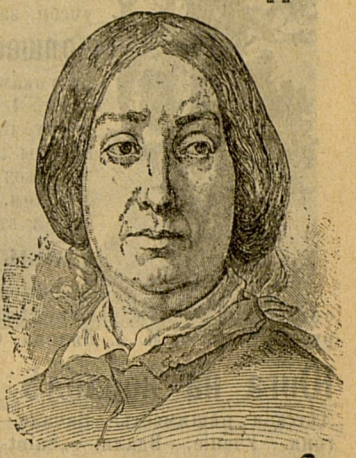
*) **Сказки Шведскія, Норвежскія и Финскія.** Пер. **Эльвенгренъ** съ 25 рисунками, въ папкѣ цѣна 1 руб. Жемчужина.—Сказка о Петрѣ, который хотѣлъ хозяйничать у себя дома.—Добрая жена.—Вересковая принцесса.—Сказка о королевской дочери, которая проливала вмѣсто слезъ жемчужины.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Слаще сладкаго.—Лѣсная фея.—Кухня вѣдьмы.—Почему морская вода соленая.—Путешествіе на звѣзды.—Три желанія.—Щебетунъ, или поющій муравей.—Друзья короля Эсмона.—Корона морского Бога.—Король Каріусъ.—Лучшій путь.—Чѣмъ мы гордимся.—Лѣсной мотылекъ.—Братья.—Ласточки.—Вотъ какъ бываетъ на войнѣ.—Зеленѣющій островъ.—Эолова Арфа.—Цвѣты радости.—Весеннее утро. 278 стр. Уч. Ком. Мин. Н. Пр. доп. въ уч. библ. низш. учебн. завед.

*) **Избранныя русскія сказки.** Составлены по Афанасьеву и др. Четвертое изданіе. Съ 78 рисунками и заставками художника Р. Штейна, Спб. 337 стр., ц. 1 р. 50 к. (большой томъ)—нѣкоторыя рисунки отпечатаны въ два тона. „Намъ кажется весьма труднымъ и едва ли полезнымъ—до поры до времени—изгонять все волшебное и чудесное, оставлять молодое воображеніе безъ пищи, замѣнять сказку разсказомъ. Очень немногія дѣти безусловно вѣрятъ всѣмъ чудесамъ сказки, и они очень хорошо умѣютъ тотчасъ отрѣшиться отъ этой вѣры, какъ только часъ тому настанетъ“. Эти слова И. С. Тургенева вспомнились намъ, когда мы прочли книгу В. Маракуева: „Русскія сказки“. Да, умѣло составленный сборникъ сказокъ—къ тому же народныхъ, читаемыхъ съ интересомъ и взрослыми—никогда не направятъ фантазію дѣтей на ложный путь; напротивъ, онѣ, такъ сказать, облагораживаютъ фантазію художественнымъ вымысломъ. Въ этомъ отношеніи книга г. Маракуева безспорно принесетъ не мало пользы юному читателю, тѣмъ болѣе, что рисунки Р. Штейна прекрасно иллюстрируютъ духъ и идею каждой отдѣльной сказки. Всего 50 сказокъ. („Новое Время“). Въ папкѣ. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ без. нар. чит. и библ.

Своими силами. Исторія покинутаго мальчика, соч. Букнахъ съ рисунк. Спб. ц. 40 к. Приключеніе покинутаго мальчика, изъ бродягъ превратившаго въ честнаго и прекраснагося человѣка. Живое, интересное и поучительное чтеніе.

***) Маленькій разносчикъ (продавецъ спичекъ).** Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное, французской академіей. Полный переводъ съ послѣдняго французскаго изданія Е. Д. Давыдовой. Съ 25 рис. въ папкѣ, ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. допущ. въ ученич. библ. низш. учебн. зав.

Приключеніе ослика и двухъ маленькихъ дѣвицъ. Соч. Сталь. Переводъ М. Лазаревой, съ 80 рисунками въ папкѣ 1 р. Приключеніе Ослика замѣчательно тѣмъ, что, попавъ отъ помѣщика къ цыганамъ-акробатамъ, онъ выучился отъ нихъ продѣлывать разныя забавныя штуки, и такъ интересно, что его показывали публикѣ на ярмаркахъ въ провинціальныхъ городахъ и селахъ, пока случайно не встрѣтилъ Ослика бывшій владѣлецъ и къ великой радости семьи возвратилъ его домой. Книга читается съ интересомъ и пользою.



***) Бабушкины сказки.** Сочиненіе Жоржъ-Зандъ. Переводъ М. А. Лазаревой. Съ рисунками художника Табурина. Спб., 279 стр., въ красивой папкѣ, ц. 1 р. „Я разскажу вамъ, милыя дѣти, только слушайте внимательно,— про голубое и синее море, которое вы такъ любите. Я разскажу вамъ все простыми словами, это будетъ вамъ понятнѣе, чѣмъ печатный слогъ. Вамъ хотѣлось чего-нибудь волшебнаго. Оно, пожалуй, будетъ отчасти, но будетъ много и правды, интересной для васъ. Природа полна чудесъ, дѣти, куда вы не заглянете въ нее, вы всегда найдете въ ней что-нибудь новое, необыкновенное". Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. сред. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит. 2-е изданіе 1912 г.

***) Любимыя сказки Эд. Лабулэ.** Съ 120 рисунками. Переводъ Доброславина и Н. Мазуренко, въ хромолит. папкѣ, ц. 1 р. 20 к. Ивонъ и Финетта.—Бретонская сказка.—Добрая жена.—Норвежская сказка.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Скандинавская сказка.—Посѣщеніе Праги.—Доволенъ-ли ты?—Золотой хлѣбъ.—Шванда-волынщикъ.—Гуси Господа Бога.—Двѣнадцать мѣсяцевъ.—Исторія царя Самаріи.—Три лимона.—Пифъ-пафъ или искусство исправлять людей.—Король-причудникъ и принцъ-Красавчикъ.—Мадемуазель Пазза.—Первый урокъ.—Свадьба Паззы.—Ужасное событіе.—Маскарадъ.—Двѣ консультаціи.—Пробужденіе.—Красавчикъ получаетъ пощечину.—Кто такой былъ Тонто.—Жена должна повиноваться мужу. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низш. уч.

***) О былом. Русскіе историческіе разсказы.** Соч. Г. Т. Сѣверцова-Полилова, съ 60 рисун. художн. Н. Захарова. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к. Лихолѣтье. Ради Господа. У Святого ручья. Новое лѣто. Царскій перспективныхъ дѣлъ мастеръ. Великая сила. Первый Спасъ. Книжное ученіе. Безъ вины. Царевъ указъ. Царскіе полотнянники. Прощеные дни. Въ недѣлю Ваій. Въ царициной службѣ. Маленькіе работники. Заспалъ. Попугай. Екатерина Великая. Кто крѣпче. Паракита. Царевъ Варганистъ.

Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль". Сочиненіе Ч. Дарвина. Полный переводъ М. Филиппова; иллюстр. изданіе въ красивой папкѣ, 386 стр. Спб., ц. 1 р. 50 к. „Путешествіе вокругъ свѣта на кораблѣ „Бигль"—одна изъ занимательнѣйшихъ книгъ. Несмотря на присущую Дарвину научную точность и документальность, она читается какъ романъ, и смѣло можетъ быть рекомендована юношеству для образовательнаго чтенія". Отзывъ журнала „Нива".

***) Подвижныя игры.** Физическое развитіе человѣка. Соч. проф. Кольрауша и Г. Вагнера. Перев. съ нѣмец. М. Михайлова съ 183 рисун., 350 стр. Спб., ц. 1 р.

Шалуны. 20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго съ 25 рисунками художника Захарова. Спб., въ папкѣ, 126 стр., цѣна 50 к.

Сорванецъ. Записки бывшаго гимназиста, воспоминанія Н. Ратомскаго, съ рисун. художн. М. Андреева, въ папкѣ, 116 стр. цѣна 50 коп.

*) **Сказки, преданія и легенды** всѣхъ странъ и народовъ. Съ 50 рис. Подъ редакціей Владиміровой-Европеусъ. 320 стр., 2-е изданіе. Спб., ц. 1 р. 50 к. Диккенса, Андерсена, Гестринъ, Гофмана, Бехштейна, Асандеръ, Отто, Баминскаго, графа Майлата, Ж. Занда. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. и ср. возр., библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

олшебныя сказки .*) Соч. Ж. Перро, добавленіе сказокъ г-жи Лепренсъ-де-Бомонъ. Съ 65 рисунками, перев. съ франц. В. Владимірова. Спб., 276 стр., ц. въ папкѣ 1 р. Знаменитыя сказки Перро переведены на всѣ языки и всюду читаются съ громаднымъ интересомъ, такъ какъ онѣ написаны въ самой увлекательной формѣ. Надѣемся, что онѣ будутъ читаться русскими дѣтьми такъ же, какъ въ остальномъ свѣтѣ. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Сказки славянскихъ народовъ. Сербскія, Босно-Герцоговинскія, Болгарскія, Хорватскія, Моравскія, Чешскія, Кашубскія, Польскія и Русскія сказки.—Съ рисунками. Обработала для русскихъ дѣтей М. А. Лялина. Спб, въ папкѣ, ц. 90 к.

Юнга на кораблѣ корсара. Соч. П. Маэль. Перев. Михайловой, съ рис. франц. художн. Париса и др. Плѣнные.—Дѣтская рѣшимость.—Начало.—Бѣгство.—Въ горѣ. Спасеніе.—Экипажъ Корсара.—Погоня.—Ученіе.—Вдали.—„Saint-anne“.— Военные мадригалы.—Тревога битвы.—Послѣ сраженія и пр. Съ 48 рис., 262 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. Дѣйствіе происходитъ въ началѣ 19 стол. На морѣ вели войну французы при Наполеонѣ I съ англичанами. Знаменитый французскій корсаръ, капитанъ корабля „Кларисса“ Робертъ Сюркуфъ составилъ себѣ громкое имя между великими корсарами нашей исторіи. Въ двадцать пять лѣтъ Робертъ Сюркуфъ наносилъ сильные удары англійской промышленности, не опасаясь нисколько помѣряться силами съ корветами и фрегатами врага. Онъ снарядилъ на свой счетъ корветъ „Clarisse“, вооруженный 14 пушками, которыми онъ громилъ англичанъ на Индѣйскомъ океанѣ. Онъ преслѣдовалъ безостановочно англійскія суда, на него собирались эскадры острова Маврикія, Мадраса и Бомбея. Однако, каждый непріятельскій капитанъ, какъ бы онъ ни былъ храбръ, боялся страшнаго корсара и пускался въ поиски за нимъ только съ тайнымъ желаніемъ, что его вовсе не найдетъ. Постоянно сражаясь съ непріятелемъ онъ пріучилъ свой экипажъ одерживать только однѣ побѣды. Вотъ на такомъ боевомъ суднѣ провелъ нѣсколько лѣтъ корабельный юнга и былъ свидѣтелемъ самыхъ страшныхъ морскихъ сраженій, пораженій и разныхъ морскихъ приключеній.

*) **Сказки бр. Гриммъ** пересказанныя дядею Павломъ. Съ изящно раскрашенными картинами, переплетенныя въ красивую папку, напечатаны красивымъ четкимъ шрифтомъ, 4-е изд. 320 стр., Спб., ц. 1 р. 75 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. младш. возр., библ. сред. учеб. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества А. Доде. Перев. съ франц., съ 67 рис., въ папкѣ, ц. 1 р. Диккенсъ, прочитавъ этотъ романъ, назвалъ автора возникающимъ свѣтиломъ французской литературы и своимъ „собратомъ“ по таланту. Абу въ своихъ письмахъ изъ Парижа въ „Athenaeum“, называетъ Альфонса Додэ одною изъ привлекательнѣйшихъ личностей современной литературы и признаетъ въ немъ несомнѣнное сходство съ Диккенсомъ по тонкой наблюдательности, мастерской группировкѣ подробностей, умѣнью заставлять читателя и плакать и смѣяться. Уч. Ком. М. Н. Пр. доп. въ учен. библ. низш. учебн. зав.

Дѣтскій міръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей младшаго и средняго возраста. Соч. **Зои Щербачевой**. Съ 70 рисунками и заставками. 20 разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Изъ путешествія по Европѣ. Изъ жизни животныхъ. Интересные разсказы про умныхъ собачекъ. Забавные приключенія дѣтей. Охота на звѣрей и пр. и пр., написанныхъ простымъ литературнымъ языкомъ и вполнѣ доступныхъ пониманію своего читателя. Въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.

З. Н. Щербачева.

Развлеченіе и польза. Сборникъ разсказовъ **Зои Щербачевой** съ 80 рисунками и снимками съ картинъ художниковъ: Н. К. Пимоненко, В. Маковскаго, Т. Никитина, А. Шлиппера, Холодовскаго и друг. Спб. 1912 г. въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Содержаніе: Сифа Кирієнко (быль).—Въ гостяхъ у тети. (Изъ Малоросійской жизни).—Два друга.—Болѣзни Муси--Галя.—Мачеха—Пушинка (бѣлочка).—Садыхъ Бекъ.—Вадимъ.—Франекъ (быль).—Дочь разбойника.—Дика и его друзья.—Лѣто въ Крыму.—Контрабандистъ Али. и пр.

Предлагаемая книжка г-жи Щербачевой очень удачно названа „Дѣтскимъ міромъ", такъ какъ это, дѣйствительно, изображеніе дѣтскаго міра въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ. Тутъ собрано 22 разсказа, написанныхъ, несомнѣнно, талантливо и интересно и охватывающій своеобразный мірокъ дѣтскаго быта во всѣхъ его типичныхъ особенностяхъ, со всею яркостью его красокъ. Дѣти прочтутъ эти занимательные по фабулѣ разсказы съ захватывающимъ чувствомъ, и они несомнѣнно повліяютъ на юныхъ читателей облагораживающимъ и развивающимъ образомъ. Въ то же время тутъ нѣтъ и тѣни какой-либо докучной моралистики или тенденціи; весь секретъ ихъ воздѣйствія на юныхъ читателей заключается единственно лишь въ крупномъ литературномъ дарованіи автора, въ его любви къ подрастающему поколѣнію, въ его чувствѣ и глубокомъ пониманіи дѣтскаго міра.

Книга украшена 70 прекрасными рисунками и заставками, заключена въ художественную хромолитографированную папку и представляетъ собою томикъ въ 231 стр. Цѣна за такую книжку (1 р. 25 к.) баснословно дешева. Отзывъ газета „Земщина". № 983.

***) Лазутчикъ.** **На возвышенности Корро.**—Два разсказа **Франца Гофмана**. Спб., въ красивой папкѣ съ картинами, ц. 1 р. Оглавленіе: I. Лазутчикъ.—Каторжникъ.—Благородное сердце.—Во время войны.—Повѣсть его.—Возвращеніе домой. II. На возвышенности Корро.—Испытаніе.—Родникъ.—Гіены и шакалы.—Слоны.—Какъ стелятъ постель слону.—Дикіе ослы и собаки.—Доброе дѣло не пропадетъ.—Возвращеніе на родину. Внесена въ каталогъ книгъ изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для безпл. нар. чит.

***) Потерянный и возвращенный рай.** Поэма **Джона Мильтона**. Полный переводъ съ англійскаго П. А. Коншина, съ 20-ю рисунками знаменитаго художника Дорэ и др. и портретомъ автора.—2-е исправленное изданіе. Спб. 1906 г. Эта замѣчательная поэма знаменитаго англійскаго поэта выдержала безчисленную массу изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Своему широкому распространенію она обязана оригинальности замысла и творческому выполненію его, обезсмертившему имя автора, блестяще справившагося со своею мудреною задачею—изобразить первобытнаго человѣка. Въ видѣ предисловія приложена статья переводчика о жизни и произвед. автора. 400 стр., ц. 1 р. 50 к.

***) Дневникъ школьника.** **Эдм. Д. Амичисъ**, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, съ 60 рисунками, 6-е изданіе, ц. 1 р. 20 к. Книга „Дневникъ школьника" разошлась въ сотняхъ тысячъ экзем. и считается настольною книгою молодой Италіи. Она написана просто, безъ громкихъ словъ и запутанныхъ приключеній, будто все, что въ ней написано, было на самомъ дѣлѣ. Вотъ почему она читается съ замираніемъ сердца и всему прочитанному вѣрится. Молодость—лучшій судья въ вопросахъ первыхъ чувствъ и впечатлѣній. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учен. библ. низш. завед.

*) **Дѣвочка-Робинзонъ.** Исторія маленькой сиротки. Соч. Евгеніи-Мюллеръ. Съ рис. Перевелъ съ франц. В. Д. Владиміровъ, ц. 1 р. 2-е изданіе. Ч. I. Чужая.—За ягодами.—Око за око.—Гостья.—Исповѣдь.—Киданіе жребія.—Тщетная надежда. Ч. II. Свободная.—У госпожи Вюрель.—У господина Гюръ.—Спустя четыре мѣсяца.—Ночной разговоръ.—Куда они пошли?—Маленькая защитница.—Неудачная месть. Ч. III. Странный ребенокъ.—У маленькой Мари.—Зимою.—Весна.—Сплетни.—Владѣлецъ.—Робинзонетта. Ч. IV. За кѣмъ побѣда?— Два празднества.—Бѣдняга и бѣдняжка.—Аукціонъ.—Да здравствуетъ Робинзонетта!—Заключеніе. 266 стр. въ папкѣ. Уч. Ком. М. Н. Пр. доп. въ уч. мл. воз., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Въ деревнѣ Разсказы для дѣтей С. Макаровой.—Рабочій ящикъ.—Сирота.—Рекрутъ.—Пожаръ на мельницѣ.—Мачеха.—Пасха.—Извозчикъ. Изданіе третье дополненное. Съ рисунками художника Н. Захарова. Въ папкѣ, 249 стр., цѣна 1 руб.

Дѣла минувшихъ дней. Сборникъ разсказовъ С. Макаровой. Одинъ изъ давно минувшихъ дней. Историческій разсказъ изъ жизни Екатерины Второй. Альгея.—Воротничекъ.—Пріятель.—Капризъ. Съ рисунками художника М. Андреева. Въ папкѣ, цѣна 1 р.

Дѣтскій мірокъ. Сборникъ разсказовъ для младшаго возраста. Соч. С. Макаровой. Съ рисунками художника Сизова. Въ папкѣ, ц. 60 к.

Софья Марковна посвятила всю свою литературную дѣятельность дѣтямъ, и въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ писала исключительно только разсказы, повѣсти, сказки, очерки дѣтской жизни или же изъ исторіи и народнаго быта, предназначенные для дѣтей.

Сочиненія С. М. Макаровой пользовались и пользуются до сихъ поръ большимъ успѣхомъ среди дѣтей. Задача, которую поставила себѣ покойная С. М. Макарова въ своихъ трудахъ, была всегда поучать и сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія почти шутя т. е. соединять пріятное съ полезнымъ, при чемъ всѣ ея разсказы проникнуты идеею добра, правды и любви.

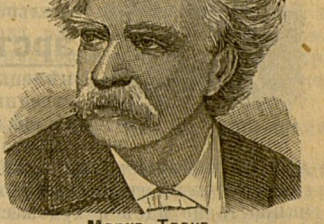
*) **Опасности дикихъ странъ.** Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофмана, перев. подъ редакціею Н. Позднякова, съ рис. худ. Р. Штейна. Спб., ц. 1 р. 20 к. Изъ предлагаемаго разсказа вы познакомитесь съ тѣми опасностями, которыя угрожали переселенцамъ, вторгавшимся въ эти дикія страны. Разсказъ этотъ передаетъ большею частью истинныя происшествія и не только представляетъ вѣрную картину мрака, уединенности и ужаса почти безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, но рисуетъ также характеръ, нравы и обычаи племени, печальная судьба котораго зависитъ не исключительно отъ злоупотребленія бѣлыми своею властью, но также главнымъ образомъ отъ собственныхъ ошибокъ и страстей. Въ папкѣ. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. воз., биб. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Святочные разсказы.** Сочиненіе Чарльза Диккенса. Переводъ съ англійскаго Ф. Резенера. 4-е изданіе, украшенное 66 рисунками. Спб., 453 стр., ц. 1 р. 50 к. „Святочные разсказы“ Диккенса написаны такъ мастерски, съ такою художественностью, что оставляютъ по себѣ глубокое впечатлѣніе, отличаются необыкновенною глубиною мысли, проникнуты теплымъ чувствомъ и исполнены тѣмъ добродушнымъ, веселымъ, а подчасъ ѣдкимъ юморомъ, который свойственъ исключительно одному только Диккенсу. „Святочные разсказы“ Диккенса, благодаря образцовому переводу г. Резенера, сумѣвшаго передать въ своемъ переводѣ малѣйшіе оттѣнки подлинника, выдержали уже три изданія, и можно съ увѣренностью сказать, что таковымъ успѣхомъ они будутъ пользоваться еще долгое время“. („Новое Вр.“) Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ безпл. нар. чит. и библ.

Въ родномъ краю. Сборникъ стихотвореній для дѣтей. Аполлона Коринфскаго. Съ 50 рисунками и заставками. 123 стр. ц. 45 к.

*) **Робинзонъ Крузо младшій.** Соч. Кампе (для дѣтей). Переводъ Н. Х. Весселя, съ раскрашенными картинами, въ папкѣ (большой томъ). Спб., ц. 1 р. 25 коп. Мин. Нар. Просв., для безплат. народн. таленъ.

Приключенія Тома. Соч. МАРКЪ-ТВЭНА, переводъ Н. Мазуренко, съ 70 рисунками, большой томъ въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. Трудно представить себѣ болѣе занимательное литературное произведеніе, написанное такимъ яснымъ, простымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увлекательнымъ, живымъ и образнымъ языкомъ и во многихъ мѣстахъ съ тонкимъ оригинальнымъ юморомъ и одинаково занимательно для всѣхъ возрастовъ. Разсказъ относится къ періоду времени въ концѣ половины прошлаго столѣтія передъ войной между сѣверными и южными штатами изъ-за уничтоженія рабства. Въ немъ, въ замѣчательно яркихъ краскахъ, рисуется обыденная жизнь населенія маленькихъ городовъ и селъ Соединенныхъ Штатовъ. Почти на каждой страницѣ мелькаютъ картины жизни семьи, отношеній родителей къ дѣтямъ, школа, церковь, общественная жизнь, даже судъ и судебное разбирательство, суевѣрья негровъ, отношеніе къ нимъ бѣлыхъ того времени и многое другое любопытное для читателя, интересующагося жизнью, нравами и обычаями американцевъ.


Маркъ-Твэнъ.

*) **Жизнь на Миссисипи.** Сочиненіе Маркъ-Твэна. Переводъ Федоровой, Спб. 100 рис. 296 стр., ц. 1 р. 35 к. въ красивой папкѣ. Миссисипи стоитъ того, чтобы о ней читали. Миссисипи—самая замѣчательная рѣка въ свѣтѣ. Миссисипи самая длинная рѣка въ мірѣ, она орошаетъ своими водами 28 штатовъ. Она принимаетъ въ себя воды нѣсколькихъ сотъ рѣкъ и рѣченокъ, по которымъ плаваютъ большія и малыя суда. Описаніе открытія рѣки, ея заселеніе, жизнь и нравы жителей, промышленность, торговля, устройство городовъ и селъ, хлѣбопашество, фабрики, заводы и пр. и пр.; 100 рисунковъ дополняютъ силу впечатлѣнія читателя. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. сред. и старш. возр., библ. ср. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Кругосвѣтное путешествіе. Сочиненіе Маркъ-Твэна. Переводъ А. Линдегренъ и М. Модель. Спб. 1906 г. Большой томъ. 461 стр. Съ рисунками художника Зубрилова и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.—Въ Тихомъ океанѣ.—Австралія.—Изъ Австраліи въ Индію.—Индія.—Южная Африка.

*) **Приключеніе Финна.** Соч. Маркъ-Твэна, переводъ Н. Мазуренко. 151 рисунковъ, 299 стр. большого формата, съ хромолитограф., въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 35 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ учебн. библ. низ. учил.

Принцъ и нищій. Приключеніе Тома на воздушномъ шарѣ. Соч. Маркъ-Твэна Большой томъ, 262 стр., 100 рис., въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. 25 к. Талантливый авторъ разсказалъ намъ дѣйствительную исторію, происшедшую при англійскимъ дворѣ въ царствованіе короля Эдуарда VI. Король любилъ разсказывать окружающимъ исторіи своихъ приключеній, когда онъ превратился изъ королевскаго принца въ уличнаго бродяжку, что дало ему возможность изучить многія темныя и свѣтлыя стороны народной жизни, и сдѣлавшись королемъ—воспользовался ими на благо своего народа. Нужно ли прибавить, что книга читается съ громаднымъ интересомъ какъ юношей, такъ и взрослыми. Во второй части книги разсказываются забавныя приключенія и путешествія Тома на воздушномъ шарѣ, совершенныя черезъ океанъ, пустыню Сахару и многія друг. замѣчательныя мѣстности.

*) **Въ странѣ алмазовъ.** (Діамантина) Соч. В. О. фонъ-Горна. Разсказъ для юношества и народа. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Съ рис. Спб., ц. 45 к., въ папкѣ. Предлагаемый разсказъ описываетъ приключенія одного легкомысленнаго молодого человѣка, переселившагося въ Бразилію и попавшаго въ рабство. Въ этой же печальной повѣсти читатели познакомятся съ интересной и малоизвѣстной отраслью горной промышленности, а именно съ добычей алмазовъ, а также съ жизнью работающихъ въ алмазныхъ копяхъ невольниковъ-негровъ.

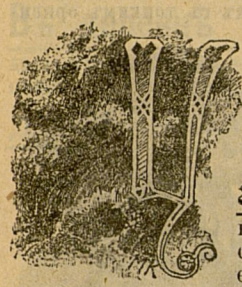
Честный мальчикъ. Разсказъ Фр. Гофмана, переводъ съ нѣмецкаго. В. Энгельгардъ. Съ рисунками, цѣна 40 к.

Зоологическія сказки. Н. Ратомскаго. Съ рис. Ц. 60 к. Книга имѣетъ научное значеніе; она знакомитъ съ жизнью, строеніемъ и особенностями всѣхъ животныхъ, рыбъ и птицъ. Кромѣ того, она наводитъ на мысли о взаимныхъ отношеніяхъ всего живущаго на земномъ шарѣ, по выводамъ ученыхъ натуралистовъ. Написана легкимъ доступнымъ языкомъ, въ формѣ сказокъ.

*) **Поселянка.** Разсказъ Г. Сенкевича. Ц. 5 к. *) **Завоеваніе Константинополя турками.** Соч. Гиббона. Ц. 15 к. *) **Приключеніе маленькаго графа.** Уйда Ц. 30 к.

Печать Цезаря. Ист. для юнош. изъ временъ Юлія Цезаря знамен. ист. Альфреда Рамбо. Пер. Л. Шелгуновой. 27 рис. 268 стр., въ папкѣ. Цѣна 1 р. Въ книгѣ описывается военная и бытовая жизнь римскаго общества временъ Цезарей. Книга читается съ большимъ интересомъ и пользою.

Дѣти на войнѣ. Соч. Л. Ф. Черскаго. Разсказы изъ эпохи четырехъ войнъ. Въ папкѣ. Съ рис. художн. Шлиппера. Спб. 1910 г. 118 стр. Ц. 50 к. „Не безъ интереса прочтутся юнымъ поколѣніемъ. Для дѣтей средняго возраста разсказы Л. Ф. Черскаго „Дѣти на войнѣ", въ которыхъ передается нѣсколько эпизодовъ изъ войнъ: крымской, отечественной, турецкой и японской. Разсказъ о дѣтяхъ русскихъ и не русскихъ, которымъ приходилось принимать участіе въ этихъ войнахъ, ведется живо и занимательно". („Новое Время").



арство сказокъ. *). Карменъ Сильва (Елизаветы, Румынской королевы). Переводъ съ нѣмецкаго С. Майковой, съ рисунками, ц. 1 р. Симпатичный умственный и нравственный обликъ Румынской королевы выразился въ ея сказкахъ, оцѣненныхъ по достоинству критикой. Сказки отличаются необыкновенною оригинальностью и яркостью красокъ и духомъ гуманности ко всему угнетенному, всѣ герои и героини сказокъ съ полнымъ самоотверженіемъ совершаютъ величайшіе подвиги для блага своего ближняго; гуманность по идеѣ и художественное изложеніе сказокъ даютъ возможность русской публикѣ съ большою пользою и интересомъ прочесть такое произведеніе, облагораживая въ себѣ художественный вкусъ и знакомясь съ новыми образцами поэтическаго творчества. Въ папкѣ. 311 стр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ уч. ср. возр., библ. ср. уч. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Юный укротитель львовъ.** Разсказъ для юношества, 110 стр. Ф. Гофмана, пер. Владиміровой, съ рис. 3 изд. Спб., ц. 20 к.

Материнская любовь. Разсказъ Фран. Гофмана, съ рисунками, цѣна 40 к.

*) **Братья.** Историческій разсказъ XVII столѣтія временъ дѣйствія испанской инквизиціи. Съ рисунками, ц. 40 к. Всѣ разсказы Гофмана, извѣстнаго дѣтскаго писателя, интересны и поучительны.

*) **Китоловъ.** Какъ онъ сдѣлался китоловомъ и что при этомъ узналъ и пережилъ. Разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб., ц. 45 к. Юный читатель найдетъ въ этой книжкѣ увлекательное описаніе полнаго опасностей и приключеній морского путешествія въ Южный Ледовитый океанъ. Но помимо интереса предлагаемая повѣсть содержитъ въ себѣ много поучительнаго, знакомя съ жизнью кита, этого исполина морей, и съ интереснымъ китовымъ промысломъ, составляющимъ обширную отрасль промышленности.

*) **Преданный негръ.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, съ рис. Переводъ Г. А. Чарусскаго. Спб., ц. 45 к. Талантливый писатель открываетъ передъ юными читателями малознакомую страницу изъ этой мрачной исторіи, а именно возстаніе невольниковъ на французскомъ островѣ С. Доминго въ началѣ XIX столѣтія, когда грохотъ разрушенія великой французской революціи нашелъ себѣ откликъ въ далекой колоніи среди порабощеннаго народа, который, сплотившись, сбросилъ съ себя ярмо рабства, безпощадно уничтожая своихъ угнетателей и ихъ владѣнія.

Бѣлоголовый. Разсказъ для юношества и народа В. О. фонъ-Горна. Переводъ Г. А. Чарусскаго, съ рисунками, въ папкѣ, ц. 40 к.

*) **Отважная перуанка.** Историческій разсказъ для юношества и народа. Соч. В. О. фонъ-Горна, перев. Г. А. Чарусскаго съ рисунками. Спб., ц. 45. Разсказъ переноситъ насъ въ далекую эпоху господства испанцевъ въ Южной Америкѣ. Ненасытная жажда наживы привлекала въ новую страну множество корыстолюбивыхъ авантюристовъ, которые, въ цѣляхъ быстраго обогащенія, безчеловѣчно притѣсняли простодушныхъ индѣйцевъ. Результатомъ такого отношенія явилась страшная ненависть краснокожихъ къ ихъ жестокимъ покорителямъ и постоянныя кровавыя столкновенія. Только гуманное и справедливое отношеніе къ туземцамъ одного изъ вице-королей Перу возстановило миръ между враждующими народами и успокоило страну. Этотъ періодъ и служитъ темой предлагаемаго разсказа. Въ папкѣ. 20

Желѣзный Пиратъ. Соч. М. Пембертона. Прев.е съ англійскаго Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунками.

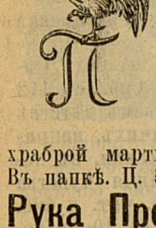
„Желѣзный Пиратъ“ Макса Пембертона, одно изъ самыхъ захватывающихъ произведеній этого замѣчательнаго писателя, который отличается силой воображенія и умѣніемъ рисовать живыя картины; въ этой повѣсти дѣйствующія лица рельефно и отчетливо выступаютъ на фонѣ самыхъ захватывающихъ приключеній „Литературный Міръ“

Маленькій золотоискатель въ Калифорніи. Соч. Герштекера. Перев. М. Мазуренко. Въ папкѣ, съ рисун., 288 стран., ц. 1 р. 35 к. Предлагаемъ нашимъ юнымъ читателямъ этотъ разсказъ даровитаго автора, одного изъ любимцевъ дѣтей старшаго возраста. Здѣсь въ яркихъ образныхъ чертахъ разсказываются приключенія семьи, переселившейся изъ Сѣверной Америки въ Калифорнію въ эпоху горячаго увлеченія открывшимися тамъ золотыми розсыпями. Главнымъ героемъ этого разсказа является пятнадцатилѣтній мальчикъ. Въ этомъ интересномъ произведеніи Герштекера встрѣчаются весьма много географическихъ и въ особенности историческихъ свѣдѣній о Калифорніи, изложенныхъ хотя весьма сжато, но очень обстоятельно и полно Въ это ъ, разсказѣ много замѣчательно красиво переданныхъ моментовъ изъ Калифорнійской жизни напримѣръ, чудесное спасеніе публики изъ когтей разсвирѣпѣвшаго медвѣдя, благодаря хладнокровной отвагѣ героевъ разсказа, внука и дѣда изъ семьи вышеназванныхъ переселенцевъ и пр. и пр.

„Немезида“, или судъ Божій. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рисунками, въ папкѣ, цѣна 40 коп.

Соч. Фр. Гофмана: **Маленькій контрабандистъ.** Разск. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 45 к.—**Маленькій золотоискатель.** Разск. Въ папкѣ. Ц. 40 к.—**Занесенный снѣгомъ.** Разск. Въ папкѣ. Съ рисун. Ц. 40 к.—**На дальнемъ сѣверѣ.** Разск. Въ папкѣ. Съ рисун. Ц. 45 к.—**На возвышенности Корро.** Разск. Съ рисун. Въ папкѣ. Ц. 60 к.

Бѣдность не порокъ. Разск. Фр. Гофмана, съ рисунк. въ папкѣ. Ц. 40 к.



Волшебныя сказки „Заколдованный Міръ“. Соч. Э. Энгельманъ. Перев. съ нѣмецкаго А. Шевляковой. Съ рисунками. Въ красивой папкѣ. Ц. 60 к. Въ книгѣ помѣщено 8 интересныхъ сказокъ.

Маленькіе проказники. Веселые разсказы съ пересказ. Л. Чер-скаго. Съ рис. художника М. Андреева. 128 стр., въ красивой папкѣ. Ц. 60 к.

Приключенія мартышки, воробья да мышки. Юмористическіе разсказы, пересказанные Л. Черскимъ. Съ 80 рисунками, въ красивой папкѣ. Забавныя приключенія храброй мартышки заставятъ маленькихъ читателей посмѣяться отъ души. Спб. 128 стр. Въ папкѣ. Ц. 50 к.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо. Перев. Е. Давыдовой, съ рисунками художника Баяра и др., гравированными на деревѣ Пуцемъ и Смирновымъ. Въ литограф. папкѣ. Книга эта получила премію французской Академіи. Спб. 248 стр., цѣна 1 р. Сандо описываетъ намъ исторію одного юноши, дошедшаго до полнаго отчаянія; но разумный, честный и любимый трудъ его спасаетъ Юноша начинаетъ постепенно привязываться къ труду, увлекаться имъ до самозабвенія и, незамѣтно для самого себя, дѣлается новымъ человѣкомъ, энергичнымъ, любящимъ и сильнымъ.

Военныя похожденія Фридерикса въ 1812 году. Историческій разсказъ для юношества и народа изъ эпохи нашествія Наполеона на Москву В. О. фонъ-Горна, переводъ Чарусскаго, съ рисун., въ папкѣ, ц. 45 к.

Путешествіе Коли къ индѣйскому султану Али-Бей-Лотосу. Фантастическая юмористическая сказка въ стихахъ, съ 58 рисун. художн. С. Эрбера, 2 изд., ц. въ папкѣ 50 к. Содерж.: Завзятый чтецъ.—Роковой шагъ.—Отважный матросъ.—Взрывъ въ океанѣ.—У дикарей.—Дворецъ.—Садъ.—Райская птица.—Верхомъ на львѣ.—Бой со змѣемъ.—Сокровища султана.—Караванъ въ пустынѣ.—Невольничій рынокъ.—Отцовскій домъ и пр.

---

*) Внесены въ каталогъ книгъ, издан. по расп. Мин. Нар. Пр., для учебн. зав. и въ библ. средн. учебн. завед. младш. возр.

*) **Тысяча одна ночь.** Арабскія сказки для дѣтей. Соч. Фр. Гофмана. Переводъ съ нѣмецк. Н. Михайловой, съ рисун. Цѣна 1 р. 25 коп. Содержаніе: Агибъ, царскій сынъ.—Гарунъ-аль-Рашидъ и Абдалахъ.—Канатчикъ Гассанъ.—Рыбакъ и духъ.—Абу-Гассанъ и Гарунъ-аль-Рашидъ.—Принцъ Зиндскій и его приключенія.—Синбадъ-мореплаватель.—Маленькій Кади.—Три принца.—Сади Нуманнъ и его конь.—Абу и Нинтикъ.—Принцъ Ахметъ и волшебница Парибину.—Путешествіе мертваго горбуна.—Альбондокари.—Абу Магометъ, лѣнтяй.—Подманаба и Гассанъ.—Три сестры.—Чудесная лампа Аладина.—Али-Баба и сорокъ разбойниковъ. Въ красивой литографированной папкѣ, 420 стр. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ безпл. нар. чит. и библіотеки.

*) **Пропавшій туристъ.** Соч. Е. Маевскаго. Фантастическія приключенія въ царствѣ насѣкомыхъ. Пер. съ польскаго Ф. В. Домбровскаго. Съ 49 рис. Ю. Машинскаго. Изд. 2-е, Спб. 1904 г. 440 стр. Цѣна 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ учен. библ. сред. и низш. уч. зав. и въ безплат. народ. читал. и библ.

*) **Сказка для дѣтей,** А. Г. Сахаровой, съ рисунками художника Овсянникова, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. мл. воз. и въ биб. ср. уч. зав.

*) **Кавказскія сказки.** Преданія и легенды Л. Черскаго. Съ рис. художн. Михайлова. Спб., въ папкѣ, 60 к.—Что такое Кавказъ? Описаніе жителей, ихъ жизнь, нравы, обычаи, природа, исторія.—Какъ собака нашла себѣ хозяина. Грузинская сказка.—Котъ Котофѣевичъ. Осетинская сказка.—Какъ явилась въ міръ Иволга, Соловей и Удодъ. Грузинская легенда.—Хаджи-Агматъ. Грузинская сказка.—Умная сноха. Чеченская сказка.—Орлиная скала.—Пахарь и Барсъ. Лезгинскія сказки.—Баранъ и Верблюдъ.—Слезы Машухи. Пятигорскія сказки. — Два охотника. Кабардинская сказка.—Бессо. Осетинская сказка. — Царь и мудрецъ. Грузинская сказка. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ безп. нар. чит. и библ.

*) **Хижина дяди Тома,** или жизнь невольниковъ-негровъ въ штатахъ Сѣверной Америки. Романъ Бичеръ-Стоу. Спб., съ 112 рисун., перев. Ландини, ц. 90 к. Кто изъ образованныхъ читателей въ своемъ дѣтствѣ не зачитывался романомъ Бичеръ-Стоу, кто изъ нихъ не проливалъ горячихъ, непритворныхъ дѣтскихъ слезъ надъ страданіями бѣднаго Тома и его доброй семьи, въ печальную эпоху рабовладѣнія, поднимая со дна души лучшія, гуманнѣйшія чувства любви человѣка къ человѣку. Учен. Ком. Мин Нар. Пр. допущ. въ безп. нар. чит. и биб.

*) **Улыбки и слезы.** Разсказы для дѣтей Е. Чебышевой-Дмитріевой, съ 40 рисун. М. Андреева, А. Шлиперы и др., въ красивой папкѣ, 280 стр. Спб., ц. 1 р. 20 к. На елкѣ.—Волшебное ожерелье.—Артюшка бѣглый.—Въ первый разъ на медвѣдя.—Петръ съ зеленаго озера.—Приключеніе раченка. —Сказка о счастьѣ.—За горемъ радость.—Дядя Леля.—Дѣтство Коли.—Пастушенокъ Сенька, и пр. Предлагаемая книга написана легкимъ литературнымъ языкомъ на темы, преимущественно, изъ сельскаго быта.

*) **Дитя лѣсовъ.** Приключеніе мальчика, три года бывшаго въ плѣну у орангъ-утанговъ, соч. Эм. Бертэ, автора кн. „Маленькія школьники“. Переводъ съ 9 франц. изданія Н. Ратомскаго, съ 42 рисун., 239 стр. Спб., въ папкѣ, ц. 1 р. Колонія.—Китаецъ Явъ.—Негритянка.—Тигръ.—Докторъ.—Визитъ.—Балъ.—Китайскій садъ.—Орангъ-утангъ.—Визитъ и возвращеніе.—Плѣнникъ.—Источникъ Лавы.—Горе. — Преслѣдованіе. — Найденный и потерянный. — Дѣвственный лѣсъ.—Возвращеніе.—Новый человѣкъ.—Открытіе.—Возвращеніе въ помѣстье.—Экспедиція.—Новыя опасности.—Освобожденіе.—Развязка.

*) **Бѣдный мальчикъ** Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками, 127 стр. Ц. 40 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. город. училищъ.

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ АКРОБАТОМЪ. Соч. А. Е Зарина. Съ рисун. М. Андреева. Спб., 124 стр., ц. 40 к. Повѣсть написана живо и увлекательно. Дѣтскіе характеры обрисованы правдиво. Книга читается съ большимъ интересомъ.

Приключенія маленькаго савояра. Сцены и картины изъ жизни горныхъ жителей Савойи. Сост. Ж. Казенъ. 50 рис. Въ папкѣ, 1 р. Въ почтовой каретѣ.—Ферма тетушки Дегранжъ.—Первый проступокъ.—Сокровище крестной матери.—Ловля форелей.—Неожиданная закуска. Жанъ, увлекаясь игрою, проигрывается.—Мщеніе паяца.—Гроза.—Признаніе Жана.—Разъяренный быкъ.—Новое искушеніе.—Примиреніе двухъ друзей.—Пожаръ на горѣ.—Дикая коза.—Старый рыбакъ.—Кража.—Контрабандисты.—Самоотверженіе рыбака.—Все прощено.

НЕОБЫЧАЙНЫЯ, НО ДОСТОВѢРНЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ КАПИТАНА КОРКОРАНА. Сочин. А. Ассолана. Полный перев. съ французскаго Мазуренко, съ 50 рис. художника де Невиля. 354 стр. Въ папкѣ, 1 р. 50 к. Имя автора, одного изъ наиболѣе блестящихъ и остроумныхъ французскихъ писателей, служитъ ручательствомъ выдающихся достоинствъ книги, представляющей одинаковый, захватывающій интересъ для читателей всѣхъ возрастовъ. Въ этой книгѣ быстро смѣняются блестящія картины и красивые драматическіе эпизоды, какъ напримѣръ: Освобожденіе изъ англійскаго плѣна Ситту дочери властительнаго раджи, на которой герой и женится впослѣдствіи. Описаніе блестящей побѣды маленькой арміи Коркорана надъ многочисленной Англійской арміей Кой—и пр. и пр. Отъ первой и до послѣдней страницы читатель не оторвется.

Бюгъ-Жаргаль, отважный предводитель негровъ. Повѣсть В. Гюго. Переводъ В. Д. Владимірова Съ 19 рисунками. Изд. В. И. Губинскаго. Спб., 179 стр., ц. 50 к.

Добрымъ дѣтямъ. Разсказы для младшаго возраста, съ раскрашенными рисунками. Соч. А. В. Круглова, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р. 25 к.

Веселое лѣто. Разсказы для дѣтей Г. Гейерштамъ, переводъ со шведскаго. Спб., съ рисунками, цѣна 50 к.

*) **Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузо.** Описанныя имъ самимъ соч. Даніеля Дефо. Новый полный переводъ В. Д. Владимірова, съ 200 рисунками. 3-е изданіе 1912 г. Спб., 418 стр., ц. 1 р.—Знаменитый авторъ сумѣлъ найти и указать въ жизни обыкновеннаго человѣка столько внутренней силы, что эта жизнь явилась матеріаломъ для разсказа, самаго разнообразнаго по содержанію и поучительности. И, дѣйствительно, замыселъ въ повѣсти въ высшей степени простъ, человѣка выбросило на необитаемый островъ и все тутъ. Также проста фабула, т. е. вся обстановка повѣсти; фантастическихъ приключеній и происшествій, запутанной интриги въ ней нѣтъ. Тутъ все просто въ высшей степени и, въ то же время, все поистинѣ удивительно, все поражаетъ своею жизненною правдою, рисуетъ исполненный величія образъ человѣка, заброшеннаго среди океана и дикой природы, въ борьбѣ за жизнь и свободу. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. уч. зав. и въ безпл. нар. биб. и чит.

Исторія Греческихъ героевъ, разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Великіе люди Греціи и Рима. Цари, Полководцы, Адмиралы и Государственные дѣятели. Соч. Гульда. Перев. М. Модель. Съ рисунками и портретами. Спб., ц. 1 р. 20 к., въ папкѣ. Въ этой книгѣ помѣщены характеристики грековъ: Солона, Аристида, Фемистокля, Кимона, Алкивіада, Пелопида, Діона, Демосѳена, Аннибала, Марцела, Александра Македонскаго. Римлянъ: Ромума, Кориланда, Марцела, Катона, Марія, Суллы, Граххи, Цезаря, Цицерона, Кая, Антонія, Брута, Тиверія, Красса, Камилла, Катона старш., Лукулла, Серторія, Помпея, а также жизнь спартанцевъ. Чтеніе книги знакомитъ съ блестящей эпохой Греціи и Рима. Съ 12 рисунками и 25 портретами.

Дѣтское чтеніе. Журналъ за 1890 г., въ годъ 12 книгъ съ рисунками, цѣна за годъ вм. 6 р.—по 1 р. 75 к. Масса разнообразнаго чтенія дѣлаетъ журналъ доступнымъ всякому образованію и пониманію.

Въ запертой комнатѣ. Соч. Ф. Бернетъ. Съ рисунками художницы Смисъ. Переводъ съ англійскаго Е. Д. Пеликанъ, ц. 15 к.

Развлеченіе и польза.

Разсказы.—Соч. Зои Щербачевой. Сифа Кирієнко. Галя, Вадимъ. Лѣто въ Крыму. Дика и его друзья. Пушинка. Болѣзнь Муси. Мачеха. Два друга. Франекъ. Дочь разбойника, съ рисунками въ папкѣ ц. 1 р. 35 к.

*) **Ноевъ Ковчегъ.** Повѣсть. Соч. Виконтессы де-Питранль, урожденной графини де-Сегюръ. Переводъ В. Карпинской, съ 23 рис. худож. Робиди, въ папкѣ, ц. 1 р. Любовь, великая самоотверженная любовь къ людямъ—вотъ истинный свѣтъ и смыслъ человѣческой жизни! Всѣ дѣйствующія лица повѣсти, каждый сообразно своимъ личнымъ свойствамъ и наклонностямъ, приходятъ къ сознанію, что истинное счастье человѣка заключается въ самоотверженной любви къ людямъ. Особенно ярко обрисована фигура маленькой Одили. Капризная, избалованная матерью дѣвочка, подъ вліяніемъ добраго, благороднаго брата и совѣтовъ окружающихъ, совершенно преобразуется и дѣлается Ангеломъ-Хранителемъ всей семьи.

*) Молодымъ нашимъ юношамъ дружескіе совѣты Соч. Миллера Ц. 10 к.

*) Молодымъ дѣвушкамъ дружескіе совѣты. Соч Миллера Ц. 10 к.

*) Колдунья. Э. Оржешко. Разсказъ Ц. 15 к.

Деревенскій адвонатъ. Разсказъ Э. Оржешко. Ц. 15 к.

*) **Скряга Скруджъ** Разсказъ Ч. Диккенса. Ц. 15 к.

*) **Михаилъ-простота** Разсказъ Б. Пруса. Ц. 10 к.

*) **Антекъ** (Антоша). Разсказъ Б. Пруса. Ц. 10 к. *) **Шарманщикъ** Разс. Б. Пруса. Ц. 7 к.

Юный гражданинъ, его права и обязанности.

Сочиненіе Арноль де Форстера. Съ рисунками. Спб., ц. 35 к. Задача этой книги обучить мальчиковъ и дѣвочекъ, занимающихся въ начальныхъ школахъ, правамъ, обязанностямъ и привилегіямъ британскихъ гражданъ. Въ простой и доступной формѣ въ ней приводятся свѣдѣнія о началахъ законодательнаго и административнаго устройства страны, объясняется значеніе и цѣнность главныхъ народныхъ вольностей и излагаются обязанности британскихъ гражданъ къ своей родинѣ, соотечественникамъ и себѣ самимъ.

Картины растительности.

Жизнь и нравы птицъ и животныхъ. Соч. Мазіуса. Перев. съ нѣмецкаго женщины-врача Е. Вургафтъ. Подъ редакціей Д. А. Коропчевскаго и Ф. Александрова. Спб. 1906 г. 360 стр. большого формата съ рисунками и въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*) **Борьба человѣка съ животными.** Профес. К. Экштейна. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. А. Френкеля. Съ 31 рисункомъ. 160 стр., ц. 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп въ уч. библ. ср. и низш. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Звѣздочка. Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными рисунками. Соч. Л. Шелгуновой, въ папкѣ. Спб., ц. 1 р.

*) **Міръ сказокъ.** Собраніе самыхъ знаменитыхъ и интересныхъ сказокъ для дѣтей средняго возраста Ю. Гофмана. Пер. Владимірова. Съ 50 рис. Спб., 1912 г., ц. 1 р. въ папкѣ. Оглавленіе: Снѣгурочка.—Лебедь подцѣпи.—Котъ въ сапогахъ.—Калифъ-аистъ.—Гансъ и Гретхенъ.—Вѣтка орѣшника.—Бременскіе музыканты.—Братецъ и сестрица.—Лѣсная фея.—Петруша плакса.—Умный портняжка.—Принцесса на горошинкѣ. Синяя борода.—Шапка невидимка.—Спящая красавица. Гансъ и Лиза. Длинноносый карликъ.—Лѣнивая и прилежная.—Гора-пряникъ.—Счастливый Гансъ.—Дуракъ.—Состязаніе зайца съ ежомъ.—Золушка.—Бѣлоснѣжка.—Путешествіе малыша.—Семь швабовъ-богатырей.—Прощальный пиръ.—Три брата.—Рыбакъ и его жена.—Пастухъ.—Столикъ, накройся.—Услужливая лиса.—Красная шапочка.—Принцъ самозванецъ.—Лѣсная фіалка.—Довѣріе и честность.—Разсказъ о маленькомъ уродѣ.—Мальчикъ съ пальчикъ.—Счастливая страна.—Рюбецаль.—Уч. Ком. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. всѣхъ учебн. зав., какъ средн., такъ и низшихъ.

Незабвенный годъ.
Разбитыя полчища.

Разсказъ о нашествіи 1812 г. Наполеона на Россію 18 рисунк. А. Зарина. Ц. 10 к.

Рядъ историческихъ разсказовъ и воспоминаній, участниковъ, очевидцевъ и русскихъ писателей въ послѣдовательномъ развитіи хода событій, отъ вторженія Наполеона съ двунадесятью языками и до изгнанія его изъ русскихъ предѣловъ. Съ многочисленными рисунками, изображающихъ сраженія и портретами славныхъ героевъ 1812 года, память коихъ дорога всякому русскому человѣку. Состав. В. Андреевъ. 87 рисун. Спб., ц. 65 коп. Кто изъ русскихъ людей не вспомнитъ о 1812 годѣ и ея бравыхъ герояхъ, сражавшихся при Смоленскѣ, Бородинѣ, Тарутинѣ, Маломъ Ярославлѣ, Красномъ, Березинѣ пребываніе французовъ въ Москвѣ, пожаръ Москвы, подвиги партизановъ и русскаго народа и пр. и пр.

1812 годъ.

Историческій очеркъ отъ начала объявленія войны гордымъ завоевателемъ Наполеономъ и до изгнанія его изъ Россіи. Съ многими рисунками, изображающими сраженія и портретами генераловъ-героевъ и др. дѣятелей знаменитаго 1812 г. Соч. **А. Я. Зарина**. Спб., ц. 40 к. Это былъ тяжелый годъ. Грозили цѣлости Россіи, замышляли уничтожить ее и подчинить иноземному игу. Въ Россію хлынули несмѣтныя полчища, неся съ собою пожары, убійства, разоренія. Гдѣ протекали волны враговъ, тамъ оставались однѣ развалины. Въ пепелъ былъ обращенъ Смоленскъ, огромнымъ костромъ запылала Москва, въ которую вторгся непріятель. Она сбросила съ себя ненавистныхъ напавшихъ на нее враговъ; поднявшись всей своей силой, разбили полчища Наполеона, и уничтожили его гордыню, народъ, поднявшійся на защиту своего Отечества. И царь, и генералы, и солдаты, и пахарь-мужикъ, и баринъ-помѣщикъ—всѣ слились въ одно цѣлое, непобѣдимо могучее, одушевленное любовью къ Россіи и ненавистью къ кичливому врагу. Слова Царя: „не положу оружія, доколѣ не единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“ стали общимъ кличемъ. И гнѣвъ народа, какъ ураганъ, разметалъ и снесъ прочь несмѣтную вражескую силу.

Незабвенный годъ.

12 разсказовъ о 1812 годѣ. Разсказы дѣдушки. Соч. **А. Е. Зарина**. Съ 125 рисунками и портретами. Спб., цѣна 75 к.

1. **Федька-Звонарь**. Побѣдное отступленіе Невѣровскаго отъ Краснаго 2 августа. 2. **Первый партизанъ**. Ермолай Васильевъ. 3. **Сашъ**. Наполеонъ въ сожженной Москвѣ. 4. **Предатель**. 5. **Гусаръ Марусинъ**. Битва при Тарутинѣ. 6. **Побѣгъ**. 7. **Шарикъ**. 8. **Маркитантка**. Отступленіе французовъ. Переправа черезъ р. Вопь. 9. **Набѣгъ**. 10. **Мусье Шампунь**. 11. **Кружевница Прасковья**. 12. **Съ коня на балъ**. въ папкѣ 90 к.

ылое на Руси.

Историческіе разсказы. Княгиня Ольга. Святославъ. Плачъ Ярославны. Евпатій Коловратъ. Шемякинъ судъ. Князь Сибирскій, Кулачный бой. Скоморохи. Кружало. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ. Боярская Дума. Вербное Воскресенье. Великъ день. Ближній боярина. Въ теремѣ царевны. Святки. Свадьба. Соч. **Черскаго** и **А. Зарина**. Съ 65 рисунками, снимки съ картинъ художниковъ: К. Маковскаго, Соломко, В. Васнецова, К. Венига, А. Рябушкина, Малышева, Шварца, А. Шарлемана, Чрикова и др. съ портретами. 288 стр., въ красивой папкѣ. Спб. 1912 г., ц. 1 р. 35 к.

Отдохнемъ и почитаемъ.

Разсказы для маленькихъ дѣтей, съ раскрашенными карт., соч. **С. Лаврентьевой**. Спб. Ц. 80 к.

*) Библейская исторія.

Сокращенно извлеченная изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта протоіереемъ І. Базаровымъ. Съ 119 карт. и 16 рисунками художн. Доре. Одобрена Ученымъ Комитетомъ Святѣйшаго Синода для начальн. народн. училищъ въ качествѣ учебнаго пособія по Священной Исторіи, а также для приготовительныхъ классовъ сред. учеб. зав. въ качествѣ учебнаго руководства. Удостоена медали гр. И. Д. Киселева. 33-е изд., ц. 1 р., въ папкѣ.

*) Охотничьи разсказы.

Собранные Полемъ Беромъ, для дѣтей средняго возраста, переводы О. М. Мижуевой, съ рисунками Т. Никитина, въ красивой папкѣ. Спб., ц. 1 р. 20 к.

*) *Калифорнскіе разсказы.*

Соч. **Бредъ-Гарта**. Перев. съ англійскаго, подъ редакціей С. Брилианта, большой томъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

*) **Нравственность семьи.** Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ. Сочиненіе, увѣнчанное французской академіей, и по распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія, назначенное въ награду ученикамъ какъ полезная книга. Соч. **Сталь.** Переводъ Н. Мазуренко. Съ 34 рисунками французскихъ художниковъ: Баара, Мари, Фрелиха, Бинетта, де-Вилорса и др., въ красивой папкѣ. Спб. 1905 г., 342 стр., ц. 1 р. 35 к. Въ этой книгѣ, отъ первой страницы до послѣдней, рѣчь идетъ въ живописныхъ и увлекательныхъ, иногда чрезвычайно поэтичныхъ разсказахъ и поученіяхъ (напримѣръ: исторіи маленькаго пастуха и стараго капрала), только и исключительно о хорошихъ и дурныхъ чертахъ характера дѣтей, о средствахъ и способахъ вліянія на дѣтей, а также исправленія и улучшенія ихъ характера. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ безплатн. нар. чит. и библ.

Бесѣды о природѣ. Книга для чтенія въ селахъ и деревняхъ, въ которой разсказывается о землѣ, солнцѣ, звѣздахъ, растеніяхъ и животныхъ. Составилъ **Н. Зобовъ.** Съ 40 рис. Удостоена комитетомъ грамотности 2-й преміи, министерства гос. имущ. золотой медали и рекомен. по вѣдом. учрежд. Императрицы Маріи. Ц. 50 к.

Отовсюду. Пересказы и переводы **Н. А. Борисова,** съ 10-ю большими и многими мал. рисунками художн. барона Клодта и Максимова, въ красивой обложкѣ. Ц. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. старш. возр., библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

Играйте и читайте!.. Книга для малыхъ дѣтокъ, соч. М. Л. Песковскаго, съ 12-ю рисунками, въ папкѣ. Спб. Ц. 20 к.

Умнымъ дѣткамъ. Сборникъ поздравительныхъ стихотвореній на круглый годъ. Состав. Дядя Миша. Съ раскрашенными рисунками. Цѣна 40 к.

„Приключеніе Яси". Э. Оржешко, переводъ Ф. Домбровскаго. Спб., ц. 20 к., съ рисунками. Въ небольшой, изящно изданной книжкѣ, талантливый авторъ разсказываетъ очень интересную исторію мальчика, какъ онъ, потерявшись отъ няни, въ темнотѣ ночи встрѣчалъ праздникъ Рождества Христова, попавъ на время въ бѣдное семейство горшечника. Разсказъ очень занимателенъ и легокъ для понятія дѣтей.

Въ часы отдыха. Разсказы для дѣтей въ прозѣ и стихахъ. **А. В. Круглова.** Спб. Кругловъ, какъ дѣтскій писатель, достаточно извѣстенъ. Въ красивой папкѣ. Ц. 1 р.

Первая молитва Джессеки. Переводъ съ англійскаго А. Михайловой, съ рисунками барона Клодта. Ц. 50 к.

Вакса и скрипка, разсказъ А. Н. Ульянова, съ рисунками Максимова. Цѣна 50 к.

Наши проказники, разсказы С. С. Кашпиревой, съ 20-ю рисунками Никитина (крупный шрифтъ), ц. 50 к.

*) **Дѣтство и юность великихъ людей.** (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Соч. Л. Колэ. Съ 50 рис., пер. съ 12-го франц. изд., 2-е изд. С. Майковой. Спб., ц. 1 р. Семейныя условія, какъ вообще и вся домашняя обстановка, при какихъ росъ и развивался тотъ или другой изъ знаменитыхъ людей, постоянно возбуждаютъ въ насъ болѣе или менѣе сильное любопытство; насъ невольно интересуетъ характеръ, привычки, взгляды и понятія какъ отца, такъ и матери будущаго великаго человѣка, намъ пріятно знать, въ какой именно средѣ протекли годы его дѣтства, отрочества и первой юности, пріятно видѣть его то баловнемъ какой-либо старшей сестры, то любимцемъ брата, и сами мы, съ своей стороны, невольно удѣляемъ частичку нашего сочувствія и восхищенія родителямъ, окружавшимъ его своими нѣжными заботами, любовью и ласками. Внес. въ первое доп. къ опыту кат. ученич. библ. сред. учеб. заведеній вѣд. М. Н. П.

Народовѣдѣніе. Гиберландта, приватъ-доцента въ Вѣнѣ. Перев. Гренсбурга. Спб., 1908 г. Съ 150 рис. Ц. 60 коп.

Исторія одной собачки. Соч. М. Твэна переводъ Чистяковой—Спб. ц. 5 к.

Чудная дѣвушка. разсказъ Бернетъ перев. Чистяковой съ рисун. ц. 10 к.

Незабвенный годъ 1812. Разсказъ. А. Зарина съ 18 рисун. и портретами ц. 10 к.

Историческія сочиненія ФУРМАНА.

*) **Саардамскій плотникъ.** Историческая повѣсть. Съ портретомъ ц. 25 к.

*) **Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ.** Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ съ портретомъ, ц. 40 коп.

*) **Александръ Даниловичъ Меньшиковъ.** Историческій романъ въ 3-хъ частяхъ. Съ портр. Ц. 40 коп. Счастіе и заслуги.—Честолюбіе и корыстолюбіе.—Несчастіе и искушенія.

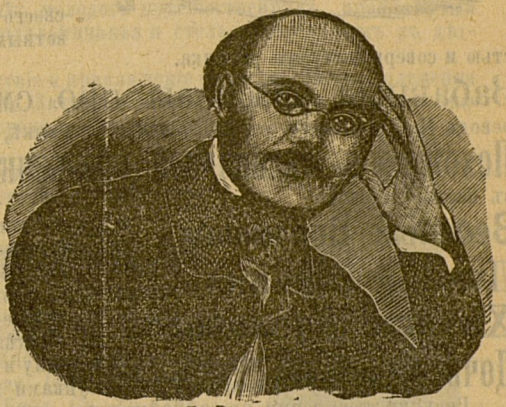
*) **Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Съ портретомъ, ц. 40 коп.

*) **Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій.** Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Съ портретомъ. Ц. 40 коп. Суворовъ на войнѣ.—Катехизисъ Суворова.—Кинбурнъ.—Овчаровъ.—Фокшаны.—Рымникъ.—Взятіе Измаила.—Кукарику.—Побѣда въ Польшѣ.—Прага Варшава.—Донесеніе и отвѣтъ.—Фельдмаршалъ.—Горестное событіе.—Спаситель царей.—Въ Италіи.—Въ Швейцаріи.—Тайное совѣщаніе.—Слава, Слава, Слава. Заключеніе.

*) **БЛИЖНІЙ БОЯРИНЪ АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МАТВѢЕВЪ.** Истор. повѣсть для дѣтей въ 2-хъ частяхъ, съ портретомъ, ц. 40 коп.

*) **Наталья Борисовна Долгорукова.** Историческая повѣсть въ 3-хъ час., съ портр. Ц. 60 к.

*) **Сынъ рыбака Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ.** Повѣсть съ портрет. Ломоносова. Ц. 15 к. Домъ родительскій.—Сѣверное сіяніе.—Москва. — Училище.—За границей. — Солдатъ.—Слава.



П. Р. Фурманъ.

Извѣстный критикъ Ф. Толль въ своей книгѣ: „Наша дѣтская литература". Опытъ библіографіи отечественной дѣтской литературы преимущественно въ воспитательномъ отношеніи на стр. 150 и 153 сказалъ: Сочиненія Фурмана прочтутся съ большою пользою и удовольствіемъ, смѣло рекомендуемъ ихъ нашимъ читателямъ, какъ весьма полезное чтеніе для ихъ дѣтей и питомцевъ.

*) **Юные герои** (гарибальдійцы). Соч. Эдмонда де-Амичиса. 60 стр., 4 рисун. ц. 35 коп., въ папкѣ. Въ великой борьбѣ за освобожденіе и объединеніе Италіи ярче всѣхъ выдѣляется величавый образъ Джузеппе Гарибальди. Подъ его знамена, на его призывъ, стекались сотни тысячъ людей, не только мужчинъ, но и дѣтей. Въ предлагаемыхъ разсказахъ недавно скончавшійся знаменитый итальянскій писатель, авторъ любимой дѣтской книги „Дневникъ школьника", съ присущимъ ему талантомъ, ярко и увлекательно описываетъ подвиги дѣтей, юныхъ героевъ, жертвовавшихъ жизнью за славу и величіе своей родины.

Приключеніе знаменитаго сыщика Шерлока Холмса.

5 томовъ, 180 рисунковъ, 1400 стр. Соч. Конанъ-Дойля. Жизнь и дѣятельность Холмса, этого замѣчательнаго сыщика, описаны Конанъ-Дойлемъ. Увлекательное и безусловно правдивое содержаніе, на ряду съ безукоризненнымъ изложеніемъ, все это давало право разсчитывать на вниманіе даже серьезнаго читателя. Неудивительно, поэтому, что произведенія талантливаго англійскаго писателя посвящены описанію жизни и дѣятельности этой исключительной натуры. Спб., цѣна за 5 томовъ 4 р. Т. 1, 2 и 3 Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **За хлѣбомъ.** Разсказъ Г. Сенкевича Ц. 15 к.*) **За друга.** Разсказъ С. Лебеды Ц. 5 к. *) **Молодецъ-конь.** Разсказъ С. Лебеды. Ц. 5 коп.

Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч Дж. Мансеръ. Переводъ съ англійскаго М. И. Ловцовой съ рис. англійскаго художника Маргенсона, въ красивой папкѣ, цѣна 1 р. Предлагаемая юнымъ читательницамъ повѣсть дастъ занимательное и полезное чтеніе изъ англійскаго домашняго быта. Рано лишившись матери, тремъ сестрамъ приходится взять на себя всѣ хлопоты по хозяйству, воспитаніе младшей сестры и пр. Молодыя дѣвушки подчасъ тяготятся однообразною уединенною жизнью, но бодро приноравливаются къ обстоятельствамъ и, сохранивъ свою юную жизнерадостность, пріобрѣтаютъ незамѣтно силу воли и самостоятельность. Книга читается легко и съ большимъ интересомъ.

*) **Донъ-Кихотъ Ламанчскій.** Изданіе подъ ред. М. Б. Чистякова. 4-е изданіе. Съ 100 рисун. 1904 г. Ц. 1 руб. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. доп. въ учен. средн. возр. библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. библ. и чит.

Печатается серія юмористическихъ сочиненій съ рисунками знаменитаго нѣмецкаго художника-рисовальщика Вильгельма Буша для дѣтей. Геніальный германскій каррикатуристъ, В. Бушъ, въ этой серіи достигъ вершины своего творчества. Приключенія людей и животныхъ очерчены имъ съ безподобною веселостью и совершенствомъ рисунка.

Забавные разсказы про смѣлыя проказы. Стихотвор. текстъ переводъ Н. Ратомскаго, съ 281 рисун., въ папкѣ, 142 стр., ц. 60 к.

Похожденія шаловливой обезьянки и другіе разсказы. Съ 200 рисун. В. Буша. Стихотвор. Ратомскаго, въ папкѣ, ц. 60 к.

Веселый Вороненокъ и другіе юмористическіе разсказы въ стихахъ съ 204 рисунками въ папкѣ, ц. 60 к.

Два проказника и другіе разсказы съ 215 рисун. В. Буша. Стихи Н. Ратомскаго, въ папкѣ, ц. 60 к.

Хитрый пчеловодъ. и другіе разсказы съ 225 рисунками В. Буша въ папкѣ. Ц. 60 к.

Дочь мельника подарокъ въ складчину и другіе разсказы. Стихотв. перев. Ратомскаго, съ 200 рисунками въ папкѣ, ц. 60 к.

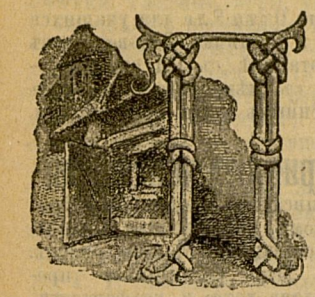
Рисунки этого сочин. чрезвычайно типичны, полны жизни и движенія. Неподражаемый юморъ Буша усиливаетъ впечатлѣніе, веселость автора и его жизнерадостное дарованіе бьютъ черезъ край. Величайшій юмористическій рисовальщикъ Вильгельмъ Бушъ „все видѣлъ, все понималъ и умѣлъ схватывать всякій оттѣнокъ комизма въ движеніяхъ, всякую особенность въ людскихъ лицахъ“. Въ произведеніяхъ его „бьетъ неистощимый волшебный родникъ веселья“. „Для настоящихъ цѣнителей ясно, что рисунки Буша — сама жизнь, освобожденная отъ безразличныхъ и ненужныхъ подробностей, и представленная въ большихъ характерныхъ линіяхъ. Для такого упрощенія требуется огромное знаніе и чрезвычайно тонкая наблюдательность. Отзывъ Р. Мутера о Бушѣ. (Исторія Живописи въ XX вѣкѣ) во всѣхъ 6 книгахъ помѣщено 1300—рисунковъ.

*) **По великой русской рѣкѣ.** Очерки картины Поволжья А. П. Валуевой (Мунтъ) съ многочисленными рисунками художника Т. Никитина Спб., 1912 г. 3-е изд. ц. 1 р. 35 к. Вн. въ нер. дон. къ оп. кат. уч. библ. ср. уч. зав. вѣд. М. Н. П.

*) **Черкесъ.** Соч. Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ иллюстраціями. Спб. 1901 г. 31 стр., цѣна 30 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ безпл. нар. чит. и библ. и въ учен. библ. средн, для млад. возр. и низ. учебн. завед. Минист.

Приключенія маленькаго графа. Уида—съ рисунками Штейна. Ц. 30 коп. Разсказъ симпатиченъ, найдетъ много хорошихъ чертъ въ характерѣ героя. Дѣти младшаго возраста прочтутъ эту книгу съ удовольствіемъ и пользой.

*) **Юность знаменитыхъ людей.** Соч. Е. Мюллеръ. Переводъ съ франц., 2-е изд., В. Владимірова. Съ 39 портретами и рисунками, ц. 1 руб. Бесѣды талантливаго дѣтскаго писателя Евг. Мюллера о юности великихъ людей даютъ интересную и полезную книжку. Въ книгѣ помѣщены примѣры изъ жизни замѣчательныхъ людей, полководцевъ, историковъ, философовъ, математиковъ, астрономовъ, музыкантовъ, художниковъ, писателей, каковы: полководцы: Наполеонъ I, Александръ Македонскій, Карлъ XII, Тюреннъ, Баярдъ. Историки: Плутархъ, Геродотъ, Гиббонъ. Художники: Рубенсъ, Микель-Анджело. Писатели: Торквато-Тасса, Аріосто, Кальдеронъ, Сервантесъ, Мильтонъ, Мольеръ, Беранже, Бальзакъ, Лопе-де-Вега. Математики: Галилей. Философы: Даламберъ, Паскаль. Музыканты: Моцартъ, Бетховенъ, Керубини, Мендельсонъ, Паганини, Мейерберъ и пр. и пр.; въ папкѣ. Вн. въ первое доп. къ опыту кат. уч. библіот. сред. учеб. зав. вѣд. М. Н. П.



риключенія молодого натуралиста *) Соч. Біара. Перев. съ 15 изданія С. Бриліанта, съ 130 рисунками, въ папкѣ, 400 страниц. Ц. 1 р. 35 коп. Одна изъ любимѣйшихъ книгъ русскаго юношества—и по заслугамъ. Талантливо, мѣстами прямо художественно, написанная книга Л. Біара не только даетъ рядъ свѣдѣній о природѣ, флорѣ и фаунѣ Мексики, но и живой разсказъ о приключеніяхъ молодого путешественника, проникнутый и гуманнымъ чувствомъ, безъ сладкаго миндальничанья и столь необходимымъ въ дѣтскихъ книгахъ героизмомъ.

*) **Царь степей.** Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени Сочиненіе Люсьвена Біара, съ рисунками художник Ликсъ. Переводъ Н. Н. Мазуренко. С.-Петербургъ, въ папкѣ, ц. 1 руб.

Вообще эта книга богата образнымъ, живымъ описаніемъ природы Мексики, нравовъ и обычаевъ ея жителей, а также географическими данными.

*) **Маленькія школьницы пяти частей свѣта.** Маленькая Гречанка, Дафне.—Маленькая Гаваитянка, Емма.—Маленькая Черногорка, Даринька.—Маленькая Негритянка, Лоли.—Маленькая Японка, Изами.—Маленькая Мексиканка, Жуана.—Маленькая Индуска, Сита. Соч. Эл. Бертэ. Переводъ Н. Мазуренко. Съ 65 рис. Спб., 256 стр., ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ Библ. Ср. Уч. Зав.

*) **Породы собакъ.** Охотничьи, сторожевыя и комнатныя. Популярное описаніе всѣхъ породъ собакъ; полный домашній лѣчебникъ собакъ. Соч. Крихлера, перев. съ нѣмецкаго Вольфсона. 47 рис., 3-е изданіе. Спб. Ц 1 р. Понтеръ. Сетеръ. Эспаньелы. Ретриверъ. Такса. Фокстерьеръ: англійская, русская. Шотландская оленья собака. Волкодавъ. Нѣмецкій догъ, Датскій догъ. Англійскій мастиффъ. Сенъ-Бернардъ. Ньюфаундленскія собаки (водолазъ). Бульдогъ. Испанскій мистикъ. Овчарка. Шпицы. Эскимосска собака. Пудель. Пинчеръ. Терьеры. Мопсъ Левретка. Карликовыя эспандолы. Мальтійская собачка. Шиннеркъ. Японскій хинъ. Болонка. Голыя собаки. Выращиванье собакъ. Дрессировка собакъ. Охота съ гончими. Объ умѣ собакъ. Полный лечебникъ собакъ. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. допущена въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **О воспитаніи умственномъ и нравственномъ.** В. Г. Бѣлинскаго. Сост. А. Н. Сальниковъ. Спб. 158 стр. Цѣна 50 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ фундаментальныя библіотеки средн. учебн. завед. Министер.

Гибель Іерусалима. Историческая повѣсть временъ римскихъ императоровъ: Веспасіана и Тита. Сочиненіе Генти. Переводъ М. И. Ловцовой. Съ рисунками англійскихъ художниковъ. С.-Петербургъ. Ц. 1 р. 25 к. Г. Іерусалимъ—священный городъ іудейскаго народа, былъ основанъ въ глубокой древности царемъ Давидомъ. Сынъ его, царь Соломонъ, воздвигъ въ немъ въ 1012 г. до Р. Х. знаменитый Храмъ на Сіонскихъ высотахъ. Храмъ этотъ. по свидѣтельству древнихъ писателей „превосходилъ великолѣпіемъ всѣ другія человѣческія сооруженія".

*) **Жизнь птицъ.** Для домашняго семейнаго чтенія. Соч. **А. Е. Брема**, перев. И. Страхова. Роскошное изданіе съ 24 картинами и хромотипическими таблицами, выполненными за границею, яицъ и разныхъ породъ птицъ. Спб. 1866 г. Ц. 2 р. (Большой томъ).

Почему и потому. По системѣ Отто Уле для учащихся въ семьѣ и школѣ. Зоологія и Ботаника. 800 вопросовъ и отвѣтовъ по зоологіи и ботаникѣ съ 111 рисун. составилъ **Р. Гротріанъ**. Перев. съ нѣмецкаго. Изд. подъ редакціей кандидата естественныхъ наукъ Л. Френкеля. Спб., 1904 г. Ц. 65 к.

Необыкновенныя приключенія китайскаго вельможи. Написанная Магомъ Алькофрибасомъ, переведенная съ Согдіанскаго языка Альфредомъ Ассоланомъ съ 100 рисунк. художника Ванъ-Даржана. Переводъ. Спб.., цѣна 1 р. Это талантливое произведеніе извѣстнаго французскаго писателя Альфреда Ассолана хотя и на фантастической подкладкѣ, но ярко и картинно изображаетъ жизнь дѣйствительную, а иногда полно глубокаго юмора, Герой разсказа Петруша, благодаря наставленіямъ и совѣтамъсвоейкрестной матери Феи Авроры становится великодушнѣйшимъ и честнѣйшимъ, человѣкомъ, спасающимъ отъ грозныхъ и многочисленныхъ враговъ цѣлое государство. Онъ всегда является защитникомъ слабыхъ и угнетенныхъ и всегда на сторонѣ правды и справедливости.

Послѣ замѣчательныхъ подвиговъ отваги, силы и изумительной находчивости, въ въ силу клеветы, злословія и придворныхъ интригъ, его удаляютъ отъ двора китайскаго богдыхана, но когда снова на границѣ государства появилась армія монголовъ, государь призываетъ Петрушу и чуть не со слезами упрашиваетъ его выступить защитникомъ его престола и государства. Петруша такъ великодушенъ, что, забывая всѣ оскорбленія, летитъ къ границѣ и прогоняетъ полчища враговъ.

*) **Собиратель бабочекъ.** Сост. Александръ Бау. Пер. подъ редакціей Л. Френкеля, съ 98 рисунками, 130 стр. Спб., ц. 40 к.

*) **Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географическія, историческія и бытовыя картины древняго Египта въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра **Карла Оппеля**. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Страхова, исправленный и дополненный по 4-му изданію подъ редакціею А. А. Быкова. Съ 182 рисунками, помѣщенными въ текстѣ. Спб., 1912 г., 4-е изд., ц. 1 р. 75 к.

Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, съ добавленіемъ Н. Faye (Файе), члена парижской академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій—Корквуда, Троубриджа, Ньюкомба, Ч. Х. Дарвина, а также критика теоріи Н. Faye изъ соч. Космогоническія гипотезы К. Вольфа, члена парижской академіи, астронома обсерваторіи. 3-е изданіе. Спб., 1905 г., ц. 1 р. 25 к,

*) **Пять чувствъ человѣка.** Соч. д-ра **І. К. Крейбаха**. Общедост. лекціи. Съ 30 рисунками. Перев. съ нѣмецк. подъ редакц. д-ра І. А. Шапиро. Спб., 1913 г. 148 стр. Ц. 45 к. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. старш. возр. библ. средн. учебн. завед.

*) **Новогородскій князь Всеволодъ**. Историч. разсказъ **Л. Шелгуновой**. Съ рисунк. Ц. 10 к.

*) **Сердобольная**. Разск. временъ Іоанна Грознаго **Л. Шелгуновой**. Ц. 10 к.

*) **Ермакъ** Историч. разск. **Л. Шелгуновой**, съ рис. Ц. 15 к.

*) **Татарское иго.** Историч. разсказъ временъ нашествія на Россію Батыя. Соч. **Л. Шелгуновой**. Съ рисунк. Ц. 10 к.

*) **Княгиня Ольга. Князь Святославъ**. Два разсказа **Л. Черскаго.** Съ рис. Ц. 10 к.

*) **Плачъ Ярославны Евпатій Коловратъ**. Два историч. разск. **Л. Черскаго.** Съ рис. Ц. 10 к.

Князь Сибирскій Кулачный бой. Два историч. разсказа временъ Іоанна Грознаго. Соч. **Л. Черскаго.** Съ рисунками. Ц. 10 к.

*) **Скоморохи. Кружало**. Два разсказа. Соч. **Л. Черскаго.** Съ рисунками. Ц. 10 к.

Шемякинъ Судъ. Разсказъ **Л. Черскаго.** Съ рисунками. Ц. 5 к.

*) **Богомъ данный** (Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ).—**Боярская дума.** Два историческихъ разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

*) **Скоморохи.** Музыка, пѣсни, пляска.—**Кружало.** (Царевъ кабакъ). Два разсказа изъ былого и давно прошедшаго на Руси Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

Святки. Ряженые, игры, угощеніе.—**Суженый.** Русская свадьба. Два историч. разсказа А. Зарина. Съ рисунками, ц. 15 к.

*) **Въ теремѣ царицы.—Ближайшій бояринъ.** Два историческихъ разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 15 к.

*) **Шествіе на осляти.** Вербное воскресеніе въ патріаршее время.—**Великъ день** (Свѣтлое Христово Воскресеніе). Два историческихъ разсказа временъ царя Алексѣя Михайловича Л. Черскаго. Съ рисунками, цѣна 15 к.

*) **Маленькіе работники.** Историч. разсказъ для дѣтей Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художниковъ Захарова и Максимова, цѣна 15 к.

*) **Великая сила.** Картины изъ жизни Святого Іоанна Милостиваго. Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Н. Захарова, цѣна 15 к.

*) **Екатерина Великая на Волгѣ и Что крѣпче?** Два историч. разсказа для дѣтей Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Захарова, цѣна 15 к.

*) **Заепалъ! и Попугай.** Два историч. разсказа для дѣтей Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками художника Захарова, цѣна 15 к.

*) **Царевъ Варганистъ и Паракита.** 2 историческихъ разсказа Г. Т. Сѣверцева-Полилова. Съ рисунками, цѣна 15 к.

О чемъ говорятъ цвѣты. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рисунками, ц. 5 к.

Красный молотокъ. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рисунками, ц. 5 к.

Говорящій дубъ. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рисунками, ц. 15 к.

Крылья мужества. Сказка Жоржъ-Зандъ, съ рисунками, ц. 25 к.

*) **Любимый богатырь** Русскаго народа Илья Муромецъ І. Пенигова, изд. 2-е, ц. 10 к.

*) **Какъ воевалъ** Петръ Великій со Шведами І. Пенигова.

*) **Царь работникъ** и учитель Петръ І. І. Пенигова, изд. 3-е, ц. 10 к.

Народныя сказки и пѣсни о Новгородѣ Великомъ І. Пенигова, изд. 2-е, съ рисунк. Спб. 1900 г., ц. 15 к.

*) **Народныя сказки** и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ І. Пенигова, съ рисунками. Спб. 1898 г., цѣна 20 коп.

Славное Севастопольское сидѣніе. Чтеніе для войскъ и народа Арсеньева. Спб. 51 стр., цѣна 10 к.

Сочиненія С. Смайльса.

*) **Умъ и энергія.** I томъ. „Жизнь и Трудъ“ 3-е Изданіе 1912 г. Переводъ подъ редакціею Д. А. Коропчевскаго. Характеристика изъ жизни великихъ людей. Ц. 1 р. Допущ. въ уч. библ. средн. учебн. завед. Мин. Нар. Просв.

*) **Характеръ.** III томъ. Образованіе. Перев. С. Майковой, 9-е изданіе, 363 стр. Ц. 80 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. средн. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит.

*) **Саморазвитіе.** II томъ. Умственное, нравственное и практическое съ дополнительною статьею „Русскія дѣятели (Самодѣятельность)“. Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Спб. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. редн. учебн. завед.

*) **Вѣчный труженикъ.** IV томъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда, 4-е изданіе. Съ рисунками. Спб. Ц. 90 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. нар. чит.

*) **Долгъ.** V томъ. Нравственныя обязанности человѣка. Перев. С. Майковой. Спб. 3-е изданіе. 368 стр. Цѣна 1 р. 25 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. въ уч. библ. ср. уч. зав., а также въ безпл. нар. чит.

*) **Бережливость.** VI томъ. Переводъ Сысоевой. 3-е изданіе. Спб. Ц. 90 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. средн. учебн. зав., а также въ безпл. нар. чит.

*) **Путешествіе мальчика вокругъ свѣта.** VII томъ. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго Спб. 2-е изданіе. Ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. средн. учебн зав. и въ безпл. нар. чит.

*) **Біографіи промышленныхъ дѣятелей.** VIII томъ. Переводъ съ англійскаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1903 г. Ц. 1 р. Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ уч. библ. учебн. зав., а также въ безпл. нар. чит.

*) **„Божественная Комедія“ Соч. Данте-Алегіери**

*) **Адъ.** Томъ I. Переводъ **В. В. Чуйко**, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французск. художниковъ и съ портретомъ автора. Спб. 1912 г. 2 изд., ц. 1 р.

*) **Чистилище.** Томъ II. Перев. **В. В. Чуйко**, съ 75 рисунками, цѣна 1 р. 25 к.

*) **Рай.** Томъ III. **В. В. Чуйко**, съ 74 рисунками, ц. 1 р. 25 к. „Божественная Комедія“ извѣстна всякому образованному читателю. Она отличается такими поразительными красотами истинной поэзіи, такою глубиною содержанія, что никогда не потеряетъ своего значенія и всегда будетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду величайшихъ литературныхъ произведеній всѣхъ временъ и народовъ.

*) **Дочь Египетскаго царя.** Историческій романъ **Георга Эберса**. Переводъ Вольфсона. Спб., 1906 г., 442 стр., ц. 1 р. 50 к. „Дочь египетскаго царя“ первый историческій романъ Эберса и лучшій изъ всѣхъ имъ написанныхъ. Онъ появился въ печати въ 1860 г. По богатству содержанія, по обилію историческихъ подробностей, по яркости красокъ и, наконецъ, по художественности языка. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. ср. воз., библ. сред. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Невѣста Нила.** Историч. романъ **Георга Эберса**. Перев. съ нѣмецкаго Н. Н. Мазуренко. Спб. 1905 г. 430 стр., цѣна 1 р. 35 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. и учеб. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Уарда.** Историческій романъ. 500 стр. 2 изд. Цѣна 1 р. 50 к.

*) **Императоръ.** Истор. романъ временъ римскаго императора Адріана. **Георга Эберса**. Спб. 2-ое изд., цѣна 1 р. Внес. въ кат. книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр., для безпл. нар. чит.

*) **Мелисса.** Тернистымъ путемъ. Историческій романъ **Георга Эберса**. Полный переводъ (большой томъ). Спб. 1907 г., цѣна 1 р. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. сред. и стар. воз., библ. сред. учебн. зав. и въ безпл. нар. чит. и библ.

*) **Сераписъ.** Истор. ром. **Георга Эберса**. Пер. съ нѣм. Спб. 3-е изд. 276 стр., цѣна 75 к. Внес. въ кат. книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Просв. для безпл. нар. чит.

*) **Человѣкъ есмь.** Историч. романъ **Георга Эберса**. Переводъ съ нѣмецкаго В. Мазуренко. Спб. 1903 г. 280 стр., цѣна 90 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. учебн. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Квинтинъ Дорвартъ.** Историческій романъ временъ Людовика XI. Соч. **Вальтеръ-Скотта**. Въ этомъ романѣ описана картина раздоровъ Людовика XI съ Карломъ Бургундскимъ, сплетеніе тайныхъ интригъ, безчисленное множество различныхъ похожденій. Спб. 1902 г., ц. 1 р. 50 к. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. библ. учеб. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

Айвенго *). (Ivanhoe), историческій романъ **Вальтеръ-Скотта**. Переводъ съ англійскаго В. Владимірова. Второе изданіе. Спб., 1898 г., 362 стр., ц. 1 р. Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. доп. въ уч. сред. и стар. зав., библ. средн. уч. зав. и въ безпл. нар. библ. и чит.

*) **Пертская красавица.** Историческій романъ **Вальтеръ-Скотта**. Спб., 1894 г., съ рисунками (большой томъ), 536 стр., цѣна 2 р. Внес. въ кат. книгъ, изд. по расп. Мин. Нар. Пр. для безпл. нар. чит.

*) **Карлъ Смѣлый** Историческій романъ. Соч. **Вальтеръ-Скотта**. Съ рисунками, Спб., Цѣна 1 р. 25 к. Описывая событія второй половины XV в., относящіяся къ той эпохѣ, когда рыцарство блистало уже послѣдними лучами своего величія, которому по выраженію автора, „суждено было скоро окончательно угаснуть“,—романъ этотъ вызываетъ большой интересъ и можетъ служить прекрасимымъ подаркомъ къ праздникамъ въ любой семьѣ. (Отзывъ „Новаго Времени“).

типо-лит. спб.-тюрьмы.

Изданіе В. И. ГУБИНСКАГО въ С.-Петербургѣ.

Лара Безсонова. Повѣсть соч. Л. Чарской, съ рисунками художника М. Андреева; въ красивой папкѣ. Спб. 1911 г. ц. 1 р. 35 к.

Пріютки. Сочиненіе **Л. Чарской.** Въ этомъ новомъ произведеніи, талантливая писательница рисуетъ жизнь, мало извѣстную нашей публики, жизнь нашихъ пріютовъ—ихъ питомцевъ-пріютокъ, съ жизнью которыхъ слѣдуетъ познакомиться русскому обществу. Съ рисунками; въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Сказки. Соч. Фр. Гофмана, въ пересказѣ. **Л. Чарской.** Съ рисунками художника Я. Сизова. Спб. 239 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Дѣдушка и внучка. Пов. **Л. Мидъ.** Перев. съ англ. Е. Чистяковой-Вэръ. Съ рисунк. худож. Шлипера. Спб., 236 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

Студентки. Повѣсть. Соч. **Л. Мидъ.** Переводъ съ англійскаго М. Лялиной. Съ рисунк. художника Г. Ледгау, въ папкѣ. Спб., ц. 1 руб.

Былое на Руси. Рядъ историческихъ разсказовъ: Ольга, Святославъ, Плачъ Ярославны, Ермакъ, Кружало, Кулачный бой, Скоморохи, Святки, Свадьбы, На осляти, Великъ день. Суженый, Въ теремѣ царицы и пр. и пр. Со многими рисунк. Соч. Черскаго. Ц. 1 р. 20 к.

***Маленькій человѣкъ.** Романъ для юношества. **А. Додэ.** Перев. съ франц. съ 65 рисунк., 292 стр.; въ папкѣ, Ц. 1 р.

***Чудеса древней страны пирамидъ.** Путешествіе за три тысячи лѣтъ. Географ., историческія и бытовыя картины древняго Египта, въ періодъ его процвѣтанія и упадка. Соч. д-ра К. Оппеля, перев. Страхова. Съ 182 рис. 4-е изд., ц. 1 р. 75 к.

***На необитаемомъ островѣ.** Приключеніе 4-хъ дѣтей, унесенныхъ бурею въ море. Соч. Мидъ, съ англійскаго М. Ловцовой, съ рис., 268 стр., въ папкѣ, ц. 1 р.

***Семь дѣвицъ.** Картинки домашняго воспитанія. Соч. Л. Мидъ, переводъ М. Ловцовой, съ рисунк., 237 стр.; въ папкѣ ц. 1 р.

***Дѣвичій мірокъ.** Исторія школьнаго ученія. Соч. Л. Мидъ, переводъ съ англійскаго М. А. Лялиной, съ рисунк., 230 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

***Нравственность семьи.** Въ разсказахъ, сказкахъ, практическихъ наставленіяхъ и жизненныхъ правилахъ, сочиненіе Сталь, увѣнчанное французской академіей. Съ рисунк., 342 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Рука Провидѣнія. Соч. Ж. Сандо, перев. Е. Давыдовой. 256 стр., съ рис. художн. Баяра и друг.; въ папкѣ, ц. 1 р.

Приключеніе Финна. Соч. Марка Твэна, переводъ Н. Мазуренко, съ 151 рис., 299 стр. съ хромо-литогр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Приключеніе Тома. Соч. Марка Твэна, перев. Н. Мазуренко, съ 70 рис., большой томъ, въ красивой папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Кругосвѣтное путешествіе. Соч. Марка Твэна, 461 стр. съ рисунк., художн. Зубрилова; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

***Жизнь на Миссисипи.** Очерки и картинки, соч. Марка Твэна, перев. Федоровой съ 100 рис., 296 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

Принцъ и нищій. Приключенія Тома на воздушномъ шарѣ. Марка Твэна, съ 100 рис. 264 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

*Волшебныя сказки. Соч. Ж. Перро, съ добавл., сказки г-жи Лепренсъ-де-Бомонъ. Перев. съ франц. В. Владимірова, съ 63 рис.; 2-е изд. въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

Разсказы бабушки всезнаюшки. Соч. Ант. Бѣлозоръ, съ рисунк. художн. Чикина, 299 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Были и былинки. Ант. Бѣлозоръ. Сборникъ разсказовъ для дѣтей, съ рисунками художн. А. Чикина, 275 стр.; въ папкѣ, цѣна 1 руб.

*Избранныя сказки для дѣтей Вильг. Гауфа. Перев. Федоровой, съ рисунками, 240 стр. въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Маленькій разнощикъ. (Продавецъ спичекъ). Соч. Женневрэ. Произведеніе, увѣнчанное франц. академ. Полн. перев. съ послѣдн франц. изд., Е. Д. Давыдовой, съ 25 рис., 250 стр.; въ красивой папкѣ, ц. 1 р.

*Царь степей. Путешествіе и приключеніе среди индѣйскаго племени. Соч. Л. Біара, съ 33 рис. художн. Ликсъ, въ папкѣ, 221 стр., ц. 1 руб.

Морскія приключенія. Крушеніе и гибель судовъ.—Нападеніе пиратовъ, битва съ ними, торговля черными невольниками,—смѣняются разсказами о подвигахъ судовыхъ командъ, вѣрныхъ своему долгу. Книга прочтется съ большимъ интересомъ. соч. Чистяковой. Съ множествомъ рисунковъ; въ красивой папкѣ.

Приключеніе мартышки, воробья да мышки. Юмористическіе разсказы соч. Будекъ. Перев. Л. Черскаго. Съ 80 рисунками; въ папкѣ, ц. 50 к.

Чтеніе—лучшее ученіе. Сборникъ разсказовъ, составленный по Американскимъ и Англійскимъ дѣтскимъ писателямъ Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 80 рис., 279 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 35 к.

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды, Л. Черскаго, съ рис. художн. Михайлова. Спб.; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Русскіе историческіе разсказы для дѣтей. Л. Шелгуновой, съ 26 рисунками художника Неслера; 2-ое изд., въ папкѣ, ц. 60 к.

*Царство сказокъ Карменъ Сильва (Елизаветы, Румынской королевы). Переводъ С. Майковой, 2-е изд. 311 стр. съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Сказки Уйда. Перев. съ англ. съ рис.; въ папкѣ, 2-ое изд., ц. 1 р.

Польскія сказки. Съ рисунками художника Штейна. 312 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Лаутчикъ и «На возвышенности Карро». 2 разсказа Фр. Гофманъ. 2-ое изд. съ картинами; въ папкѣ, 264 стр., ц. 1 р.

*Опасности дикихъ странъ. Жизнь и необыкновенныя приключенія среди американскихъ лѣсовъ. Соч. Фр. Гофманъ, перев. подъ редакціей Н. Познякова, съ рис. худож. Штейна. 2 изд., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Избранныя сказки Андерсена. Перев. М. А. Лялиной. 2-ое дополненное иллюстр. изд, 272 стр., съ 50 рис.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Избранныя сказки Андерсена. 2-ой томъ Перев. А. Н. Нефловой, съ 90 рис. 272 стр. въ папкѣ, ц. 1 р.

*Для ума и сердца. Разсказы для дѣтей средняго возраста А. Н. Нефловой. Съ 60 рисун. 263 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Маленькіе школьники пяти частей свѣта. Парижанинъ.—Американецъ.—Китаецъ.—Эскимосъ.—Африканецъ.—Австраліецъ. Соч. Эли Бертэ, переводъ А. Неѣловой, съ 75 рис.; 237 стр., въ папкѣ; ц. 1 р.

Почитай—мы послушаемъ. Разсказы для дѣтей младшаго возраста. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ предисловіемъ И. Тургенева. Спб. 264 стр. съ 30-ю рис. художн. Зубрилова и друг.; въ папкѣ ц. 1 р.

Катя. Повѣсть. Соч. Гордѣевой-Щербинской, съ 16-тью рисунками художн. И. Зубрилова и др. съ предисловіемъ И. Тургенева. 231 страницъ; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Жизнь и удивительныя приключенія Робинзона Крузе, описанныя имъ самимъ. Соч. Даніэля Дэфо. Полный переводъ В. Владимірова съ 200 рис. художн. Гранвиля. 400 стр., ц. 1 р.; въ папкѣ ц. 1 р. 20 к.

Юнга на кораблѣ Корсара. Соч. П. Маэль, перев. Михайловой, съ рис. франц. художника Париса и др., 262 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Святочные разсказы. Чарльза Дикенса. Полный переводъ съ англійск. Г. Резенера, 4 изд. 55 рис. 453 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Избранныя русскія сказки. Сост. по Афанасьеву и др., 5 изд. Съ 78 рис. и заставк. художн. Р. Штейна. 320 стр., ц. 1 р. 50 к.

Кладъ. Историческая повѣсть временъ завоеванія Іоанномъ III Великаго Новгорода. Соч. К. Теплова, съ рис.; въ папкѣ, ц. 60 к.

Маленькіе путешественники. Приключеніе трехъ дѣтей въ Алжирѣ. Повѣсть Ад. Баденя, съ 40 рис. франц. художн. Беннета; въ папкѣ, ц. 60 к.

*Дѣтскій мірокъ. Разсказы Софьи Макаровой, съ рисунками. ц. 60 к.

Маленькій горбунъ. Соч. Графини Сегюръ-Растопчиной. Съ 100 рис. франц. художн. *Эм. Баяра.* Пер. Е. Чистяковой-Вэръ. Спб. Въ крас. папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Три сестры. Повѣсть для молодыхъ дѣвицъ. Соч. Мансеръ, перев. съ англійскаго Львовой, съ рис. Маргенсона, въ папкѣ, ц. 1 р.

Шалуны. 20 разсказовъ о проказахъ гимназистовъ-шалуновъ Н. Ратомскаго, съ 25 рисун. художн. Захарова; въ папкѣ, ц. 50 к.

Зимнія и лѣтнія дѣтскія забавы. Сборникъ для младшаго возраста съ 131 рис. Соч. Е. Чистяковой-Вэръ; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Донъ Кихотъ Ламанчскій. Изданіе подъ редакціей М. Б. Чистякова. 4-е изданіе, съ 100 рис., 320 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р.

*Дневникъ школьника. Эдм. Д'Амичисъ, переводъ и предисловіе В. Крестовскаго, 5-е изд., 262 стр., съ рис.; въ папкѣ, ц. 1 р. 20 к.

*Сказки, преданія и легенды всѣхъ странъ и народовъ Владимірової-Европеусъ. 2-е изд., съ 50 рис., 320 стр., въ папкѣ, ц. 1 р. 50 к.

*Сто сказокъ разныхъ странъ и народовъ. Сборникъ составленъ А. Н. Неѣловой. Большой томъ, 461 стр. Съ 165 рис. въ папкѣ, ц. 2 р.

*Избранныя сказки и разсказы. Соч. А. Додэ. Переводъ А. Н. Неѣловой. Съ 35 рисунк. художн. Баяра и Мари; къ папкѣ, 252 стр, ц. 1 р.

Книги, отмѣченныя звѣздочкой допущены Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ихъ учебныя заведенія.

24562 37.72.6.25.

ЦѢНА 1 р. 35 к.

ПЕРЕПЛЕТНАЯ
С.ПБ. ЗАГОРОДНЫЙ ПР. №58.